ПЕРЕПИСКА С А. А. КУРСИНСКИМ
1895—1916

Вступительная статья А. А. Козловского и Р. Л. Щербакова
Публикация и комментарии Р. Л. Щербакова

Александр Антонович Курсинский (1873—1919) — поэт, переводчик и журналист — известен теперь только узкому кругу специалистов. Но в свое время он был довольно заметной фигурой молодого символистского движения. Близкий друг Бальмонта и Брюсова, автор двух стихотворных сборников и сборника стихов и прозы [1], Курсинский часто упоминается в дневниках, воспоминаниях, письмах литераторов декадентского направления, но как-то всегда мельком, вскользь. Причина, очевидно, в том, что талант его был не ярок, литературная продуктивность — весьма умеренна, а творческая позиция — половинчата. Ценителям модернистской поэзии стихотворения Курсинского казались слишком традиционными, а ее противникам, наоборот, вычурными и непонятными. Брюсов в письме к В. К. Станюковичу осенью 1895 г. называл Курсинского своим подражателем [2], а позднее, в 1906 г., причислял его к школе Бальмонта [3]. Но нет в стихах Курсинского ни брюсовской чеканности, ни бальмонтовской певучести.

Более заметной оказалась переводческая деятельность Курсинского, в целом ряде случаев положительно оцененная тогдашней критикой [4]. Он владел английским, французским, немецким, болгарским и польским языками. Отдельными изданиями вышли в его переводах «Небожественная комедия» З. Красиньского [5], «Афоризмы и прелюдии» С. Пшибышевского [6], «Доктор Мухолапский» Э. Маевского [7] и «Флорентинская трагедия» О. Уайльда [8]. В сборниках поэта и на страницах периодических изданий публиковались также его переводы из Т. Мура [9], П.-Б. Шелли, Ю. Словацкого, Э. По, Г. Лонгфелло [10], Ш. Бодлера [11] и др.

Наибольшую известность Курсинский имел как журналист, а также литературный и театральный критик. Его заметки, рецензии, статьи, обзоры появлялись не только на страницах «Весов» и «Золотого руна», но и в органах печати самых различных литературных и политических направлений, в журнале «Русский артист» и в газетах «Курьер», «Утро России», «Русское слово». В 1906 г. Курсинский намеревался под заглавием «Беглые строчки» выпустить сборник своих газетных и журнальных статей [12]. Замысел этот не осуществился, и его многочисленные фельетоны, библиографические заметки, театральные отклики оказались затерянными на страницах периодики начала века.

Поскольку фигура Курсинского до последнего времени не привлекала внимания литературоведов, жизненный путь его изучен недостаточно. Родился Курсинский в Киеве 10 мая 1873 г. Он был внебрачным ребенком дочери коллежского секретаря Ванды (Норбертины) Андреевны *Краевской* (1852—1899). Отец его, динабургский мещанин Антон Адамович *Курсинский* (1823—?), женился вторым браком на Ванде Андреевне уже после рождения сына. Просьба Антона Адамовича об усыновлении ребенка не была удовлетворена — по тогдашним законам для податных сословий мальчик был «приписан к семейству» Курсинского [13]. Отец был на 29 лет старше своей второй жены, он довольно часто болел, а потому воспитанием сына занималась в основном мать, получившая по тому времени неплохое образование [14].

Еще ребенком родители перевозят Курсинского в Москву, где он в 1884 г. поступает в 3-ю Московскую гимназию, а после успешного ее окончания в 1891 г. становится студентом славяно-русского отделения историко-филологического факультета Московского университета. В период учебы Курсинский обращает на себя внимание профессора Н. И. Стороженко, читавшего курс истории западноевропейской литературы, который рекомендует способного студента в семью Л. Н. Толстого в качестве репетитора его сына Михаила [15]. Лето 1895 г. Курсинский проводит в Ясной Поляне. Эти месяцы — время наиболее интенсивной переписки Брюсова и Курсинского.

А. А. КУРСИНСКИЙ
Фотография П. Павлова. Москва, 1895
Центральный исторический архив города Москвы

Хотя Брюсов был студентом того же факультета, что и Курсинский, познакомились они не в университете, а в Русском охотничьем клубе на представлении пьесы М. Метерлинка «Втируша». В архиве дочери Курсинского хранилась программа этого вечера, состоявшегося 3 мая 1894 г., с карандашной пометой: «Первое знакомство с Брюсовым» [16]. Знакомство это, по всей видимости, довольно быстро перешло в дружбу [17]. Курсинский привлекает Брюсова в Кружок любителей западной литературы, в котором он был секретарем [18], а Брюсов, в свою очередь, вводит его в Московский библиографический кружок [19]. Вероятно, именно Курсинский знакомит Брюсова с Георгом Бахманом и Тором Ланге, своими гимназическими учителями.

Многое объединяет молодых людей: интерес к новой поэзии, увлеченность западной литературой, работа над техникой стиха и перевода, надежды, связанные с первыми собственными сборниками, круг общих друзей и небольшие молодежные пирушки, происходившие обычно после заседаний студенческого кружка любителей западной литературы [20]. В дневнике Брюсова 1 сентября 1895 г. сделана запись: «Меня до того изумило вежливое молчание моих друзей о „Chefs d'oeuvre", что я сбежал вчера к Курсинскому. Он еще не приезжал, но я его дождался (лишь вчера он из Ясной Поляны, а сегодня домой). Курсинский ближе других ко мне» [21].

Летом 1895 г. в Ясной Поляне Курсинский начал составлять сборник оригинальных и переводных стихотворений «Полутени». Брюсов был его первым читателем, а также переписчиком, редактором, критиком и распространителем. Поэтическое творчество Курсинского Брюсов в это время оценивал весьма высоко. 27 июля 1895 г. он писал П. П. Перцову: «Может быть, Вы ⟨. . .⟩ укажете мне какие-нибудь сборники стихов, вышедшие в этом году и достойные внимания. Те, с которыми знаком я,— ничтожны, если, впрочем, не считать маленькой рукописи, которую я редактировал недавно: то "Полутени" полусимволиста г. Курсинского; они появятся осенью, и многие стихотворения из них мне кажутся очень значительными» [22]. Брюсов намеревался посвятить «Полутеням» одну из глав своей книги «Русская поэзия в 1895 году» [23].

В период своей репетиторской деятельности в Ясной Поляне [24] Курсинский очень много работает. Кроме «Полутеней», он готовит сборник переводов из Эдгара По, пишет роман «Хмурое небо», изучает итальянский язык, разбирает библиотеку Л. Толстого, переписывает по просьбе Софьи Андреевны «Воскресение». Не случайно 22 сентября Брюсов доводит до сведения Перцова: «Из самых верных источников могу сообщить, что Л. Толстой пишет роман из жизни "господ", большой и тенденциозный» [25].

Весной 1896 г. Курсинский заканчивает университет и получает диплом 1-й степени. Проф. Н. И. Стороженко рекомендует его для работы на кафедре, но Курсинского призывают для прохождения действительной службы. Проведя лето в Ясной Поляне, он в сентябре поступает в Киевское юнкерское училище. С весны 1897 г. подпоручик Курсинский находится в военных лагерях в г. Горбатове Нижегородской губернии, а затем продолжает службу в 307 Арзамасском полку. Осенью 1898 г. Курсинский уходит в отставку и, не найдя ра-

А. Курсинскій

I

ПОЛУТѢНИ

СТИХОТВОРЕНІЯ

II

ИЗЪ ТОМАСА МУРА

МОСКВА

1896

А. Курсинскій

I

ПОЛУТѢНИ

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

за 1894 и 95 гг.

II

ИЗЪ ТОМАСА МУРА

МЕЛОДІИ

Переводъ съ англійскаго.

МОСКВА

ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

1896.

А. КУРСИНСКИЙ. I ПОЛУТЕНИ. СТИХОТВОРЕНИЯ. II ИЗ ТОМАСА МУРА. М., 1896

Обложка, титульный лист. На шмуцтитуле — дарственная надпись: «Нине Робертовне Таировой в знак признательности и в память 7го апреля 94 года. Восторг есть миг и красота есть тень; ‖ Она залог грядущего блаженства. ‖ Кто тень поймал, тот верил в совершенство, ‖ Идет к нему с ступени на ступень... А. Курсинский»

Собрание Л. М. Тульчинского, Москва

боты в Москве [26], поступает преподавателем словесности в Серпуховскую женскую прогимназию.

К этому времени дружба Брюсова с Курсинским, потеряв живительную творческую основу, становится все более внешней. Все реже происходит обмен письмами, все суше их тон и короче размер. В дневниках Брюсова мелькают такие записи: «Дважды виделся с Бальмонтом. Один раз это было у Курсинского ⟨. . .⟩ Читали стихи, много стихов, Шелли, Добролюбова, нас троих. Курсинский мешал нам. Когда я прочел "На новый колокол", он воскликнул в негодовании: „Но если так, то, в конце концов, мы будем перелагать в стихи песни нищих". О, sancta simplicitas» * (4 октября 1898 г.); «Курсинский говорил глупости о стихах вообще и о стихах Ореуса в частности» (9 февраля 1899 г.); «Был у меня Курсинский. Он скучен, как и прежде. Готовит книгу стихов» (28 сентября 1899 г.) [27].

Второй сборник Курсинского — «Стихи» — вышел не в 1902 г., как указано на обложке, а в сентябре 1901 г., вскоре после переезда автора в Москву. Немногочисленные рецензенты отнеслись к книге довольно сдержанно: «Нельзя отказать ему ни в некотором таланте, ни в безусловном умении владеть стихом. Его стихотворение "Ночные облака в марте", десять лет тому назад напечатанное в журнале "Детский отдых" [28], положительно недурно, как по форме, так и по направлению. Но рядом с этим и несколькими другими звучными и не лишенными оригинальности стихотворениями г-на Курсинского в его сборнике встречаются и такие "стихи", которые ни малейшего отношения к поэзии не имеют и представляют из себя какой-то стихотворный сумбур, составленный по рецепту наших доморощенных декадентов» [29].

Период с 1901 по 1903 г. в литературном отношении был для Курсинского наиболее продуктивным. Вероятно, по этой причине он решает расстаться с педагогической деятельно-

* святая простота *(лат.)*.

стью и зарабатывать на жизнь пером. В 1903 г. Курсинский начинает регулярно выступать в газете демократического направления «Курьер». Скорее всего, к сотрудничеству с газетой Курсинского привлекли хорошо знавшие его по Кружку любителей западной литературы П. С. Коган, возглавлявший в «Курьере» отдел библиографии, и В. М. Фриче, публиковавший там еженедельные «Очерки иностранной литературы».

В «Курьере» печатались М. Горький, И. Бунин, Л. Андреев, В. Вересаев, А. Серафимович и другие писатели, близкие к петербургскому издательству «Знание» и московскому литературно-художественному кружку «Среда» [30]. На Курсинского, легко поддававшегося посторонним влияниям, радикальные демократические настроения редакции «Курьера» оказали заметное воздействие. Можно предположить, что резкость тона письма, посланного им Брюсову в августе 1903 г. (п. 66), вызвана не только свойственной Курсинскому несдержанностью, гипертрофированным самомнением и заносчивостью, но и определенной переменой его литературной и политической ориентации. Особенно четко отразилась эта трансформация в заметке Курсинского, опубликованной в «Курьере» осенью того же года под его обычным псевдонимом «Досужий обыватель». В ней Курсинский резко выступил против декадентства. Он писал: «Ничего не имею против того, что декадентство есть нечто, вполне оправдывающее понятие слова, которым оно выражается. Это вредное, болезненное упадочничество, язва на духовном организме нашего общества, которой нельзя давать распространения, которую возможно скорее нужно лечить, уничтожать и, во всяком случае, остановить в ее развитии». В этой статье Курсинский отрекается не только от декадентства, но и от своих недавних друзей-символистов. Статья «Досужего обывателя» кончается так: «Если десять лет назад, когда впервые выскользнула на поверхность книжного моря книжечка в сорок страничек под заглавием "Русские символисты",— они, действительно, казались маленьким безвредным уколом ⟨. . .⟩ то теперь дело уже представляется совершенно в ином виде. Бальмонты и Брюсовы слишком сильны в своей вредности и ядовитости. За ними несомненный поэтический талант, делающий для многих привлекательной каждую их мысль, какой бы вред для общественного организма ни таился под оболочкой привлекающей их красоты» [31].

Резкий тон статьи был неожидан в газете, охотно публиковавшей стихотворения Бальмонта, поэтому она получила достаточно широкий резонанс, докатившийся и до провинции. Например, некий «Читатель» (Крымский курьер. 1903. № 326, 20 дек.) предлагал выдать московскому «Курьеру» вообще, а г-ну «Досужему обывателю» в частности жетон с надписью: «И я сжег все, чему поклонялся, поклонился всему, что сжигал». «Читатель», возможно, хорошо осведомленный, кто скрывается за маской «Досужего обывателя», напоминал: «Они устраивали в Литературном кружке рефераты, во время которых Бальмонт хвалил Брюсова, Брюсов — Бальмонта, Поляков — обоих, Курсинский — всех троих. А затем в "Курьере" печатали подробные отчеты об этих живительных и отрадных рефератах».

Статья Курсинского привела к временному разрыву его отношений с Брюсовым. Об этом свидетельствует как прекращение переписки, так — косвенно — и тот факт, что Брюсов подарил Курсинскому свой сборник «Urbi et Orbi», вышедший в октябре 1903 г., с большим запозданием. Красноречива и дарственная надпись: «Александру Антоновичу Курсинскому память давней дружбы, знак всегдашнего сочувствия, с надеждой на будущие встречи.

1905, февраль. Валерий Брюсов» [32].

В июне 1904 г. правительственные репрессии привели к приостановке издания «Курьера». Потерявший работу Курсинский сначала сотрудничает в газете «Русская правда», а потом возвращается к педагогической деятельности. Он преподает в женской гимназии З. Д. Перепелкиной и Набилковском коммерческом училище, а затем в Кадетском корпусе. В это же время Курсинский готовит очередной сборник своих произведений, работает над драмой в 4 действиях «Метеор. (В погоне за жизнью)», сохранившейся в его архиве [33]. Драма эта, получившая 24 сентября 1904 г. разрешение на постановку, так и не была сыграна.

В 1906 г. не без помощи Брюсова Курсинский вновь оказывается в декадентском лагере: он становится сотрудником «Золотого руна», заменив там вскоре заведующего литературным отделом С. А. Соколова (Кречетова), поссорившегося с издателем журнала Н. П. Рябушинским. Брюсов рассчитывал как-то влиять через своего старого приятеля на политику конкурирующего издания [34]. 8 октября 1906 г. в письме к З. Н. Гиппиус Брюсов с удовлетворением отмечал: «Все более решающее положение в "Руне" занимает наш общий приятель А. А. Курсинский [35]...» В отсутствие Н. П. Рябушинского Курсинский выполняет даже редакторские обязанности [36].

Весной 1906 г. выходит последний сборник Курсинского — «Сквозь призму души», в котором собраны стихотворения, рассказы и переводы. Однако этот наиболее солидный и представительный сборник не продемонстрировал заметного прогресса автора. Даже дружественные Курсинскому критики отмечали риторичность, напыщенность и оторванность от жизни его произведений. Валерий Брюсов писал: «Поэт всегда, как Антей, получает силы лишь касаясь земли. И там, где г. Курсинский отрешается от притязаний быть "вне закона", а также вне времени и пространства, где он хочет быть верным действительности,— он оказывается хорошим поэтом бальмонтовской школы, не лишенным индивидуальности. В некоторых стихотворениях, правда немногих, он высказывает истинную власть художника над словом, заставляя его верно и точно передавать порыв души» [37]. Еще более категоричен Генрих Тастевен: «Вообще Курсинскому нельзя отказать ни в оригинальности, ни в даровании, но дальше идти по тому же направлению совершенно некуда ⟨. . .⟩ Только в соприкосновеньи с живыми силами жизни заключается залог возрождения для автора» [38]. Возможно, и сам Курсинский считал, что его лучшие поэтические достижения в прошлом. Во всяком случае, свой сборник «Сквозь призму души» он подарил Брюсову с надписью: «С тобой встречались в дни расцвета» [39].

Сотрудничество Курсинского в «Золотом руне» оказалось также непродолжительным. Его отношения с издателем журнала развивались почти по той же схеме, что и у его предшественника Соколова-Кречетова. Рябушинский желал бесконтрольно распоряжаться литературным отделом «Золотого руна», совершенно не считаясь со взглядами и вкусами сотрудников редакции. Все это привело к публичному скандалу. 18 марта 1907 г. Курсинский объявил через газету, что он «вынужден был выйти как из числа сотрудников, так и из состава редакции» «Золотого руна» и одновременно обратился к «Весам» с просьбой «об организации третейского суда» для разрешения конфликта с Рябушинским [40]. В письме, посланном тогда же издателю «Весов» С. А. Полякову, Курсинский более подробно изложил суть дела: «Не выражая мне неудовольствия по поводу ведения мною литературного отдела в его журнале, не предлагая мне оставить службу в виду предрешенного упразднения этого отдела [41], г. Рябушинский, в то время как я по-прежнему продолжал добросовестно исполнять свои обязанности, сначала прекратил со мною всякие совещания о делах, касающихся журнала, затем прекратил всякие разговоры вообще, словно совершенно не замечал моего присутствия в редакции, и, наконец, довел свою невнимательность ко мне до явно оскорбительного отношения, выражавшегося в том, что 15 марта, уходя из редакции и прощаясь с присутствующими, обошел меня и не подал мне руки» [42]. Редакция «Весов» согласилась выступить в качестве третейского судьи [43], Рябушинский вынужден был принести свои извинения [44].

Инцидент с Курсинским стал одной из причин все обостряющегося противостояния «Золотого руна» и «Весов» [45], но сам он непосредственного участия в полемике двух журналов не принимал, хотя в 1907 г. сотрудничал с «Весами» довольно активно: в №№ 5—9 напечатано несколько его критических заметок; в № 11 — стихотворение «Когда старуха-Жизнь, гнилые скаля зубы...». Заметки вряд ли способствовали укреплению литературного авторитета Курсинского. Порою его критика была довольно объективна, как, например, в рецензии на роман А. М. Федорова «Камни» [46], где он восставал против натурализма и бытописательства, однако гораздо чаще под ударом оказывались писатели-реалисты, близкие к кругу «Знания», с которыми Курсинский сотрудничал ранее в газете «Курьер»: И. Бунин, А. Куприн, А. Луначарский и др.[47] Подобные трансформации характеризуют неустойчивость литературных и политических взглядов Курсинского. Его переходы из лагеря в лагерь отнюдь не являются показателями ломки мировоззренческой или эстетической ориентации. Чаще всего они отражают сиюминутные личные конфликты, вспышки литературной амбиции, свойственную Курсинскому обидчивость. Примером тому может служить недолгий альянс с «Весами». Фельетон Т. Ардова «Румынская критика» [48], содержащий грубые выпады против К. Чуковского, Н. Петровской и прочих близких к «Весам» литераторов, вызвал резкую отповедь В. Брюсова, И. Бунина, А. Белого и других писателей [49]. Диссонансом прозвучал только голос Курсинского. «Не огорчайтесь же олимпийски величественным жестом самозванного литературного синода,— поддерживал он Т. Ардова в письме в редакцию газеты "Раннее утро" [50],— и примите уверение в искреннем сочувствии к Вам». Одновременно с «письмом в редакцию» Курсинский 1 марта 1908 г. посылает уведомление С. А. Полякову, что он не может «далее оставаться даже и номинальным сотрудником» журнала «Весы» [51].

Окончательно покинув декадентский лагерь, Курсинский активно сотрудничает в этот

период в газете «Утро России», журнале «Русский артист» и даже предпринимает попытку организовать собственное периодическое издание. В ноябре 1907 г. «отставному надворному советнику А. А. Курсинскому» было выдано свидетельство на издание газеты «Клуб». Издатель намеревался также быть и редактором этого органа с весьма широкой программой. «Клуб», выходящий два раза в неделю, обещал публиковать русскую и иностранную беллетристику, литературно-критические статьи, театральные и музыкальные обзоры, давать хронику городской жизни, помещать спортивную информацию и вести справочный отдел [52]. 11 декабря 1907 г. вышел первый номер газеты, которая просуществовала всего неделю: не набралось нужного количества подписчиков. Потерпев фиаско как издатель, Курсинский на несколько лет связал свою судьбу с отделом хроники популярной московской газеты «Русское слово», издававшейся И. Д. Сытиным.

Примерно на этот же срок, с 1908 по 1913 г., наступает перерыв в переписке Брюсова и Курсинского. Последний, занятый кропотливой журналистской работой, постепенно отходил от поэзии. Лишь спорадически появляются его рассказы, резко сокращается переводческая деятельность. Да и на страницах «Русского слова» не часто появляется фамилия сотрудника редакции Курсинского. Постоянно печатающиеся В. Дорошевич, Вл. Гиляровский, Вас. Немирович-Данченко, В. Варварин (В. Розанов), Тэффи оттеснили Курсинского на роль безымянного хроникера. Скорее всего, этому способствовали его новые увлечения. Как сообщает дочь Курсинского, в эти годы «он интересовался и новым театром, и новым тогда видом искусства — кино, он написал несколько сценариев для кинофильмов, и даже увлекался авиацией — окончил школу авиации и был один из первых авиаторов — непрофессионалов» [53].

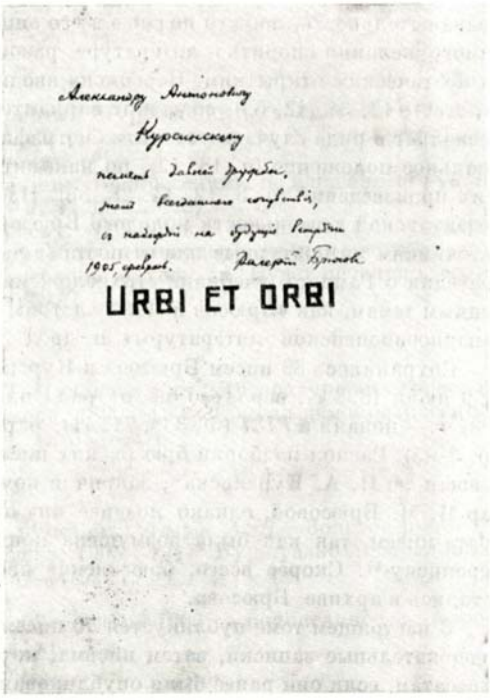
С лета 1913 г. положение Курсинского в газете стало осложняться. В мае он поместил в газете заметку «Театр в Малаховке» о спектакле «Женитьба Фигаро», поставленном в Народном доме. В целом благожелательная рецензия кончалась замечанием, что «спектакль несколько теряет лишь от отсутствия в труппе подходящей исполнительницы для роли Сюзанны, которая менее всего подходит для г-жи Дымовой» [54]. На следующий день в газете «Театр» ее редактор Н. В. Карабанов под псевдонимом «Ник. Картэр» поместил заметку, в которой писал: «Некий поэт в отставке, бывший рецензент и судебный хроникер, летом, за отсутствием подходящих занятий, пишущий полухроникерские заметки о народных домах, обратился к редактору другой газеты с предложением своих услуг. Тот ответил отказом.

Тогда сей муж решил отомстить человеку, не признающему его таланта, уязвив врага в самое больное место. Жена редактора играет в одном из подмосковных дачных театров. Писака едет туда, а затем строчит убийственный отзыв об игре артистки. Отомстил. Только вот интересно, как такие поступки называются?» [55] На редакционном собрании «Русского слова» было решено не раздувать возникший конфликт, однако он сыграл свою роль: В. М. Дорошевич, оставшись недовольным последовавшей вскоре статьей Курсинского о гастроли Е. В. Гельцер в московском народном доме [56], запретил ему давать в газету иной материал, кроме голых фактов, и поставил журналистскую деятельность Курсинского под контроль заведующего отделом городской хроники Б. П. Брио. Реакцией обиженного Курсинского на это распоряжение стал «скандальный экспресс в нетрезвом состоянии», в результате которого 18 июня 1913 г. ему пришлось оставить «Русское слово» [57].

Оказавшись без работы, Курсинский вспомнил о старом друге, и Брюсов вновь проявил великодушие. 13 августа 1913 г. он обращается к А. Е. Грузинскому с просьбой подыскать какое-нибудь дело в издательстве «Окто» для ушедшего из газеты Курсинского [58]. А осенью того же года Брюсов предоставляет ему право инсценировки своего рассказа «Сестры» (см. п. 68).

Незадолго до мировой войны увлекшийся кинематографом Курсинский написал несколько сценариев. Часть из них сохранилась [59]. Кроме уже упомянутых «Сестер», уцелела кинодрама в двух частях с эпилогом «Лотерея», драматические сцены из античной жизни «Герострат», кинокомедия в двух частях «Шемякин суд», кинодрама в трех частях «Месть цветов» и сценарий по мотивам собственного рассказа «Преступление Теофиля Друо». Художественный уровень всех этих кинопроизведений не высок, что, очевидно, определялось в какой-то степени нетребовательностью тогдашнего русского кинопроката.

В первую мировую войну Курсинский был мобилизован и направлен в газету «Армейский вестник», издаваемую при Штабе главнокомандующего армиями Юго-западного фронта. В 1915 г. с № 175 штабс-капитан Курсинский становится редактором как газеты, так и еженедельного иллюстрированного приложения к ней. После Октябрьской революции он воз-



В. БРЮСОВ. URBI ET ORBI. М., «СКОРПІОН», 1903

Титульный лист, выполненный по рисунку В. Я. Брюсова, и авантитул с дарственной надписью: «Александру Антоновичу Курсинскому память давней дружбы, знак всегдашнего сочувствия, с надеждой на будущие встречи. 1905, февраль. Валерий Брюсов»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

вращается в Москву, пытается вновь завязать отношения с киностудиями, а «в 1919 году, как уроженец Киева, уезжает туда» [60], и дальнейших сведений о нем не имеется.

Публикуемые письма неоднократно цитировались в различных исследовательских и комментаторских материалах. Несколько раз предпринимались попытки напечатать их. В первый раз переписка была подготовлена в 1932 г. Н. А. Курсинской для одного из выпусков «Звеньев». Работа была закончена и одобрена издательством [61], но в свет не вышла. Через три года И. М. Брюсова попыталась опубликовать ту же переписку, но, скорее всего, ее намерению помешал протест Курсинской, не оставлявшей надежды довести самой до конца начатое дело [62]. В 1937 г. О. В. Цехновицер просил Н. А. Курсинскую выслать в Пушкинский Дом подготовленную ею работу для включения ее в сборник «Переписка В. Я. Брюсова с символистами» [63]. Издание это реализовать не удалось. Затем в 1940 г. Н. С. Ашукин включил письма Брюсова к Курсинскому в том «Летописи Государственного литературного музея». Примечания были составлены Н. А. Курсинской. Подготовленные к печати материалы, выходу в свет которых помешала война, сохранились в архиве Ашукина [64]. Только в 1966 г. в журнале «Ставрополье» В. С. Дронов опубликовал без комментариев пять писем 1896 г. Брюсова к Курсинскому из Пятигорска [65], и затем он же в другом издании добавил к этой подборке первое письмо с юга [66].

Переписка Брюсова с Курсинским, длившаяся более 20 лет, представляет значительную литературоведческую ценность. Прежде всего необходимо отметить, что это переписка двух поэтов. В ней не так много бытовых подробностей, но зато идет непрерывный обмен мнениями о прочитанных книгах и критических статьях, выставках живописи и памятниках архитектуры, технике подготовки рукописей к изданию и творческих планах на ближайшее и отдаленное будущее. Но главным образом письма наполнены стихами, своими и чужими, одобренными и хулимыми, вошедшими в золотой фонд отечественной поэзии и никому не известными.

Особенно интенсивно обмен письмами проходил в 1895—1896 годах. И пусть литературные вкусы Брюсова в этот период далеко не установились, в высказываниях была заметна

подражательность, но зато позднее в его эпистолярном наследии уже не будет столь неукротимого желания спорить о литературе, разбирать до деталей чужие произведения, радоваться поэтическим открытиям. Переписка вводит в оборот неизвестные стихотворения Брюсова (п. 2, 11, 13, 34, 42, 50), содержит варианты уже опубликованных текстов (п. 2, 3, 25, 28), позволяет в ряде случаев уточнить биографию поэта (п. 14, 25, 29, 49, 55), уяснить его материальное положение (п. 18, 43), познакомиться с брюсовскими оценками собственных и чужих произведений (п. 8, 12, 14, 28, 35). Настоящая публикация дает любопытные примеры редакторской деятельности молодого Брюсова, раскрывает неизвестные по другим печатным источникам литературные планы поэта (в частности, разработки сюжета романа «Октавия», трагедии о Гамлете, учебника стихосложения), добавляет ценные штрихи к таким малоизученным темам, как «Брюсов и Лев Толстой», «Брюсов и кино», «Брюсов в Кружке любителей западноевропейской литературы» и др.

Сохранилось 89 писем Брюсова к Курсинскому. 21 из них — все письма 1895 г., письмо от 9 июля 1898 г., вероятно не отправленное (см. п. 47, прим. 1), и записка от 1 февраля 1907 г.— попали в *ГБЛ* (Ф. 386, 71. 41), остальные хранятся в *ЦГАЛИ* (Ф. 1223. Оп. 1. Ед. хр. 3—5). Раскол подборки брюсовских писем объясняется, по всей видимости, тем, что владевшая ею Н. А. Курсинская, закончив комментарий для «Звеньев», преподнесла письма в дар И. М. Брюсовой, однако позднее она отказалась от своего решения и потребовала возврата писем, так как была возмущена попыткой Брюсовой самостоятельно опубликовать переписку [67]. Скорее всего, брюсовские письма 1895 г. не были возвращены Курсинской и остались в архиве Брюсова.

В настоящем томе публикуется 50 писем Брюсова [68]. При отборе были исключены малосодержательные записки, затем письма, которые Брюсов писал «под копирку» нескольким адресатам, если они ранее были опубликованы. По этой причине выпало два письма: от 5 декабря 1896 г., совпадающее с письмом к Е. И. Павловской от 4 декабря 1896 г. (см.: *Тетради*, п. 55—В), а также недатированное письмо 1901 г., весьма близкое по тексту к письму к А. А. Шестеркиной от 1 июля 1901 г.[69] и почти совпадающее с письмом к И. А. Бунину [70]. Были опущены также два брюсовских письма, по различным причинам продублированные (см. прим. к п. 21 и 47).

У Брюсова хранилось, судя по нумерации конвертов, около 60 писем Курсинского. Из них уцелело 46. Все они собраны в *ГБЛ* (Ф. 386, 91. 24—26). В настоящем томе публикуется полностью половина из них, несколько писем приведены частично в примечаниях (п. 56, 58 и др.).

[1] *Курсинский А.* Полутени. М.: Печ. А. Снегиревой, 1896; *Он же.* Стихи. М.: Тип. т-ва А. Мамонтова, 1902; *Он же.* Сквозь призму души. М.: Гриф, 1906.

[2] *ЛН.* Т. 85. С. 737.

[3] Весы. 1906. № 7. С. 57.

[4] См., напр.: Утро России. 1907. № 1, 16 сент.; *Г⟨офман⟩ Викт.* О. Уайльд. Флорентинская трагедия // Русское слово. 1908. № 95. 24 апр.; То же // Раннее утро. 1907. № 29, 21 дек.

[5] *Красиньский З.* Небожественная комедия. М.: Скорпион, 1902; 2-е изд. М.: Скорпион, 1906.

[6] *Пшибышевский С.* Афоризмы и прелюдии. М.: Тип. т-ва А. Мамонтова, 1902.

[7] *Маевский Э.* Доктор Мухолапский. М.: Изд. И. Д. Сытина, 1903.

[8] *Уайльд О.* Флорентинская трагедия/Пер. А. Курсинского и М. Ликиардопуло. М.: Скорпион, 1907; 2-е изд. М.: Польза, 1915.

[9] Сб. *Полутени.*

[10] Сб. «Сквозь призму души» (см. прим. 1).

[11] Сб. «Итоги». М.: Изд. газ. «Курьер», 1903; Курьер. 1903. № 139. 17 июля; 1903. № 185. 1 сент.

[12] Этот сборник анонсируется на авантитуле книги Курсинского «Сквозь призму души».

[13] См. Личное дело студента Московского университета А. А. Курсинского // *ЦГИА* г. Москвы. Ф. 418. Оп. 305. Д. 376. Л. 21.

[14] Воспоминания Н. А. Курсинской // *ГБЛ.* Ф. 386, 140.21.

[15] См.: *Толстой С. Л.* Очерки былого. Тула, 1965. С. 374.

[16] Воспоминания Н. А. Курсинской // *ГБЛ.* Ф. 386, 140.21.

[17] См.: *Дневники.* С. 20—22.

[18] См. Устав Кружка любителей западноевропейской литературы // *ГБЛ.* Ф. 389, 1.13.

[19] 8 мая 1895 г. Курсинский получил разрешение в Университете для поступления в число действительных членов библиографического кружка. На разрешении имеется помета: «Удостоверение получил 14 мая 1895 г. Валерий Брюсов» (*ЦГИА* г. Москвы. Ф. 418. Оп. 305. Д. 386. Л. 4).

[20] См. п. 10, прим. 2.
[21] *Дневники*. С. 22.
[22] *Письма к Перцову*. С. 33.
[23] См. п. 8, прим. 14.
[24] Краткие воспоминания о встречах с Л. Толстым Курсинский опубликовал в газете «Курьер» (1903. № 181. 28 авг.) за подписью А. К. См. об этом статью Л. Р. Ланского «Толстой читает „Воскресение"» (*ЛГ*. 1970. № 26, 24 июня).
[25] *Письма к Перцову*. С. 44. Сохранились страницы «Воскресения», переписанные рукой Курсинского (*Толстой Л. Н.* Полн собр. соч.: В 90 т. Т. 33. С. 428).
[26] 7 января 1899 г. Курсинский сообщал Брюсову: «Я здоров и ежедневно с 11 утра до 5 вечера шатаюсь по городу, ища кому бы могла понадобиться моя здоровая (как мне кажется) голова и здоровые руки. Однако приложения им доселе не находится. Будет печально, если так продолжится до Серпухова, т. е. до августа» (*ГБЛ*. Ф. 386, 91.25. Л. 22).
[27] *Дневники*. С. 50, 61, 76.
[28] Детский отдых. 1900. № 3.
[29] Московские ведомости. 1901. № 288. 19 окт.
[30] О газете «Курьер» см. подробнее статью В. Н. Чувакова в кн.: Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века, 1890—1904: Социал-демократические и общедемократические издания. М.: Наука, 1981. С. 353—376.
[31] Курьер. 1903. № 272. 30 нояб.
[32] *ГБЛ*. Ф. 389, 2.6.
[33] *ГБЛ*. Ф. 389, 1.4.
[34] О сотрудничестве Курсинского в «Золотом руне» см.: *Лавров А. В.* «Золотое руно» // Русская литература и журналистика начала XX века, 1905—1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М.: Наука, 1984. С. 151—157.
[35] См.: Там же. С. 151.
[36] См., например, письмо к Ф. К. Сологубу от 16 сентября 1906 г., подписанное «и. о. редактора Курсинский» (*ЦГАЛИ*. Ф. 482. Оп. 2. Ед. хр. 22).
[37] Весы. 1906. № 7. С. 57.
[38] *ЗР*. 1906. № 7—9. С. 178.
[39] *ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 1165.
[40] Утро. 1907. № 75. 18 марта.
[41] Литературный отдел в «Золотом руне» после ухода Курсинского сохранился, но был реорганизован. Вместо объемистого критико-библиографического раздела, созданного по типу «Весов», появились критические обозрения, вести которые согласился А. А. Блок.
[42] *ГБЛ*. Ф. 389, 1.22. Л. 1.
[43] См. письмо С. А. Полякова к Курсинскому от 17 марта 1907 г. (*ГБЛ*. Ф. 389, 1.26. Л. 2).
[44] Итоги разбирательства изложены в письме С. А. Полякова в редакцию газеты «Утро» (1907. № 79, 23 марта).
[45] 31 августа 1907 г. Брюсов писал Ф. Сологубу: «После ухода из „Руна" С. А. Соколова мы, московские сотрудники „Весов", хотели принять в „Руне" деятельное участие. Заведующим литературным отделом остался в нем А. А. Курсинский, человек образованный, культурный, и мы надеялись, что он сумеет вести журнал. Мы охотно бывали на разных редакционных собраниях, вплоть до чтения рукописей и составления объявлений. Понемногу, однако, выяснилось, что Рябушинский расстался с С. Соколовым исключительно потому, что желал распоряжаться журналом самодержавно. Когда он увидел, что в лице Курсинского он тоже не имеет покорного исполнителя своих вздорных причуд, он постарался избавиться и от него ⟨...⟩ После этого мы нашли, что числиться дальше со-работниками Рябушинского невозможно и что настало время показать ему, что не все русские писатели — „проститутки"» (*Ежегодник 1973*. С. 110).
[46] Весы. 1907. № 5. С. 76.
[47] Там же. № 6. С. 71; № 8. С. 75; № 9, С. 64.
[48] Раннее утро. 1908. № 84. 28 февр.
[49] Письмо в редакцию С. Ауслендера, А. Белого, В. Брюсова, И. Бунина, Б. Зайцева, В. Ходасевича и др. появилось в газете «Русь» (1908. № 44. 1 марта).
[50] Раннее утро. 1908. № 86. 2 марта.
[51] См.: *ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 109. Л. 19.
[52] Свидетельство, выданное Курсинскому на издание газеты «Клуб» (*ГБЛ*. Ф. 389, 1.19).
[53] *ГБЛ*. Ф. 386. 140.21.
[54] Русское слово. 1913. № 118. 23 мая.
[55] Театр. 1913. № 1285. 24 мая.
[56] См.: Русское слово. 1913. № 134. 12 июня.
[57] См.: Заявление Курсинского председателю суда чести при Обществе деятелей периодической печати (*ГБЛ*. Ф. 389, 1.20. Л. 6).
[58] В фонде А. Е. Грузинского (*ЦГАЛИ*. Ф. 126, Оп. 1. Ед. хр. 123) содержится восемь писем Брюсова. Поскольку данное письмо не публиковалось, приводим его полностью.

«Многоуважаемый Алексей Евгеньевич!

Позволю себе представить и рекомендовать Вам моего давнего друга, Александра Антоновича Курсинского, который передаст Вам это письмо. В былые годы он издал два сборника стихов, потом сотрудничал в многих изданиях, а последние годы много работал в „Русском

слове". В настоящее время, покинув „Русское слово", он нуждается в литературной работе. Может быть, Вы можете ему предложить какую-либо работу в Вашем издательстве, или, может быть, Вы нуждаетесь в поэте-переводчике для того издания Шиллера, о котором Вы мне говорили. Не будучи осведомлен о ходе дел в Вашем издательстве, я не имею права обращаться к Вам с какой-либо настоятельной просьбой, но Вы обязали бы меня, если бы нашли возможным предложить подходящую работу А. А. Курсинскому. Само собой разумеется, что, прося Вас об этом, я уверен, что он может быть Вашему издательству полезен, как сотрудник, также и как работник в какой-либо части издательства. Считаю нужным добавить, что А. А. Курсинский знает несколько языков, в том числе английский.

С уважением преданный Вам Валерий Брюсов».

[59] *ГБЛ*. Ф. 389, 1.6—11.

[60] *Н. А. Курсинская*. Воспоминания об А. А. Курсинском // *ГБЛ*. Ф. 386, 140.21.

[61] См. письмо Н. А. Курсинской к И. М. Брюсовой от 12 июня 1932 г. (*ГБЛ*. Ф. 386, 150.29. Л. 5).

[62] См. письмо Н. А. Курсинской к И. М. Брюсовой от 12 апреля 1935 г. (Там же. Л. 6—7).

[63] См. письмо О. В. Цехновицера к Н. А. Курсинской от 9 января 1937 г. (*ГБЛ*. Ф. 369, 292.44, л. 4).

[64] Собрание Р. Л. Щербакова (Москва).

[65] Письма от 29 июня, 1 и 18 июля, 3 и 18 августа 1896 г. (Ставрополье. 1966. № 3. С. 50—54).

[66] Письмо от 15 июня 1896 г. (Русская литература и Кавказ. Ставрополь, 1974. С. 64—75), там же уточнен текст письма от 3 августа, напечатанного ранее (см. прим. 65).

[67] См. прим. 62.

[68] Три брюсовских письма: от 21 января 1896 г., 7 января и 23 февраля 1902 г. включены в состав примечаний (п. 43, 59, 62).

[69] *ЛН*. Т. 85. С. 642.

[70] *ЛН*. Т. 84, кн. 1. С. 460.

1. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

Ясная Поляна. 3 июня 1895 г.

Друг мой!

Вот уже три дня, как я живу в деревне почти совершенно одиноко, питаюсь привольем полей и суровым мраком лесов, всматриваюсь в красоты природы, которую начинаю любить все более и более, и чувствую себя счастливым... почти! В самом деле! — полное материальное удобство жизни, свобода от всего условного и обязательного, обилие времени и великолепная библиотека, которая предоставлена мне предупредительной графиней не только в пользование, но и в заведование — всего этого достаточно вполне, чтобы получить давно желаемый покой, если не душевный мир. Занятия мои направлены двояким путем. С одной стороны, я обсуждаю вопрос о труде и неделании [1], слегка философствую и пытаюсь прикладывать к жизни выводы теории, с другой — погружаюсь в море поэзии, сверкающее яркими переливами солнечных лучей, и изучаю наших лириков, каких мог найти у графа: Фет, Тютчев, Величко [2], князь Цертелев [3], а также Бальмонт и ты, поэт мой беспокойный, которых я, конечно, притащил с собою [4]. Кроме того, почитываю Мопассана и Бурже [5], из которых первый приводит меня в восторг вескостью своих сюжетов и непринужденной легкостью их обработки. Что касается здешних обитателей, то пока число их очень ограничено [6]. Мальчиков [7] ставить в счет не приходится, а графиня Марья Львовна [8], будучи в высшей степени доброй и милой девушкой, в рассуждениях проявляет такую убежденную сторонницу одного лагеря, что иногда впадает в крайности и не допускает никакой надежды на изменение хотя бы малой доли ее взглядов.

В первый же вечер у нас произошло сражение этики с эстетикой, после которого, кажется, оба мы молча порешили не поднимать больше этих вопросов. «Эстетично то, что разумно!» [9],— сказала она в заключение и вышла из залы. Эта милая девушка много трудится и делает добра, и все это так естественно и сердечно искренно в ее поступках, что было бы и пошло и подло заподозрить малейшую рисовку, малейшее проявление стадного увлечения. Но с другой стороны, я, который называет грехом поступок, вредящий только другому *, а не

* Нельзя ли видеть оправдание такому взгляду и в учении Христа: любите ближнего как самого себя! *(прим. Курсинского)*.

мне самому, не могу не улыбнуться при некоторых проявлениях ее никому не приносящего пользы самоотречения. Поговорили мы отчасти и относительно современного направления поэзии, которое, конечно, ей оказалось весьма несимпатичным. Таким образом, ты видишь, друг мой, что делиться плодами вдохновения здесь не с кем, и тебе понятно, почему, говоря выше о своем покое и счастии, я прибавил «почти». Вся моя надежда на то, что 192 версты, разделяющие нас с тобою, слишком ничтожное расстояние для тех дружеских чувств, которые связывают нас с тобою (я думаю, что ты не усумнишься в этом).

Каждую неделю или полторы я буду отсылать на почту два письма, одно к матушке, другое к тебе. Следующий раз надеюсь выслать тебе полностью терцины, за окончание которых, впрочем еще не брался [10], а теперь посылаю тебе первое, неважное стихотворение, которое набросал вчера вечером на берегу пруда. В заключение — маленькая просьба и адрес. Вышли мне, пожалуйста, вместе с Chefs d'oeuvres'ами и 3-им выпуском «Символистов», а если можешь и раньше, экземпляр «Молодой поэзии» [11]. Деньги немедленно возвращу. Сообщай также, пожалуйста, о новых явлениях как нашей, так и французской поэзии, за которыми здесь следить окончательно нет возможности.

Жму твою руку и жду ответа. А. Курсинский.

Станция «Козловка-Засека» Московско-Курской железной дороги, Ясная Поляна, графу Л. Н. Толстому для А. А. К. (последнее подчеркивай).

Где, склонясь задумчиво уныло,
Над водой заснувшей дремлет ива,
Где моста подгнившие перила
Чуть скрипят бессильно и лениво,
В поздний час, когда в пруду зеркальном
Отразятся мягче звезды неба,
А закат, как пологом печальным,
Кроет тьма холодного Эреба,

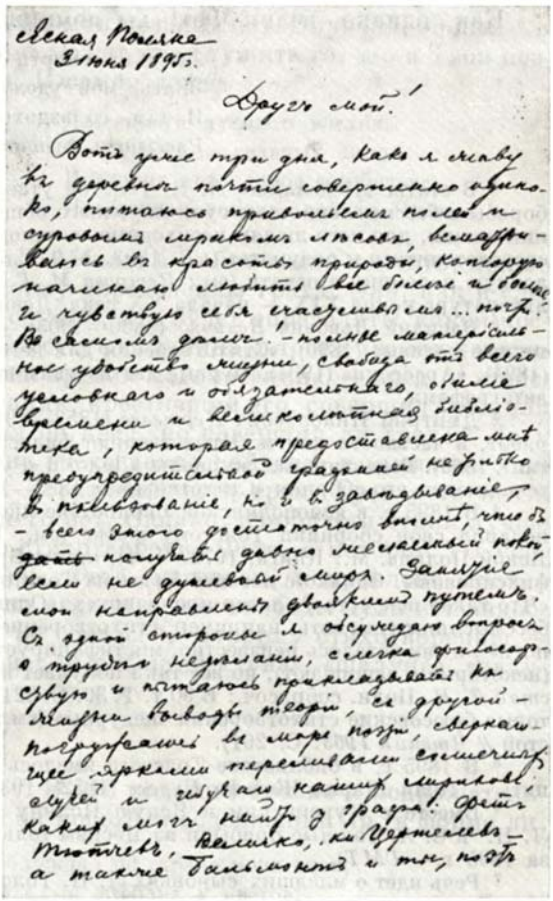
Слышен мне в молчаньи летней ночи
Грустный стих легенды бессловесной,
И так жадно, жадно просят очи
Дали темной, дали безизвестной.
В этот час непонятое ясно,
Душу миг чарует быстроточный,
И решен вопрос для всех ужасный,
Вечно новый, новый и предвечный [12].

2/VI 95. Ясная Поляна.

P. S. Какой, однако, негодяй Фет! Ты помнишь эту штуку:

Глупый перепел,— гляди-ка!
Рядом тут живет синичка,
Как с железной клеткой тихо
И умно сжилась синичка! [13]

etc



Ясная Поляна
3 Июня 1895.

Друг мой!

Вотъ уже три дня, какъ я живу въ деревнѣ почти совершенно одинокъ, питаюсь травоядной пищей и суровымъ мракомъ лѣсовъ, вслушиваясь въ красоты природы, которую начинаю любить все болѣе и болѣе и чувствую себя счастливымъ... почти. Въ самомъ дѣлѣ, — полное матеріальное удовлетворѣніе жизни, свобода отъ всего условнаго и обязательнаго, обилие времени и великолѣпная библіотека, которая предоставлена мнѣ предусмотрительной судьбой не только въ пользованіе, но и въ завладѣваніе, — всего этого достаточно вполнѣ, чтобъ ~~дать~~ получать давно желанный покой, если не душевный миръ. Замѣчаешь свои направленныя двоякимъ путемъ. Съ одной стороны я обсуждаю вопросы о предметѣ искусства, слѣдя философскую и пытаюсь прикладывать къ жизни выводы теоріи, съ другой — погружаюсь въ море поэзіи, сверкающее зеркалом переливами солнечныхъ лучей и чудесно какихъ мирловъ, какихъ мигъ нашихъ д. графа. Фетъ, Тютчевъ, Великій, Кн. Чертелевъ — а также Гальмонтъ и тѣ, поэтъ

ПИСЬМО А. А. КУРСИНСКОГО БРЮСОВУ
Автограф. Ясная Поляна, 3 июня 1895 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Как, однако, велик Фет! Ты помнишь «Ракету»:

Лечу на смерть вослед мечте!
Знать, мой удел — лелеять грезы.
И там, со вздохом, в высоте
Рассыпать огненные слезы.

[1] В статье «Неделание» Л. Н. Толстой утверждал, что существует единственный способ борьбы с бессмысленностью существующего общественного устройства — изменение понимания жизни, для чего людям необходимо «остановиться, перестать делать то, что они делают, сосредоточиться и подумать» (*СВ*. 1893. № 9. С. 301). Статья эта вызвала в свое время оживленную полемику в печати (см.: *Петрова М. Г.* Летопись литературных событий // Русская литература конца XIX — начала XX века. Девяностые годы. М.: Наука, 1968. С. 294—295).

[2] Василий Львович *Величко* (1860—1903) — поэт и драматург, автор сборников «Восточные мотивы» (1890), «Стихотворения для детей» (1894), «Второй сборник стихотворений» (1894), «Арабески» (1904). Первые две из указанных книг имелись в библиотеке Толстого, с автографами.

[3] Дмитрий Николаевич *Цертелев* (1852—1911) — поэт, переводчик, автор философских работ, в частности книги «Нравственная философия графа Л. Н. Толстого» (М.: Универс. тип., 1889). Редактировал журналы «Дело» и «Русское обозрение». В яснополянской библиотеке имелся его сборник «Стихотворения 1883—1891» (М.:Универс. тип., 1892 , с автографом.

[4] В 1895 г. в яснополянской библиотеке книг Бальмонта и Брюсова не было. Бальмонт подарил свои сборники Толстому позже (см.: Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. М.: Книга, 1972. Ч. 1), книги Брюсова в библиотеке Толстого вообще не зафиксированы. Однако с поэзией Брюсова Толстой был знаком. В одном из вариантов статьи «Что такое искусство?» автор иронизирует: «Один в Москве написал целый том совершенной бессмыслицы (там есть, например, стихотворение из одного стиха: „Ах, закрой свои бледные ноги» , и так осталось неизвестно, мистифицирует ли он ту публику, которая, браня и смеясь (некоторые и защищают), но все-таки покупает и читает, или он сам душевно больной» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 30. С. 321). Впоследствии Толстой находил, что некоторые брюсовские стихотворения «недурны» (см.: *Нуралов Э. Л.* В. Я. Брюсов и Л. Н. Толстой // *Чтения 1963*. С. 261).

[5] В 1895 г. в библиотеке Толстого имелось пять книг Ги де *Мопассана* (1850—1893) и пять — Поля Шарля Жозефа *Бурже* (1852—1935).

[6] Вместе с Курсинским в Ясную Поляну приехал со своим учеником С. И. Танеев. Л. Н. и С. А. Толстые прибыли из Москвы только 6 июня (см.: Ежедневники С. А. Толстой за 1895 г.— *ГМТ*).

[7] Речь идет о младших сыновьях Л. Н. Толстого — Андрее и Михаиле. Курсинский был репетитором последнего (см.: Толстовский ежегодник. 1912. С. 22).

[8] Мария Львовна *Толстая* (в замуж. Оболенская, 1871—1906) — вторая дочь Л. Н. Толстого, убежденная сторонница его идей.

[9] 23 июня 1894 г. В. Ф. Лазурский, преподававший греческий и латинский языки младшим сыновьям Толстого, записал в дневнике: «Вечером по поводу „Распятия" Ге завязался разговор о наших художниках ⟨...⟩ Мария Львовна выше всех ставит Ге, требует прежде всего глубокой мысли ⟨...⟩ красоту считает ни к чему» (*ЛН*. Т. 37—38, кн. 2. С. 450).

[10] См. п. 4, прим. 3 и п. 9, прим. 5.

[11] Альманах, изданный В. П. и П. П. Перцовыми, вышел 15 февраля 1895 г. В нем напечатано стих. Брюсова «Мечты о померкшем».

[12] См. п. 2, прим. 7.

[13] В последней строке стих. «Перепел» допущена описка. У Фета: «И умно сжилася птичка».

2. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

14.6. ⟨18⟩95 г. Хорошево.

Твое письмо, мой друг, oleo olet [1], я же (прости мне) пишу самым варварским приемом, даже не подумав заранее, что буду писать [2]. Так настроила меня моя теперешняя жизнь. Вообрази себе. Привез я с собой только 3—4 классиков, газет нам не носят, книги из библиотеки достаем раз в месяц — и вот живу я, как истинный изгнанник. Днем читаю по-гречески и по-латыни [3], иду в лес и размышляю, а вечером играю в крокет с сестрой [4] и ее подругами, девочками 13—14 лет. Одной из них в тиши своего кабинета пишу триолеты. Вот один из более удачных.

На бледном фоне вечерней лазури
Еще рисуется твой силуэт.
Лети туда же, о мой триолет!
На бледном фоне вечерней лазури
Прижмися ласково к детской фигуре,
И пусть, как символ, за дымкою лет
На бледном фоне вечерней лазури
Еще рисуется твой силуэт [5].

Если это я называю удачным, то ясно, что моя поэзия спит. Впрочем, эпопея [6]... однако молчание! Братским «утешением» может мне служить то, что и Твоя поэзия, если не спит, то закрывает глаза. В самом деле:

Если даль немая тени синей,
Как молчанье радости печальной,
Отразится трепетно в пустыне,
Мотылек терцины идеальной
Для иного лучшего восхода
От купавы до зеленых лилий
Повторит прозрачное «свобода»,
Пробуждая войско, войско Чили.

Разве начало не похоже на Твои хореи? [7] Можно в любом месте кончить, можно и продолжать, но лучше перейти к Твоему определению греха. Оно, как и следовало ожидать, никуда не годится. Подумай, кто будет определять, какой поступок причиняет вред, какой пользу. Крестить язычника, с точки зрения католика, значит принести ему пользу, с точки зрения магометанина — вред, а атеиста — не сделать ничего. Что же священник, крестивший его, совершил грех или доброе дело? Отец Виргинии причинил ей вред, но совершил ли грех? [8] Да и мало ли других примеров! Определение греха давно найдено, и имеющие уши слышали его: поступок против своих убеждений есть грех. Грех есть нечто субъективное и внешнего признака у него нет. Однако, из области этики лучше перебраться в область поэзии. Первое стихотворение Фета, о котором Ты упоминаешь и за которое Ты называешь Фета негодяем, направлено против А. Толстого [9] и напоминает ему простую аксиому: для свободы духа нет надобности в свободе тела. Или Ты с этим не согласен? Второму стихотворению — увы! — я подражал в юности. Мой сонет (с рифмами «луна», «шалуна», «валуна» и «струна» etc.) кончается так —

Роняя огненные розы [10].

Странно! Я начинаю ненавидеть лирику. В ней все однообразно и подражательно [11]. Теперь, если я пишу, то это поиски нового, в содержании ли, в форме ли.

Я весь день, все вчера, проблуждал по стране моих снов;
Как больной мотылек, я висел на стеблях у цветов;
Как звезда с вышины, я сиял, я лежал на волне;
Этот мир моих снов с ветерком целовал в полусне.
Нынче я целый день все дрожу, как больной мотылек;
Целый день от людей, как звезда в вышине, я далек,
И близ Тайн Мировых, где сам друг Божество с Красотой,
Нынче я целый день отдыхаю смущенной душой [12].

Чтобы писать лирические стихи, прежде всего надо иметь, чем поделиться с миром, а это бывает так редко, так редко. Даже переводить не хочется. Впрочем, я перевел «Улалюм» [13] и новейшую пьесу Метерлинка «Урсула и Томинета» [14]. Содержание сей последней таково. Старая Томинета и ее племянница старая дева Урсула случайно остаются на ночь без свеч. В треске мебели им являются умершие (о, эти грозные завистники, умершие!). Томинета видит Жакелэна, которого когда-то любила, и зеленый дуб, под которым прозвучали ее первые клятвы. От страха и волнения она умирает, вспоминая далекий день с зелеными и розовыми солнцами, со снопами ракет, фиолетовых и лазурных. Урсула остается одна на земле, никогда не видав такого дня и не надеясь когда-либо его увидеть. А Плотник в дверях говорит им — «Вам надо переменить мебель; ваша слишком полна воспоминаниями».

Понимаешь эту аллегорию о двух мирах, о двух поэзиях. Одна уже умерла, а заря другой не загоралась; но она блекнет, как закат, и никогда Жакелэн «не обнимит ее могучими руками, чтобы целовать и слушать ее "твоя"» [15].

Друг мой! Перед нами все-таки целое лето. Неужели мы ничего не сделаем за это время? А ведь во дни экзаменов мне казалось, что, будь у меня свободное время, я написал бы целый ряд великих вещей [16]. Увы! увы! где они, эти великие вещи! А впрочем (расхохочись вместе со мной) я написал листов 10 «Гре-

ческой этимологии» [17]. Скажи, Тебе не жаль, что в этом году нет солнечного затмения?

Вот еще один триолет:

Из глубины изысканных фантазий,
Из мира дней, где наслаждался я.
Взглянул я вверх — и увидал тебя,
Из глубины изысканных фантазий
Я вознесен до сферы бытия,
И вслед глядит смущенный рой аспазий
Из глубины изысканных фантазий,
Из мира дней, где наслаждался я [18].

Этот, впрочем, вовсе неудачен. Начало 3-го:

Ветка задела за краешек платья,
И промелькнула прошивка чулка [19].

Затем до свидания — в письме, конечно. Прости, что пишу поздно. Письма мы получаем из Москвы не часто да и свои отправлять не всегда можно. Теперь, впрочем, буду писать чаще, через Покровское-Глебово. Как только буду в Москве, пошлю Тебе «Молодую поэзию» [20]. Напиши мне, как кончился день Фантазии [21]. Об Ланге [22] не имею сведений. Если переписываешься с Фриче [23], напиши об нем.

Твой Валерий Брюсов.

P. S. Не узнаешь ли Ты, что значит — les vêpres des morts [24].

[1] Oleo olet — латинское выражение, дословно — «пахнет маслом» или «отдает фитилем»,— было синонимом упорного труда. О происхождении этого оборота см. п. 7, прим. 2.

[2] Это утверждение не совсем точно. В молодости Брюсов редко писал письма набело. Сохранился черновик и данного письма (*ГБЛ*. Ф. 386, 2.21. Л. 9—10 об.), текст которого несколько отличается от публикуемого.

[3] Летом 1895 г. Брюсов переводил «Энеиду» (черновик переводов см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 2.21. Л. 8—9, 23об.— 24 и др.), а также трактат средневекового теолога Иоанна Габерната «О природе демонов» (см. черновую тетрадь № 19 — *ГБЛ*. Ф. 386, 2.20. Л. 48—52, 55 об.—56).

[4] Надежда Яковлевна *Брюсова* (1881—1951) — старшая из сестер Брюсова, впоследствии музыковед, профессор Московской консерватории.

[5] Опубл.: *Письма к Перцову*. С. 52—53.

[6] Брюсов имеет в виду эпопею «Атлантида», задуманную весной 1895 г. В черновой тетради этого периода сохранился набросок 1-й «рапсодии» (*ГБЛ*. Ф. 386, 2.21. Л. 2—5). В письме к Перцову от 14 июня 1895 г. он сообщает: «обработал гекзаметром целую эпопею „Атлантида", ту самую, которая не удалась Солону и Платону» (*Письма к Перцову*. С. 27).

[7] Стихотворение Курсинского «Где склонясь задумчиво, уныло...», которое пародирует здесь Брюсов, см. в п. 1. Несмотря на резкую критику Брюсова, оно было включено автором в сборник «Полутени» (см. п. 9, прим. 4).

[8] Имеется в виду трагический эпизод из римской истории V в. до н. э., послуживший сюжетом для множества литературных произведений: красавицу Виргинию убил ее отец, чтобы она не досталась насильнику Аппию Клавдию.

[9] Не ясно, на каком основании Брюсов утверждает, что стихотворение Фета «Перепел» направлено против А. К. Толстого. Оно написано в 1884 г., т. е. спустя 9 лет после смерти Толстого.

[10] Неопубликованный сонет Брюсова «И снова звездный сон любви и упованья...», написанный 13 ноября 1894 г. в подражание Фету, см. в черновой тетради № 15 (*ГБЛ*. Ф. 386, 2.6. Л. 50—50об.), а также в записной книжке «Мои стихи» (Там же. 14.5/1. Л. 4об.). Последний стих сонета приведен в письме неточно. В рукописи: «Рассыплю над землей пылающие розы».

[11] Более подробно эта мысль изложена в *Письмах к Перцову*. С. 27—28.

[12] Стихотворение впервые опубл.: *ПСС*, *I*. С. 120, под заглавием «После грез», с датой — 8 июня 1895 г. Два последних стиха — в другой редакции (см. I, 86).

[13] Отрывок перевода стихотворения Э. По «Улалюм» сохранился в черновой тетради (*ГБЛ*. Ф. 386, 2.21. Л. 62об.—63). В записную книжку «Мои стихи» (Там же. 14.5/6. Л. 14—15об.) записана более поздняя редакция (начала 1896 г.). В совершенно иной редакции перевод включен Брюсовым в книгу: *По Эдгар*. Полн. собр. поэм и стихотворений. М., Л.: Всемирная литература, 1924.

[14] Брюсовский перевод пьесы Метерлинка «Урсула и Томинета. Маленькая драма для марионеток» остался в рукописи (*ГБЛ*. Ф. 386, 2.21. Л. 5—8).

[15] Такое же толкование пьесы Брюсов дает в письме к Перцову от 14 июня 1895 г. Любопытно замечание, высказанное в другом письме тому же адресату: «Между прочим я вынес твердое убеждение, что пьесы Метерлинка должно ставить с марионетками; актеры портят все излишней живостью» (*Письма к Перцову*. С. 57).

[16] Весной 1895 г., составляя планы на лето, Брюсов наметил: подготовить 4-й выпуск «Русских символистов» со статьей о французском символизме, издать сборник «Юношеские стихотворения» с автобиографией, закончить два романа и драму; составить библиографический реферат, написать поэму «Атлантида», критический разбор «Русская поэзия в 1895 году» и книгу «Мысли и наблюдения», завершить переводы Франца Эверса и пр. (см. л. 59об. черновой тетради № 19 — *ГБЛ*. Ф. 386, 2.20).

[17] Летом 1895 г. после сдачи экзамена по греческому языку на классическом отделении университета Брюсов намеревался подготовить учебник по греческой грамматике для гимназий. В наброске предисловия он пишет: «Грамматики, употребляемые у нас в гимназиях, могут стать сносными для преподавания только при идеальном учителе, когда же судьба послала мне одним из первых наставников г-на Кремера (составителя различных учебников), я возненавидел всей душою греческий язык и только гений Гомера мог победить в моем сердце это влияние» (*ГБЛ*. Ф. 386, 2.20. Л. 46). Я. И. Кремер преподавал Брюсову греческий язык в 4-м классе гимназии Ф. И. Креймана (1887—1889).

[18] Публикуется впервые.

[19] Опубл.: *Письма к Перцову*. С. 53.

[20] См. п. 1, прим. 11.

[21] Скорее всего, речь идет о посещении ресторана «Фантазия» на 4-й Тверской-Ямской. 30 мая 1895 г. Брюсов записал в дневнике: «С дачи пешком. Фантазия» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.13/2. Л. 10об.).

[22] Об А. А. Ланге см. наст. кн., Письма Ноздрина, п. 3, прим. 11.

[23] Там же, Переписка с Бальмонтом, п. 5, прим. 1.

[24] См. п. 6.

3. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

Вторник, числа не помню. (Хорошево. 27 июня 1895 г.)

Друг мой!

Пользуюсь случайным случаем написать Тебе несколько строк. Оказывается, что наша переписка идет гораздо деятельнее с моей стороны, чем с Твоей. Я в праве упрекать Тебя.— Но — «оставим это», как говаривал Великий скопец, Нарзес [1].

Люблю ж я пустыню — пустыню — царицу земной красоты. Это стих из нового стихотворения Бальмонта, зри «Наблюдатель», июнь [2]. Дело в том, что Бальмонт, видимо, объездил весь земной шар — он говорит сам. «Я видел норвежские фьорды, долину Аракса»... и еще что-то и еще что-то. Наконец,

Британии берег туманный и Альп вековые хребты,
Люблю ж я пустыню — пустыню — царицу земной красоты!

За что он ее любит, излагается в 8 довольно невразумительных, но еще более длинных стихах. Главная причина та, что она «отравляет мечты».

«А все же люблю я пустыню, царицу земной красоты».

Таков единственный оаз, на котором может отдохнуть мой дух, блуждая по привезенным из Москвы книгам. Говорю единственный, потому что «Забвенье и Молчанье» [3] уже не оаз, а целая маленькая страна, своего рода Египет в Сахаре, но, увы, с коротеньким Нилом. В самом деле — все эти терцины (это терцины, друг!) льются сначала очень-то жиденьким ручейком и лишь к концу превращаются в реку:

О гордое молчанье! Душ больных
Убежище последнее. Твердыня,
Где, неприступен для клевет земных,
Скорбит пророк осмеянный. Пустыня,
Куда любовь, изменой сражена,
Бежит навстречу смерти. Дай, богиня,
Приют моей печали...

От этих стихов Бальмонт придет в восторг, я же последнее время предпочитаю иное. Кстати.— Вместе с отсутствием Твоего письма прибыла ко мне карточка (визитная) Бальмонта. Оказывается, он в Москве и мало того — в «России». Понимаешь? [4]

Утром жадно пахнут розы,
Утром грезы грезят вслух,
И холодный бог Спинозы
Для меня и нем и глух.

Но вечерний мрак наляжет
На раскрытые цветы;
«Ты — один»,— мне кто-то скажет,
«Мы одне»,— вздохнут мечты.

Нет веселости беспечной,
И душе, волне тревог,
Так понятен бесконечный
И предвечно мертвый бог [5].

Не пишу других стихов, ибо — повторяю — это письмо случайное. Сильно соскучился по многим — и странно — особенно по Фриче. Жалею, что не знаю его адреса, а то написал бы ему [6], хоть и странно, что это может служить утешением в разлуке. По-прежнему все еще жду письма.

Твой Валерий Брюсов.

Датируется по помете Курсинского на конверте.

[1] *Нарзес* (477—567) — византийский полководец, по происхождению армянин. В юности был захвачен в плен и оскоплен, попал ко двору императора Юстиниана, сделался его любимцем и в конце жизни стал экзархом Италии.

[2] Стихотворение вошло в сборник *В безбрежности* под заглавием «Пустыня». Брюсов высказал свое мнение о нем также в письме к Перцову (*Письма к Перцову*. С. 25).

[3] «Забвенье и Молчанье (надпись к барельефу)» — стихотворение Н. Минского. Опубл.: *СВ*. 1895. № 6.

[4] Имеется в виду, что Бальмонт остановился в гостинице «Россия», которая находилась в доме Полякова в Петровских линиях.

[5] Под заглавием «Спинозианы» и с разночтением в стихе 10 опубл.: *Неизд. стих*. 1935. С. 170; см. также III, 226—227.

[6] Письмо (по-видимому, неотправленное) Брюсова к Фриче от ⟨18—20 июня⟩ 1895 г. см.: *Тетради*, п. 29.

4. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

2 июля ⟨18⟩95 г., Ясная Поляна

Дорогой мой Валерий!

Прости, что я так долго не писал. По первому твоему письму и по стихотворениям, присланным в нем и потом за ним, я мог заключить, что ты переживаешь приступ того болезненного настроения, при котором всякого рода покойное обсуждение вещей становится для тебя невозможным. Поэтому я и счел нужным выждать момент, когда кризис минует. Думаю, что теперь ты снова вошел в обычную колею. Во-первых, потому что твое последнее письмо написано общепонятным языком, а стихи, хотя и не без примеси тумана, но все же удобопонимаемы [1]. Я очень рад, что к тебе приехал Бальмонт, который разгонит твою хандру и с которым ты можешь и беседовать и развлекаться. Во всяком случае, я тебе очень благодарен и за стихи и за письма. Адреса Фриче я не знаю, о чем и сам весьма сожалею, и сообщить его тебе не могу.— В настоящее время я вполне приготовил к печати 1-ый сборник собственных произведений, который и намерен выпустить осенью [2]. Я думаю, вместо того, чтобы посылать тебе терцины и некоторые мелочи, написанные мною за последнее время, послать тебе всю рукопись, если ты согласишься взять на себя труд отдать ее в цензурный комитет. Исправлять что-либо в ней или показывать ее кому-нибудь не разрешаю, а можешь написать мне, что, по твоему мнению, надо выбросить, и я тебе тогда отвечу. Жду твоего ответа, согласишься ли ты.

Что касается терцин, то замечу тебе — они далеко не удались мне [3]. Да и вообще я далек от мысли ждать хотя бы и скромного успеха от этого сборника. Отпечатаю не более 600 экземпляров, из которых в продажу пойдет приблизительно половина по высокой цене, чтобы вернуть хоть часть затрат по печатанью. Вся цель моя: отделаться от того, что написано уже мною и дать по книжке моим друзьям в знак признательности за часы наслаждения, которыми они

Л. Н. ТОЛСТОЙ С А. А. КУРСИНСКИМ, Э. БОРЕЛЕМ И Т. Л. ТОЛСТОЙ НА КРЫЛЬЦЕ ЯСНОПОЛЯНСКОГО ДОМА

Фотография С. А. Толстой, 1895

Музей Л. Н. Толстого, Москва

меня дарили. Теперь пишу «нечто» большое, а также перевожу с аглицкого евангелие Будды, где масса прекрасных стихов [4].

Итак, крепко жму твою руку и жду ответа

А. Курсинский.

P. S. Если увидишь Бальмонта, кланяйся ему от меня.

[1] Первое письмо Брюсова, о котором пишет Курсинский, вошло в настоящую публикацию (п. 2.). Второе же письмо — от 25 июня 1895 г.— опущено, так как фактически его составляли восемь стихотворений: «Дремлет Москва, точно самка спящего страуса...» (I, 82), октавы «Моя мечта живет среди пустынь...» (I, 71), сонет «Беззвучная луна стоит над Пасаргадой...» (I. 71), «Озеро снов» (*Неизд. стих. 1935*. С. 315), триолет «Скажи мне "да", и я скажу "Ты лжешь"...» (Там же. С. 90), терцины «К далеко прошлому уносятся мечты...», «О чем-

то неведомом грезят мечты...» и шуточное «Ложася спать на сон грядущий...» (последние три не опубликованы. См.: *ГБЛ*. Ф. 386, 14.5/3. Л. 34об.—36).

[2] Речь идет о сборнике стихотворений и переводов *Полутени*. Его название, возможно, подсказано Курсинскому Брюсовым. См. брюсовские переводы из Верлена: «В полутени немой...» («Calmes dans le demi-jour», 13 июня 1893 г.— *ГБЛ*. Ф. 386, 2.7. Л. 48об.—49) и «Воспоминанья или полутени...» («Les souvenirs avec le crépuscule», 13 марта 1894 г.— Там же, 2.10. Л. 84—85, 87), а также стихотворение Брюсова «Полутени» («Все полумрак, все полутени», 3 марта 1894 г.— Там же. Л. 75об.—76).

[3] В письме от 25 июня 1895 г. (см. прим. 1) Брюсов просит прислать «обещанные терцины и новых стихов» (обещание см. в п. 1). См. также п. 9, прим. 5.

[4] Скорее всего, имеется в виду произведение индийского поэта Ашвагхоши 2 в. н. э.: The Fo-sho-hing-tsan-king. A life of Buddha by Asvaghosha Bodhisattva. The Sacred Books of the East. Vol. XIX. Oxford, 1883. Перевод этой книги, выполненный Курсинским, неизвестен. Ее впоследствии перевел путешествовавший по Индии К. Бальмонт (см.: Асвагоша. Жизнь Будды. М., 1913). Брюсов так отозвался о ней: «Новое издание М. и С. Сабашниковых сразу отвечает двум потребностям: дает перевод и одного из замечательнейших созданий санскритской литературы и одной из "Законоположительных" книг буддизма, значение которой приближается к значению наших Евангелий» (*РМ*. 1913. № 11. С. 413). Вполне возможно, что внимание Курсинского на книгу Ашвагхоши обратил Л. Н. Толстой.

5. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Москва.⟩ 10 июля ⟨18⟩95 г.

Мой дорогой друг!

Прежде всего, конечно, приветствую Тебя, а затем да будет мне позволено воскликнуть:

О Фриче! О божественный Фриче!!

Помнишь ли, как в наше последнее свидание в «Фантазии»[1], он (о пророк! о провидец!) уже указывал нам на зачатки проповеди в твоих речах. «Как быстро сбывается давно-сказанное слово древнего оракула»,— говорит Деянира в переводе Зубкова[2], и за ней повторяю я. «Как быстро сбывается!» Разве не проповедником написано Твое последнее письмо, не учителем жизни, не руководителем нас, слепых смертных? Итак, я «пережил приступ болезненного настроения, при котором покойное обсуждение вещей для меня невозможно», итак, в моей жизни не так давно «миновал кризис», но теперь —

Thank Heaven! the crisis —
The danger is past![3].

Так что ли, о мой вдохновенный друг? Поговорим серьезнее.

Второе Твое письмо уже в гораздо меньшей степени отражает «те дружеские чувства», в которых — «Ты думаешь — я не усумнюсь» и для которых «192 версты являются слишком ничтожным препятствием»[4]. А между тем, чтó разделяет Твое первое письмо от второго? — Мои три письма. Ни «туман» в моих стихах (2ое письмо), ни третья записка[5], в которой Ты сам усмотрел признаки выздоровления, не могли так повлиять на тон Твоих писем. Следовательно, виновато первое письмо[6]. Ведь так?

Слушай же теперь, друг мой, что я Тебе скажу. Дав самому себе определенные законы жизни, я оставил себе только одно право, и потому оно мне особенно дорого,— это право всем и всегда говорить то, что я думаю, то, что мне кажется правдою. Через это я уже принужден был однажды разойтись с прелестной любовницей (Таля)[7], а недавно поссорился с другом, с Лангом, но права своего не уступлю и с удовольствием пожертвую за него всеми друзьями и всеми жизненными удачами. Dixi *

Что до Твоей рукописи, то я с удовольствием, конечно, возьмусь отнести ее в цензуру. Только неужели Ты считаешь меня в такой степени одержимым манией исправления и переделывания, что находишь нужным тщательно предостерегать меня. Ну, уверяю Тебя, Ты преувеличиваешь.

---

* Я высказался *(лат.)*.

Интересовало бы меня узнать, что это такое за Евангелие Будды, кем оно составлено и в какой форме [8].

«Молодую поэзию» высылаю Тебе завтра. Бальмонта видеть не пришлось.

Очень крепко жму все Твои руки и жду как ответа, так и рукописи (если Ты не передумал).

Твой Валерий Брюсов.

[1] См. п. 2, прим. 21.

[2] В трагедии Софокла «Трахинянки» эта реплика принадлежит не супруге Геракла Деянире, а хору: «Смотрите, девушки, как скоро сбылось у нас вещее слово древнего пророчества...» («Перевод и объяснения трагедии Софокла "Трахинянки". Лекции экстраординарного профессора В. Г. Зубкова, читанные на Историко-филологическом факультете. III и IV семестр в 1894—95 гг.» М.: Литографированное издание «Общества распространения полезных книг». С. 142).

[3] Первые строки стихотворения Эдгара По «For Annie»:

Слава небу! был кризис —
Опасность прошла!

(Пер. с англ. В. Брюсова. *По Эдгар*. Стихи. М.; Л.: ГИЗ, 1924. С. 79)

[4] Брюсов цитирует письмо Курсинского от 3 июня 1895 г. (см. п. 1).

[5] «2ое письмо» — см. п. 4, прим. 1, «третья записка» — п. 3.

[6] См. п. 2.

[7] О Н. А. Дарузес (Тале) см.: *Тетради*, п. 1, прим. 9.

[8] См. п. 4, прим. 4.

6. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

⟨Ясная Поляна. Между 11 и 14 июля 1895 г.⟩

Дорогой Валерий!

На такие письма, как твое последнее, я не ответил бы месяц тому назад. Но, слава богу, полуторамесячный отдых настолько подкрепил мои силы, что я в состоянии противостоять чувству оскорбленной дружбы и, не предаваясь вспышкам негодования, спокойно возразить тебе на те несправедливые обвинения, которые ты мне посылаешь. А при том же я не так легко расхожусь с друзьями, как ты. Если ты потрудишься прочесть 1-ое и 2-ое твои письма, то ты сам должен будешь согласиться, что для того, чтобы писать такие невразумительные вещи, умственно здоровый человек должен «переживать приступ болезненного настроения» и пр. Чтобы установить нарушенные между нами хорошие отношения, я задаю себе труд разобрать твои послания. Ты говоришь: «Пишу, не подумав, что буду писать», а затем: «Так *настроила* меня *теперешняя* жизнь». И это подтверждается далее примером. Несмотря на крайний индивидуализм твоего поэтического дарования, ты никогда бы в другое время не был способен написать такую вещь, как хореи «Если даль немая тени синей». Ты говоришь, что эти хореи можно продолжать или кончать, а я твердо убежден, что подобных хореев и начинать-то нельзя. Невозможны, на мой взгляд, и *все* стихотворения, присланные во втором письме [1]. Прибавь к этому всему слишком холодную и несимпатичную окраску твоих первых писем — и ты поймешь, что торопиться ответом мне не было ни малейшей охоты. Конечно, если бы я не знал, что ты в силах писать,— я бы и не ответил, но так как я объяснил все это настроение временными условиями твоей жизни, то и счел нужным пообождать, пока ты немного уравновесишься.

Из твоего письма (последнего) выходит, будто ты мне сказал некую «правду», за которую я обиделся, но которой ты так дорожишь, что не задумаешься пожертвовать для нее всеми друзьями. Третий раз прочитываю твои письма и третий раз задаю себе вопрос, где все это? — Никакой горькой для меня истины не вижу. Может быть, слова «oleo olet» ты считаешь для меня обидными? — Этого я не думал. Спасибо, что ты мне разъяснил. Во всяком случае, мне ясно, что в твоем письме есть что-то, на что можно обижаться, значит в ответе на мое первое письмо ты прислал мне нечто, на твой же собственный взгляд, обидное.

Εστω, γιγνεσνω, ουδεν αντιλεγω *. Совестно, право, говорить обо всем этом.

Вчера написал я Фриче наугад, дойдет ли письмо — не знаю. Вестей ни от кого никаких. Посылаю тебе на днях рукопись и деньги. Если ты не откажешься, то я намерен посвятить тебе «Рассвет» [2], а Бальмонту «Вечерний час» [3], о чем писал ему на днях в «Лувр» [4]. Я не считаю тебя, как ты это думаешь, одержимым манией исправления, но именно просил тебя известить меня, что ты считаешь нужным уничтожить или исправить. Что касается «Молодой поэзии», то если ты ее вышлешь, то будет недурно, но надобность в ней уже миновала, и я могу приобрести ее в Москве. Извини, пожалуйста, что я не написал тебе в прошлом письме, что значит «les vêpres des morts» [5]. Это, оказывается, такая вечерняя служба об усопших.

Твой А. Курсинский.

P. S. Кажется, сегодня буду в Туле и пошлю тебе рукопись.

Конверт от письма не сохранился. Датируется на основании предыдущего и последующего писем Брюсова.

[1] См. п. 4, прим. 1.

[2] Стихотворение «Рассвет» вошло в сборник *Полутени* с посвящением В. Брюсову. Включая «Рассвет» в новой редакции в сб. «Стихи» (1902), автор посвящение снял.

[3] Перевод из Томаса *Мура* (1779—1852) «В вечерний час слабеет светоч дня...» в сборнике *Полутени* посвящен Бальмонту.

[4] «Мадрид и Лувр» — меблированные комнаты, находившиеся на Тверской ул. в Москве, на месте нынешнего д. № 15 по ул. Горького, на углу с улицей Станкевича. Письма Курсинского к Бальмонту нам неизвестны.

[5] См. п. 2, прим. 24.

7. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

Москва. 15 июля (18)95 г.

Мой друг!

На серьезное письмо постараюсь и отвечать серьезно и, прежде всего, признаю за собой одну ошибку: я забыл разницу между письмом и разговором; не все то должно писать, что можно сказать; в письме нет тона голоса, нет выражения лица — каждая фраза прикована цепями, ее можно перечесть, на ней остановиться. Этого я не должен был забывать.

Перейдем теперь к частностям. Друг мой, в письмах — как и везде — я вполне сознательно стремлюсь к тому, чтобы мои писания были «les beaux yeux derrière des voiles» [1], и избегаю «смертоубийственных точек над «i», но я не ожидал, что такая манера будет Тебе непонятна. А между тем Ты не понял моего первого письма. Пропускаю мелочи, пропускаю и oleo olet, которое Ты, окнечно, сам сблизил с известным анекдотом о Демосфене [2], но вот «Если даль немая тени синей...» Не помню, как эти стихи соединяются с остальным текстом, но вся суть в том, что это *пародия* на Твое стихотворение, написанное подобными же хореями. Я старался подчеркнуть те недостатки, которые заметил у Тебя и, между прочим, отсутствие единства. Твое стихотворение легко увеличить строфы на две или укоротить на строфу. Вот что и означают слова «можно продолжать, а можно и кончать». Теперь Ты видишь, что я могу подписаться под Твоим суровым мнением. Действительно, *таких* произведений и начинать-то нельзя.

Здесь я думаю остановиться, хотя можно было бы поспорить о Твоем мрачном приговоре над остальными моими стихами, но это отложим до встречи. Самое лучшее — кажется мне — покончить с нашей размолвкой, которая (можно надеяться) не имеет под собой никакого фундамента, основана на впечатлениях минуты и, как все дурное, должна быть поскорее забыта.

Закончу письмо общепринятыми письмовыми сообщениями. Ланг потерял свое место, но теперь нашел другое — в Одессу [3]. Женитьба его на Дуне Ши-

* Да будет так, я знаю и ни в чем не перечу *(греч.)*.

А. А. ЛАНГ (МИРОПОЛЬСКИЙ) И А. П. ШИРЯЕВА
Фотография. 1895
Литературный музей, Москва

ряевой — дело решенное. Он сильно опустился и... и... но, право, кой о чем лучше и легче рассказать, чем писать.

Самыгин (на даче у которого я только что прожил два дня) по-прежнему изучает Спинозу, проповедует нео-христианство и качает в люльке своего маленького сына [4]. Бальмонт из Москвы уехал и в «Лувре» *не* жил. Адрес его теперь — Московско-Нижегородская дорога, станция Орехово-Зуево, Александре Семеновне Ковалевской для К. Д. Б.

Емельянов-Коханский напечатал (грубо, но на красной бумаге) «Обнаженные нервы», где я, к своему ужасу, нашел дюжины две собственных моих стихотворений, некогда подаренных сему декаденту [5].

Г-н Долгинцев выпустил свои банальнейшие «Мечты и грезы» [6]. Chefs d'oeuvre и 3-ий выпуск выйдут на днях [7].

Посвящение Твоего «Рассвета» [8] приму не с благодарностью (что было бы банально), но с восторгом.

Твой Валерий Брюсов.

P. S. Сию секунду уезжаю из Москвы, где пробыл $1^1/_2$ недели — поэтому рукопись Твою буду иметь возможность отправить в цензуру лишь 25—26-го числа.

[1] «Взор прекрасный за вуалью» — строка из стихотворения П. Верлена «Искусство поэзии», позднее переведенного Брюсовым (см.: *Верлен Поль.* Собр. стихов. М.: Скорпион, 1911).

[2] Афинский оратор *Демосфен* (ок. 384—322 г. до н. э.) всегда тщательно готовился к выступлениям, работая до глубокой ночи. Как сообщает Плутарх, это дало повод одному из врагов оратора сострить, что, дескать, доводы его отдают фитилем. На что Демосфен язвительно заметил: «Фитили моей и твоей лампады, любезнейший, видят совсем не одно и то же» (*Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. М.: Наука, 1964. Т. III. С. 144).

[3] А. А. Ланг женился на Авдотье Павловне *Ширяевой*, дочери московского купца, против воли своих родителей. По этой причине он ушел из книготорговой конторы отца и решил ехать в Одессу. Однако через некоторое время после свадьбы состоялось примирение, и необходимость в выезде отпала.

[4] О Самыгине см. наст. кн., Письма к Самыгину. Вступ. ст. Н. А. Трифонова.

[5] Список 18 стихотворений Брюсова, вошедших в сборник поэта-декадента Александра Николаевича *Емельянова-Коханского* (1871—?) «Обнаженные нервы», см.: *Библиография I*, № 12. Запутанный вопрос с публикацией этих стихотворений Емельяновым-Коханским изложен в статье С. Н. Тяпкова «К истории первых изданий русских символистов» (*Рус. лит.* 1979. № 1).

[6] Василий Федорович *Долгинцев* — автор единственного сборника стихотворений «Грезы и мечты» (М., 1895), известен также переводами из Гейне. Осенью 1895 г. Брюсов записал в черновой тетради: «Среди "банальных поэтов" — это лучший. Все же г-н Долгинцев что-то читал, кой о чем думал, поэтому его произведения разнообразней, чем у других «банальных поэтов", и ему чаще, чем его товарищам, случается обмолвиться оригинальным стихом» (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.2. Л. 22об.). Мнение Брюсова о сборнике «Грезы и мечты» см. также: *Письма к Перцову*. С. 24.

[7] *ChdO 1* и *PC 3* (см. наст. кн., Письма Ноздрина, п. 3, прим. 1).

[8] См. п. 6, прим. 2.

8. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

19 июля (18)95, Хорошево.

Друг мой!

Рукопись Твою получил, но быть в Москве раньше 25-го не могу. Однако время это не пропадет для Твоих стихов, и вот по каким соображениям. Ты предлагаешь отдать ее переписчику, но имел ли Ты когда дело с этими злодеями? О! Со времен моего «Каракаллы» [1] я познал их! Прежде всего из стихов исчезнут строфы и сонет разделится то на $3^1/_2$, то на 5 куплетов. Затем не останется ни малейшего признака длинных и коротких стихов — все будут начинаться с одной линии. Терцины, вероятно, сольются в одну массу и т. д. и т. д. В неразборчивых же местах, которых у Тебя немало, получатся такие стихи — «Беседа с божеством души, как свет неумытой» [2] (им что! всякое слово одинаково!). В результате в первой корректуре Тебе придется раздвигать строчки, вписывать целые стихи, исправлять бесчисленное число errata *, в которых виноват не наборщик,— и, так как во всем этом нельзя не запутаться, Ты получишь книгу, преисполненную опечаток. Вообще рукопись со стихами должна быть точной, должны быть указаны все интервалы, места всем посвящениям и обращениям, одним словом *все*, ибо это все непонятно и недоступно корректору. Вот почему мне остается дружески осудить Тебя за то, что Ты не переписал сам своих стихов и дружески исправить Твою ошибку: за эту неделю переписать их самому (конечно, не изменяя ни единой буквы, кроме «явнейших» описок, как например: «Игрой огней ласкает ласкает усталый взор», где второе «ласкает», очевидно, лишнее) [3]. Письмо я должен отослать сию минуту и поэтому о содержании «Полутеней» сказать ничего не могу. Вот только беглые впечатления. Из новых стихотворений вполне понравилось мне с первого чтения только «В музее» [4]. «Награда — гоненье» — этот вариант, видимо, подсказан Ясной Поляной [5]. Против «Храма» ничего не имею, как и против «Хоровода» [6], но вот «Мы здесь вдвоем» [7] кажется мне перепевом давно знакомой мелодии. Ничего не говорит мне и «На утро в час...» — риторика! [8] гораздо больше нравится мне А. Л. Т-ой [9], здесь есть жизнь, а следовательно и крылышки бабочки. «Зефир, шелестевший светлым платьем» и вообще все это стихотворение не по мне: я против! против! К тому же стихи «Внесла весны обвороженье И скрылась вдруг» напоминают мне из бальмонтовского Антея «Дала мне жизни откровенье и прочь — до времени — ушла» [10]. О «Где склонясь» Ты уже знаешь мое мне-

* ошибок *(лат.)*.

ние — такие хореи можно продолжать, а можно и кончить, на Твой же взгляд и начинать-то нельзя [11]. Очень, очень плохо по-моему либавское стихотворение «Плыла волна», где к тому же волна разбивается не *о* берег, как в русском языке, а *в* берег [12]. Новы для меня еще: сонет В. К. («Усни, несчастная...»), во всяком случае ничего не портящий, и «В пьяном бреду» [13]; последнее стихотворение показалось мне сначала пародией на По, но потом стало казаться лучше, теперь нравится; несколько комично только соединение слишком «страшных» слов («ад», «ураган» etc.) с такими, как «пьяный», «фонари»... Впрочем, все это первые мнения, в следующем письме с Твоего позволения пришлю подробный разбор, который частью войдет и в мою ближайшую книгу «Русская поэзия в 1895 году» [14].

Твой Валерий Брюсов.

P. S. Еще по поводу Блока [15]. Выгодно переписывать там лишь прозу, а стихи, что пером, что ремингтоном занимают одинаковое число листов. Цена листу 50 коп. Следовательно, Тебе стоило бы это более 5 руб.

[1] Неопубликованная драма Брюсова, написанная в 1892 г. и переделанная осенью 1893 г. (Текст ее см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 28.2,3 и 125.37). Под шифром 28.3. Л. 29—44об. хранится машинопись драмы, выполненная в 1893 г. Очевидно, качеством именно этой перепечатки был недоволен Брюсов.

[2] Строка из стих. Курсинского «Ученой мудрости бледнеющие звуки...», посвященного младшей дочери писателя Александре Львовне *Толстой* (1884—1979), читается на самом деле так: «Беседа с божеством души, как свет, нескрытной» (*Полутени*).

[3] Строка из стих. «Храм» (там же).

[4] Там же; сб. «Стихи» (новая ред.).

[5] Текст этого стихотворения неизвестен.

[6] Оба стихотворения вошли в *Полутени*. О стих. «Хоровод» см. также п. 14, прим. 7. Текст его — наст. кн., Письма Ноздрина, п. 4, прим. 11.

[7] Вероятно, по совету Брюсова Курсинский исключил это стихотворение из *Полутеней*. Текст его неизвестен.

[8] Стих. «На утро в час, когда блеснет заря...» вошло в состав сборника.

[9] См. прим. 2.

[10] Цитируется стих. К. Д. Бальмонта «Воскресший» из сб. *В безбрежности*. Стихотворение Курсинского «Она взбежала на веранду...», не понравившееся Брюсову, в *Полутени* не вошло, и текст его неизвестен.

[11] См. п. 1, 2, 6, 7.

[12] Вопреки критике Брюсова, стих. «Плыла волна ...» осталось в составе *Полутеней*, так как Курсинский был иного мнения о нем (см. п. 9), однако стих 9 был исправлен: «О берег скалистый разбилась волна».

[13] Сонет В. К. и стих. «В пьяном бреду» в сборник не вошли. Их текст неизвестен.

[14] В черновой тетради № 21 сохранились наброски этого разбора, в котором Брюсов так определяет поэзию своего друга: «Начало многих стихотворений выше конца — вдохновение как бы оставляет поэта. Таков сонет "Я был близ Вас", где все хорошо, кроме последней терцины, таково "А. Л. Т-ой", где три строфы хороши, а четвертая — слаба, такова поэмка в терцинах, которая вначале поражает, но потом дает впечатлению ослабнуть и заканчивается каким-то судорожным усилием вдохновения». (*ГБЛ*. Ф. 386, 2.22. Л. 4об.—6; подробнее см. в *Приложении* к настоящей публикации).

[15] Имеется в виду находившееся на Кузнецком мосту «Товарищество на паях Ж. Блок», которое принимало заказы на перепечатку рукописей.

9. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

21 июля ⟨1895 г.⟩, Ясная Поляна.

Дорогой Валерий!

Твоя любезность превзошла всякие мои ожидания, но мне, право, очень было бы тяжело согласиться на то, чтобы ты сам перенисывал мою рукопись. Ведь это же громадный труд! Я печатал у Блока лекции Веселовского [1] и, помню, они делали очень аккуратно. Что же касается 5 рублей, то это вовсе не так дорого, чтобы нельзя было их бросить. Сам я более не был в силах переписывать: этот сборник меня положительно измучил, там есть еще очень много требующего исправления и, усовершенствуя его постепенно, никогда его не издашь. Мне очень хотелось бы услышать твое мнение о нем в его целом. Что же касается отдельных стихотворений, то я вполне согласен с тобой, что «Веранда — Гир-

лянда и пр.» [2] очень нехорошо,— пожалуй, его можно выбросить. Но относительно «Плыла волна» я не могу признать его дурным и мало оригинальным. Заметь, что в «Храме» 4-ый стих не будет «огней игрой ласкает...», а «игрой огней ласкать» (infinitiv) [3].

Хореи хотя и невнятны, но пусть останутся [4], так как у меня сейчас нет чем их заменить, а писать *ничего не могу*, так как, признаюсь, очень взволнован по поводу выпускаемых мною «Полутеней».

Что ты скажешь о терцинах? [5] Но, впрочем, жду обещанной критической статьи и не надоедаю. Жду также с нетерпением Chefs d'oeuvre и 3-ий выпуск. Надеюсь, что ты мне вышлешь их, как только они выйдут. О книжке Емельянова-Коханского я узнал из «Новостей дня», которые ее жестоко осмеяли [6] и, надо догадываться, по заслугам.

Поговорим, друг мой, насчет издания. Если выкинуть «Веранду — Гирлянду» и напечатать помельче оглавление, то при наличности одной пустой страницы, может быть, все уместится на 5 печатных листах. Рассчитай же для меня, мой милый, сколько будет стоить издание в 600 экземпляров на обыкновенной бумаге (например, как Шелли) [7], и почем надо продавать книжку, чтобы за вычетом комиссионных книгопродавцам с половины издания можно было вернуть затраченную сумму. Сборник, думаю, не выйдет ранее 1-го октября. Я рассчитываю к этому времени отложить полтораста рублей. Думаю, что этого будет достаточно (приблизительно 30 рублей лист), так как Рихтер [8] брался мне печатать Мура [9] по 20 рублей за лист в 1200 экз.— без обертки. Но если и обойдется несколько дороже, то я могу призанять у графини [10] рублей 25—50.

Августа 17-го я приеду в Москву дня на 2. Было бы хорошо, если бы и ты приехал туда в это время. Но об этом, впрочем, говорить еще рано.

Весь твой А. Курсинский.

[1] Алексей Николаевич *Веселовский* (1843—1918) — историк литературы, с 1881 г. профессор Московского университета, читал курс западноевропейской литературы.

[2] См. п. 8, прим. 10, а также п. 12, прим. 2.

[3] Брюсов, приводя в п. 8 в качестве явной описки строку из стих. «Храм», дважды ошибся сам. Стих следует читать: «Игрой огней ласкать усталый глаз», а не ласкает — см. п. 8, прим. 3 и п. 11, прим. 6.

[4] Речь идет о стих. «Где, склонясь задумчиво уныло...». См. п. 1 и п. 2, прим. 7.

[5] Имеется в виду небольшая поэма «Молчанье. Тьма».

[6] См.: Новости дня. 1895, № 4315. 16 июня. Безымянный рецензент, в частности, писал: «"Обнаженные нервы" — грязная книжонка, отпечатанная на красной бумаге и посвященная египетской царице Клеопатре. "Мне и египетской царице Клеопатре" — так заявляет автор. Чтобы наказать автора, скажу, что его зовут А. Н. Емельянов-Коханский. Одно из двух: или автор дурного мнения о читателе или он слишком хорошего мнения о себе. Человек в здравом уме и твердой памяти не напечатал бы таких стихов. Во всяком случае он не посвящал бы их Клеопатре. Клеопатра была большая грешница, но она не заслужила такого ужасного наказания. Было бы великодушнее со стороны поэта посвятить книжонку только себе. Свой горб не тяжел». 3-е издание «Обнаженных нервов» резкой критике подверг и Брюсов (Весы. 1904. № 7. С. 60).

[7] Имеются в виду «Сочинения Шелли» в переводе К. Д. Бальмонта. Вып. 1, 2. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1893.

[8] Владимир Федорович *Рихтер* — владелец московской типографии в Мамоновском переулке.

[9] Отдельное издание переводов Курсинского из Т. Мура не состоялось. 3 января 1895 г. Брюсов записал в дневнике: «Курсинский подавлен. Сравнение со мной и Бальмонтом было ему не по силам. Он понял свое ничтожество, бросил приготовленное издание переводов из Мура. Бедняга. Его жаль» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.13/2. Л. 4). Впоследствии выборка из этих переводов составила 2-ю часть сборника *Полутени*. См. также: *Тетради*, п. 24, прим. 10.

[10] С. А. Толстая.

10. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

22 июля ⟨1895 г.⟩ Ясная Поляна.

Дорогой Валерий!

Мне очень интересно знать, состоишь ли ты в переписке с Фриче? И вот почему. Ты намерен издать книгу «Русская поэзия в 1895 году». Несомненно, это

будет своего рода révue poétique *, единственный в своем роде, если не считать «Молодой поэзии» Перцовых, своей цели совершенно не достигшей. Нужно ли говорить, насколько желательно такое обозрение в наше время? Я не знаю, читал ли ты в «Северном вестнике» за май месяц статью Арнольда о задачах эстетической критики: он там очень ясно выражает ее значение не только просветительное в отношении читающей публики, но и как важного фактора, подготовляющего будущее искусство [1]. Искусство поэзии менее чем какая-либо другая отрасль духовной жизни человека находит себе соответствующего судью в лице такой критики, и осуществление этой идеи мне кажется необходимым. Но выполнение такой работы требует большого, а главное — постоянного и ровного труда, который вряд ли будет под силу одному человеку, к тому же причастному той деятельности, плоды которой он намерен оценивать. Поэтому я хотел бы предложить тебе следующее: 1) сделать предпринимаемое тобою издание — ежегодно-периодическим критическим изданием (с приложением лучших образцов в виде особого альбома). 2) Сделать книжки Ежегодника до nec plus ultra [2*] полными и разносторонними. 3) Разделить труд собирания и оценки между несколькими сотрудниками. 4) Пригласить всех авторов присылать свои сборники или по крайней мере извещения о появлении их в редакцию Ежегодника и пр.

П. С. КОГАН
Фотография. 1890-е годы
Центральный исторический архив города Москвы

Таким образом мы могли бы осуществить идею издания, близкого нашему делу и важного для развития эстетических запросов общества,— журнала, еще год тому назад привлекавшего внимание многих членов нашего кружка [2]. Вот почему я, предлагая с своей стороны услуги, советовал бы тебе прежде всего списаться насчет этого с Фриче. А затем можно было бы, расширяя постепенно дело, привлечь еще многих лиц. К тому же при условии сотрудничества нескольких и материальная сторона дела была бы более обеспечена. Ввиду того, что самым подходящим временем для выпуска книги мне кажется весна (Великий пост), я советовал бы тебе не торопиться и дождаться обсуждения этого вопроса. Прими также во внимание, что поэзия Запада тоже должна обращать на себя внимание такого Обозрения и отдел ее — занимать почетное количество листов сборника. Я уже говорил тебе, что написал Фриче письмо. До сих пор ответа я не получил. Теперь знаю, впрочем, что с ним переписывается Коган [3] и получает от него письма. Ты можешь от Когана узнать его точный адрес.

А. Курсинский.

P. S. Интересную делаю теперь работу: редактирую «Воспоминания Арбузова» [4], бывшего более 20 лет лакеем графа Толстого. Как это тебе нравится?

* обзор поэзии *(франц.)*. 2* до предела *(лат.)*.

[1] Статья Мэтью Арнольда «Задачи современной критики» опубл.: *СВ*. 1895. № 6. Перевод с английского был выполнен редакцией «Посредника» из книги: *Arnold Matthew*. Essays in criticism. Leipzig, 1887. Vol. 1. Статья эта заинтересовала Толстого (см.: *Гусев Н. Н*. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. М., 1960. С. 180). 29 декабря 1895 г. В. Ф. Лазурский записал в дневнике высказывание Толстого о статье Арнольда: «Я эту статью давно рекомендовал; теперь ее прекрасно перевели, но она прошла как-то незаметно. Я все рекомендую ее молодым людям. Автор в статье говорит о том, что подъем художественного творчества бывает тогда, когда критика соберет весь запас того лучшего, что сделано у других. В этом и должна быть задача критики» (*ЛН*. Т. 37—38, кн. 2. С. 385). Возможно, что именно Толстой обратил внимание Курсинского на эту статью. Впоследствии Курсинский вспоминал: «Граф всегда приносил с собой из кабинета какую-либо из бесчисленных книг, присылаемых авторами на суд его со всех концов мира, которая при быстром просмотре успела заинтересовать его своей темой» (*А. К*. Из воспоминаний о Л. Н. Толстом // Курьер 1903. № 181. 28 авг.).

[2] Имеется в виду Кружок любителей западноевропейской литературы. В «Автобиографии» Брюсов вспоминает: «С Бальмонтом я встретился впервые в студенческом „Обществе любителей западной литературы", деятельнейшими членами которого были составившие себе впоследствии некоторое имя в литературе (тогда студенты) В. М. Фриче, П. С. Коган, В. Шулятиков и Марк Криницкий, а также А. А. Курсинский, даровитый поэт, выпустивший позднее два сборника стихов. Это маленькое общество (были и другие члены) собиралось довольно часто, обсуждало рефераты, спорило, а потом все кончалось, обычно, дружеской пирушкой, за которой читались стихи, написанные ее участниками» (*Венгеров. Рус. лит. XX в*. Кн. 1. С. 111). Кружок, основанный 5 февраля 1894 г., собирался еженедельно. Руководил им проф. Н. И. Стороженко, секретарем был Курсинский, число членов доходило до 20 человек. Среди них были также А. А. Ланг, В. Ф. Долгинцев, А. В. Назаревский, М. А. Иловайский, П. А. Рождественский. Брюсов, вступивший в Кружок 21 сентября 1894 г. (см.: *ГБЛ*. Ф. 389, 1.15), прочел реферат о Верлене (20 окт.), а также свои переводы из Верлена (29 сент.), Эредиа и Эверса (8 нояб.) и переводы-мистификации из несуществующего поэта Г. Шульце (19 нояб. 1894 г.). Курсинский читал рефераты о Лессинге, Байроне и Корнеле (*ГБЛ*. Ф. 389, 1.12 и 16).

[3] Петр Семенович *Коган* (1873—1932) — историк литературы и критик-марксист.

[4] Сергей Петрович *Арбузов* (1849—1904) — яснополянский крестьянин. Книга «Граф Л. Н. Толстой. Воспоминания С. П. Арбузова, бывшего слуги графа Л. Н. Толстого» издана в 1904 г. Московской типо-литографией Владимира Чичерина.

11. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Москва.⟩ 24. 7. ⟨18⟩95 г.

Друг мой!

Рукопись Твоя уже в цензуре, переписанная, если не изящно, то четко и верно — а это главное.

Затем — скажу Тебе, что в настоящую минуту я решительно против изобретения Гутенберга. *Переписывая* Твои «Полутени», я убедился во всех преимуществах *такого* знакомства с книгами. Петрарка — думаю я — знал Гомера много лучше любого современного филолога, и меня уже не удивляет, что Гоголь любил списывать даже продающиеся сочинения. Смысл всего этого тот, что я знаком теперь с Твоей поэзией так, как ни с какой другой.

Быть близко знакомым с чьей-либо поэзией — значит любить ее, потому что каков бы ни был поэт, если только он не Емельянов-Коханский, он достоин любви, и каково бы ни было поэтическое произведение, в нем есть красота. Так, например, мы любим *все* свои собственные стихи, и — когда я увидал десяток своих стихотворений в «Обнаженных нервах»[1], то — хотя эти стихотворения и были изгоями — мне стало грустно и обидно, и жалко их. Вот почему и мое мнение о Твоих стихах во многом переменилось. Прежде я судил мельком, останавливаясь на выдающихся чертах, пропуская второстепенное,— теперь я сжился с каждой строкой и каждым словом, почти все знаю наизусть; прежде отдельное стихотворение было для меня страничкой, которую легко осудить одним словом, теперь я открыл в этом стихотворении двенадцать стихов, из которых каждый живет и каждый требует оценки. Я нашел изящество там, где прежде не видел ничего, кроме слов; смысл, где мне когда-то казалась риторика, я понял, почему написан тот или другой стих, почему слова поставлены так, а не иначе. Повторяю, я сжился с Твоей поэзией, полюбил ее, а потому в своем разборе постараюсь быть особенно беспощадным.

25-го июля (утро)

Друг мой! — Я несколько раз брал перо, чтобы продолжать это вчерашнее письмо, но, право, не могу. Вчерашний вечер меня совсем расстроил. В виде маленького объяснения посылаю Тебе листок из моей книги стихов. Стихотворение хоть и неважное, даже вовсе плохое, но зато верно рисует мое настроение [2]. Разбор Твоих стихотворений «окончу после как-нибудь» [3], как говорит

Наш царь, наш бог, учитель вечно юный
Счастливый Пушкин! [4]

Что до твоего проекта о révue poétique [5], то я не могу примкнуть к нему в этом году. Моя «Поэзия 95 г.» имеет особые цели, да наполовину уже написана. Это не столько критическое, сколько полемическое сочинение, не столько изучение современной поэзии, сколько проклятия и гимны, проповедь всего нового, во что я верю, автобиографические вставки и лирические отступления — словом все, что мне давно хотелось высказать всем современным поэтам. Моя книга — прежде всего речь в собрании — она даже не хочет быть беспристрастной и не может быть разделенной между двумя.

Эта книга не должна быть повторена, но, конечно, вне ее Твой проект интересен и может быть осуществлен.

К 15 числу — мы уже переедем с дачи, и 17 я надеюсь непременно увидать Тебя. Напиши только поточнее, когда и где (самое удобное, кажется, у меня?).

Что до «ласкает» — Ты понимаешь — это описка [6].

Твой Валерий Брюсов.

Я ее не видал, я лишь слышал об ней,
И забилося сердце больней...
Что же будет, когда мне опять
Придется ее увидать!

Дорогая! Тебя уведу я в аллею теней,
Дорогая! У ног твоих я упаду!
В замолчавшем саду
При сиянии прежних небесных огней
Я прежние клятвы найду;
Опьянение грез,
Аромат первых роз,
Ласки змеистых волос.

Все былое вернется ко мне
В тишине,
При воскресшей для жизни луне.
О, проклятие вам, годы жизни, века!
Вы мне сердце одели десятком кольчуг,
Подменили мечту мне мечтой старика
И собрали вокруг,
Как желанных подруг,
Как подруг мудреца,
Все презренные чувства скопца!

Этот мир для меня, он безжизненно пуст,
Я один, и чужие кругом,
Милых уст
Я не знаю во мраке ночном,
Я не плачу — увы! — никогда, ни о ком,
Истомленный пустыней пути моего
Я порою томлюсь и скорблю,
Но на свете теперь никого не люблю,
Никого! Никого! Никого!

Потому хоть на миг я так жажду опять
Позабытым дышать,
Оттого-то так бьется несчастное сердце мое,
Чуть заслышу я имя твое,
Оттого в тебе все
Для меня так полно красоты —
То — былые мечты,
Дневника дорогие листы,
Это — ты,
Это — юность моя!
Оттого-то так жажду с тобою увидеться я!

Там в беседке, залитой серебряным светом,
Вновь я стану восторженным, юным поэтом,
Дерзко робким ребенком там стану я вновь,
Постигавшим любовь
И рыдавшим над новым сонетом [7].

24 июля.

[1] См. п. 7, прим. 5.

[2] 25 июля 1895 г. Брюсов записал в дневнике: «Живу в Москве и счастлив. Вчера был в Сокольниках, видел Петю Дарузес и других, слушал о Тале и... смотрите мое стихотворение от 24 июля (Гимн Былому)» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.13/2. Л. 13).

[3] Цитируется последний стих третьей главы «Евгения Онегина».

[4] Строки из первой главы поэмы Мережковского «Вера» (*РМ*, 1890. № 3, 4).

[5] См. п. 10.

[6] Брюсов имеет в виду не ошибку Курсинского, повторившего при переписке стихотворения «Храм» два раза слова «ласкать», а свою собственную (см. п. 8 и 9). В черновике письма, очень близком к публикуемому тексту, сказано: «что до "ласкает", это, конечно, описка *с моей стороны*» (*ГБЛ*. Ф. 386, 2.21. Л. 72).

[7] Это ранее не публиковавшееся стихотворение прислано Курсинскому на листке, вырванном из записной книжки. На нем же Брюсов зачеркнул также не публиковавшееся стихотворение «Мы в наши дни не знаем красоты...», датированное 20 июля 1895 г.

12. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Хорошево.⟩ 26 июля ⟨18⟩95 г.

Друг мой!

Вчера я отослал к Тебе письмо, из которого советую читать только первую половину; впрочем, вторая и написана неудобопонятно. Листка из книжки читать не стоит [1]: стихи в нем так плохи, что лишь после бессонной ночи можно воображать, будто они выражают какое бы то ни было настроение.

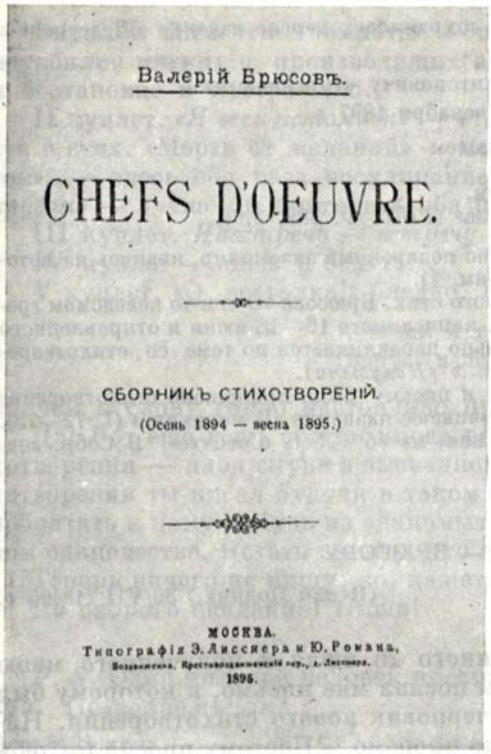
Но, впрочем, это все пустяки.

Получил Твое добавочное послание, но оно опоздало [2]: рукопись уже с понедельника в цензуре. «Веранду» (серьезно говоря, слабейшее стихотворение) можно выкинуть и без замены, тем более, что есть свободная страница. Что касается до посвящений, то «Сонет» «Я был близ вас...» у меня не посвящен никому, ибо буквы S. F. были Тобою *очень* старательно зачеркнуты. Зато стихотворение «Ученой мудрости» согласно с Твоей рукописью и ее оглавлением посвящено А. Л. Т.[3]

Что до сборника «Она» [4], то не думаю, чтобы он Тебе удался. Мне кажется, что сущность Твоей поэзии — не краски и не формы,— не изображение внешней жизни, а передача мечтаний, отражение минут задумчивости. По крайней мере такие стихотворения наиболее Тебе удаются, да и в стихотворения, которые у другого поэта остались бы чисто внешней картиной, Ты вносишь этот элемент мечтательности. Одним словом, Ты полная противоположность Теофилю Готье (если читал его, напиши свое мнение об нем) и почти такая же противоположность старичку Муру; вот почему все Твои переводы из него бледны. (Я уже не говорю о «Любви ангелов», которая — что я Тебе могу доказать, но это долго — никуда не годится) [5]. Вот почему — добавлю я еще — надо одобрить избранное Тобою заглавие: оно не бросается в глаза, даже прямо неудачно с точки зрения погони за успехом, но необыкновенно хорошо подходит к Твоим оригинальным стихотворениям. Впрочем не стану похищать мыслей из моей будущей статьи о Тебе [6] и добавлю только одно: я открыл, что Ты замечательно удачно избираешь размеры; так, в пресловутых хореях «Где склонясь задумчиво уныло...» нет почти ничего хорошего, но размер удивительно сливается с намеченным настроением, он, говоря символически, дышит водой и пахнет плесенью старого моста, в нем, только в нем одном, можно увидеть толстые стволы ив, наклоняющих ветки к водяным лилиям, и почувствовать эту вечернюю прохладу, эту сырость, которая пронизывает насквозь и все же имеет какую-то ароматную прелесть.

Мог бы привести еще примеры, но после. Замечу только в заключение, что у Тебя *вдохновение всегда ослабевает к концу произведения*. Напряжение его можно изобразить *наклонной* линией и лишь изредка у конца бывают его судорожные трепетания.

В прошлом письме я Тебе писал, что 17 надеюсь с Тобой увидаться; тогда я, наконец, буду иметь возможность вручить тебе Chefs d'oeuvre и 3-ий выпуск [7], которые мне обещаны окончательно на будущей неделе.

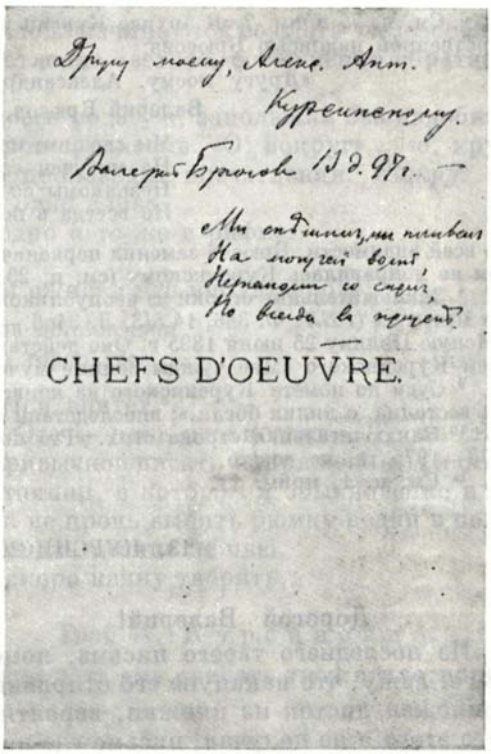

Валерій Брюсовъ.

CHEFS D'OEUVRE.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

(Осень 1894 — весна 1895.)

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романъ,
Большая Лубянка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1895.


Другу моему, Алекс. Ант.
Курсинскому.
Валерій Брюсовъ 13 д. 97 г.

Мы спешим, мы плывем
На могучей волне,
Незнакомы со сном,
Но всегда в полусне.

CHEFS D'OEUVRE.

В. БРЮСОВ. CHEFS D'OEUVRE. М., 1895

Титульный лист и авантитул с дарственной надписью: «Другу моему, Алекс. Ант. Курсинскому. Валерий Брюсов 13 д. 97 г. Мы спешим, мы плывем || На могучей волне, || Незнакомы со сном. || Но всегда в полусне»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Последнее присланное Тобой стихотворение прочел и... и скажи мне, не урок ли это «чувства меры», предназначенный для меня? — ибо Твое стихотворение написано на тему, близко соприкасающуюся с моим—

И лишь на пути серафимы
Склоняют глаза, угадав божество [8].

Твой Валерий Брюсов.

P. S. Прилагаю сегодняшнее стихотворение [9]. Увы! Где же мое обещание «Я больше не знаю стихов о любви!» [10]

Post P. S Надеюсь Ты получил «Молодую поэзию» [11], я послал ее уже недели две тому назад.

[1] См. п. 11, прим. 7.

[2] «Добавочное послание» Курсинского, посланное из Ясной Поляны 23 июля 1895 г. в настоящую публикацию не включено. В этом чисто деловом письме Курсинский просил Брюсова заменить в рукописи стихотворение «Она взбежала на веранду...» на «Мне чужды земные мученья...», снять везде датировку и проследить за точностью посвящений. Здесь же Курсинский сообщает, что задумал новый стихотворный сборник — «Она». Несмотря на то, что рукопись уже была отдана в цензуру, все просьбы автора в сб. *Полутени* учтены.

[3] См. п. 8, прим. 2.

[4] Замысел Курсинского выпустить сборник не осуществился.

[5] Разбор перевода поэмы «Любовь ангелов» см. в п. 14 (postscriptum). Поэма, по-видимому, не была пропущена цензурой (см. п. 15 и обоснование его датировки). Текст перевода Курсинского неизвестен.

[6] См. п. 8, прим. 14.

[7] См. п. 7, прим. 7. В архиве Курсинского сохранилось первое издание «Шедевров» с дарственной надписью Брюсова:

«Другу моему, Александру Антоновичу Курсинскому
Валерий Брюсов. 13 декабря 1897 г.

Мы спешим, мы плывем
На могучей волне,
Незнакомы со сном,
Но всегда в полусне» (*ГБЛ*. Ф. 389, 2.6).

По всей видимости, Брюсов заменил первоначально подаренный экземпляр, надпись на котором не понравилась Курсинскому (см. п. 23, прим. 1).

[8] Заключительные строки из неопубликованного стих. Брюсова «О чем-то неведомом грезят мечты...» (*ГБЛ*. Ф. 386, 14.5/3. Л. 34об.—35), написанного 16—18 июня и отправленного в Ясную Поляну 25 июня 1895 г. Оно действительно перекликается по теме со стихотворением Курсинского «Мне чужды земные мученья...» (*Полутени*).

[9] Судя по помете Курсинского на конверте, к письму было приложено стихотворение «О, весталка, о лилия бога...», впоследствии получившее название «К монахине» (I, 72—73).

[10] Заключительная строка стих. «Pro domo sua» из сб. «Chefs d'oeuvre». В Собр. соч. 1973—1975 гг. не вошло.

[11] См. п. 1, прим. 11.

13. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

⟨Ясная Поляна.⟩ 30/VII ⟨18⟩95 г.

Дорогой Валерий!

Из последнего твоего письма, помеченного 26 июля и полученного мною 28-го, вижу, что накануне его отправки ты послал мне письмо, к которому был приложен листок из книжки, вероятно, черновик нового стихотворения. Ничего этого я не получал, письмо где-нибудь пропало [1]. Поэтому просил бы тебя повторить его содержание еще раз, а также ответить мне на два предыдущих письма, где я писал тебе относительно расходов по изданию моего сборника и, во-вторых, о проекте Ежегодника [2]. Обещанной тобою критической статьи о моих стихотворениях тоже не получал я, но из нескольких твоих замечаний о них, присланных в последнем письме, вижу, что ты внимательно отнесся к ним и вынес заключение довольно верное относительно преобладания философски отвлеченного элемента в них над художественностью образов. Относительно же размера — я должен сказать, что, на мой взгляд, эта сторона поэтического произведения есть нечто среднее между формой и содержанием его и стоит в столь тесной связи с последним, что можно бы даже вывести законы их отношения друг к другу. Поэтому на него я обращаю наибольшее внимание. Заметь, что поэт, когда приступает к созданию стихотворения, прежде всего схватывает размер его, так как самое настроение подсказывает раздельность звуков, в которых будет выражена идея. Эта сторона дела есть собственно музыка, а музыка сильнее всех искусств передает именно настроение. Что касается переводов из Мура, то, может быть, они и бледны, но никак не бледнее подлинника. Я же вообще этого не нахожу. «Любовь ангелов» слабее других (и то лишь первая половина), но все-таки достойна напечатания. Вообще я выпущу из рукописи только одно стихотворение «Она взбежала на веранду». «Хоровод» мне очень не по нраву, но так как ты и некоторые другие находите его хорошим, то пусть остается.

Несколько дней назад был здесь у графа Никольский, твой товарищ по гимназии и университету [3]. Я показал ему твои стихотворения (2-го письма) [4]. Он отзывался о них с такой похвалой, что мог бы смутить самого автора. Но я попрежнему не могу понять достоинств стихотворения «Дремлет Москва», и как может мечта стоять, дремать, не шелохнуть травой и прочь итти с поникшей головой(?) [5] Сонет «К Эредиа» хорош, но, к сожалению, я не знаю мифа об Атре [6]. Но что действительно прекрасно, это последнее твое стихотворение «Весталка» [7]. Оно меня приводит в восторг! И тем не менее смею желать и даже настойчиво требую отделать его еще раз и возвести в перл создания. Вот что здесь мне не нравится:

I куплет. «Меж теней темноты» — два слова начинаются со слога *те*, вообще же обилие мягких е, производящих впечатление светлое, совершенно обратное и обстановке и настроению.

II куплет. «*Я весь истомлен*» — это своего рода уж, заползший без надобности в стих. «Мертв от желаний» — неверное сравнение. «О! вокруг»... «о, кругом»...— здесь оба раза восклицание не производит впечатления. «*Вокруг — кругом*» — лучше бы повторить оба раза одно слово.

III куплет. *Навстречу — встречу* — одно и то же в рифме.

IV куплет — chefs d'oeuvre!

V куплет. «О, весталка!» бледно. Я бы ожидал что-нибудь вроде:

А потом я во сне истомленном
(Вдруг) нащупаю горло твое

причем к слову горло настойчиво просится эпитет [8].

Да! Вот еще вещь совсем иного рода. Эта — плод вдохновения. Те же стихотворения — плод скуки и вызванного привычкой писать напряжения. Те стихотворения ты писал будучи в таком состоянии, в котором я обыкновенно иду поболтать к кому-нибудь из знакомых или не прочь выпить рюмку водки в полном одиночестве. Кстати замечу, что я уже два месяца не пью.

Теперь ничего не пишу, но, кажется, скоро начну творить.

До скорого свидания! Пиши!

Твой А. Курсинский.

P. S. Один молодой человек просит меня дать ему списать твои стихотворения. Позволяешь ли?

Ясная Поляна
18 30/VII 95

[1] Речь идет о п. 11, которое, по всей видимости, дошло до адресата с опозданием.

[2] См. п. 9 и 10.

[3] Петр Петрович *Никольский* окончил Поливановскую гимназию на год раньше Брюсова и поступил на историко-филологический факультет Московского университета (см.: Двадцатипятилетие Московской частной гимназии, учрежденной Л. И. Поливановым. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. С. 43). Впоследствии — преподаватель 2-й Московской мужской гимназии. Курсинский был знаком с Никольским по университету, где последний выполнял роль старосты среди студентов славяно-русского отделения, на котором учился Курсинский (см.: *ЦГИА* г. Москвы. Ф. 418. Оп. 305. Д. 376. Л. 5). 23 ноября 1894 г. Брюсов записал в дневнике: «Сегодня видел Маню ⟨...⟩ провел время мило и чуть-чуть даже вдохновился, но со свидания зашел к этому прозаическому поэту Никольскому, и вдохновение рассеялось» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.13/1. Л. 44).

[4] См. п. 4, прим. 1.

[5] Цитируется стих. «Моя мечта» (I, 71), посланное Курсинскому 25 июня 1895 г.

[6] В первоначальной редакции стих. «Львица среди развалин» (I, 71—72) называлось «Сонет» и было посвящено Ж.-М. Эредиа. Третья строка в нем читалась: «И Атра, дочь царя, любимица тоски» (*ГБЛ*. Ф. 386, 71.41. Л. 10). Имя Атра — вымышленное (см. п. 14, прим. 9).

[7] См. п. 12, прим. 9. Так как приложенное к письму стихотворение затерялось, приводим его первоначальный вариант по записной книжке «Мои стихи» (*ГБЛ*. Ф. 386, 14.5/4. Л. 6.— 26 июля 1895 г.):

О весталка, о лилия бога,
Бледно-юная греза мечты.
Это я меж теней темноты,
Это я у порога.

Я измучен, я весь истомлен,
Я бессилен, я мертв от желаний...
О! вокруг все в багряном тумане,
О! кругом точно звон!

Выходи же! иди мне навстречу!
Я томлюся! я жду! я стою!
Я руками тебя обовью,
Диким хохотом встречу.

И мы вздрогнем, и мы упадем,
И, рыдая, сплетемся, как змеи,
На холодном полу галереи
В полумраке ночном.

О весталка! во сне истомленном
Я нащупаю горло твое,
Я сдавлю его страстно,— и все
Будет кончено стоном.

[8] Большая часть замечаний Курсинского была учтена при переработке этого стихотворения для второго издания сб. «Chefs d'oeuvre», куда оно вошло под названием «Vestalis virgo».

14. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

6-го авг(уста 18)95 г. Хор(ошево).

Мой друг,— привет!

Пишу Тебе, сидя в постели, потому что вот целая неделя, как я болен [1]. Болен и бешусь, бешусь и все-таки болен. Там в Москве, небось, уже вышли мои Chefs d'oeuvre, вышли «Русские символисты» [2], там в Москве поджидает меня моя «весталка», а я прикован здесь, в этом тысячу раз проклятом Хорошеве. Сегодня привезли мне пачку писем, среди них и Твое [3] — что меня оживило лучше бесчисленного числа порошков антипирина, которые я глотаю без конца. Привет, друг мой.

Что Ты не получил одного моего письма [4], это меня отчасти радует и отчасти печалит. Дело в том, что письмо начал я очень разумно: обругал Гутенберга, потому что с книгами знакомишься лучше, переписывая их; сказал, что теперь познакомился с Твоими стихами особенно хорошо, сжился с ними, и начал писать критику их. Из критики я написал лишь вступление — отменно длинное и торжественное, но здесь должен был уехать в Сокольники. В Сокольниках встретил массу знакомых, с которыми не видался года полтора,— и слушал рассказы о жизни Тали, той самой, которой посвящены «Новые грезы» в 1-м выпуске [5] и с которой я поступил по общепринятым воззрениям довольно-таки плохо. Разговоры меня растрогали (и выпивка, впрочем), я расчувствовался и, вернувшись домой часов в пять, тут же написал стихотворение — бессвязное и высокопарное. Листок с этим стихотворением я вырвал из книжки (впрочем, я восстановил стихи по памяти) и, наскоро докончив письмо, послал Тебе. Если до Тебя не дошло это маранье, то, пожалуй, надо сказать «тем лучше».

Будучи в Москве, читал я Твои стихи Лангу, который, кстати сказать, все опускается, и они его совсем поразили; он был даже несколько подавлен; впрочем, просил написать Тебе, что говорить «мечтой *крылатой*» [6] — есть величайшее преступление (банально). Что Ты пишешь, что Тебе «Хоровод» не по нраву — да это одна из Твоих лучших вещей! Лангу не нравится в нем «молодайка» [7]. Что до «Любви ангелов», то она ниже всякой критики, вся — а не только первая часть. Доказательства (ибо Ты настаиваешь) — дальше.

В моей «Весталке» кой с чем из Твоих замечаний согласен; конец второго куплета *прежде* читался так:

Все вокруг, как в кровавом тумане,
Все звучит, точно звон.

Последний куплет *прежде* начинался: «А потом в полусне...» Видишь, какой Ты угадчик вариантов. Но ведь Ты и сам знаешь, таких стихотворений нельзя исправлять. Мечта моя, которая стоит, дрожит etc., олицетворена в виде «вольной серны» (зри стихотворение) [8]. Мифа об Атре нет никакого, да и самое имя-то я выдумал [9]. Посылаю Тебе два анапеста к «Миньоне», первый похуже, второй получше [10]. Есть у меня еще «Гимн к Деве Марии» [11], написанный еще в июне и приводивший в восторг Самыгина, Ланга и многих других, но его — до личного свидания.

Ежегодник можно издавать, но моя книга будет совсем в ином роде [12]. Цену своей книги высчитай сам по следующим данным (формат — «Русских символистов», «Под северным небом» [13] etc.): Набор с листа — 10 р. Печатанье id * — 3 р. (сколько бы ни было экземпляров). Бумага на 100 экз. меньше стопы; стопа хорошей бумаги — рубля 4. Обертка и брошюровка 10 р.

Жду Тебя с нетерпением, надеясь воскреснуть к тому времени. Напиши поточнее о своем приезде.

Дурной почерк и бессвязность письма — следствие болезни и того, что пишу полулежа.

Твой В. Брюсов.

* idem — так же *(лат.)*.

В виду PS-а разбор «Любви ангелов» (особенно плохие места). Ты хвалишься концом, но там есть такие ужасные стихи:

...*будто боль* сдавила
Его в груди *с могучей силой* (?)

Есть масса погрешностей против русского языка. Например:

Затем что он забыть не мог (*вместо потому что*)
В земн*ую жизнь* погряз (*надо предложный падеж*)
И знать почем коль состраданье («*почем*» *говорится*

лишь в лавочке — «коль» грубо, расположение слов ужасно). Все это из самого конца. Вот еще отрывок:

...Я не знал
Какой ей в мысли *план запал* ?!?!
Какой свершил я шаг опасный (*проза*!)
Я поцелуем дико страстным (*рифма*?)
Ее в чело поцеловал
И, *уж* потерянный для рая, (*вот он уж-то*!) [14]
Одной любовью лишь (?) *сгорая* (*банально*)
Ей тайный заговор назвал ◡/◡//◡◡///◡/ (*некрасиво*)

А вот места:

Она как к месту приросла («как» вместо «как будто»; прирасти к месту — фи!)

за взгляд
Ее очей уж порывался
Отбросить крылья в *мрачный* ад.

Второй уж, который к тому же порывается.

Было судьбой и преступленьем

Это ямб? Полно!

Падает безумно *так* во прахе

Детский стих.

не при чем
Осталась мысль

Ай, ай!

Земного не было в ней *пыла*

Слово, режущее ухо.

И встретил глаз ее стыдливый
Мой взор горячий и пытливый.

Глаз встретил взор. Кто кого? Где Nominativus [2*], где Accusativus? [3*]

Младую деву лобызал

На славянском языке? На языке времен Игоря?

восторженный очами
Земными

Об этом я уже говорил. С точки зрения русского синтаксиса заслуживает единицы с минусом.

Вдали Творца и на крылах

Вдали говорится *от* кого-нибудь. От «крыло» Pluralis [4*] — крылья.

Всемогущий — летучий.

Рифма?

С высот я *бережно* смотрел

[2*] именительный падеж (*лат.*).
[3*] винительный падеж (*лат.*).
[4*] множественное число (*лат.*).

Надо осторожно, тихо... «Бережно» носят лишь рюмку коньяку, чтобы не расплескать.

Стан, дрожавший в своей красе

Что это значит? Да еще каково расположение слов в стихе с рифмою *туманом*, *стана*.

Я устал выписывать, а могу продолжать без конца. Я пропускаю те места, где получается только неясность смысла, а их много. Например: «Лучезарное крыло Свет дня снимает утомленный». Что это значит? «Он был и славен (?) и прекрасен». «Красу земли узреть мне дал». (Два славянских слова, но они не объяснят, что дело идет о Лии, думаешь, что о картине природы) etc. Не говорю уже о том, что стих *везде вял*, образы бледны, что содержание пусто. Может быть, все это так и у Мура, но тогда не стоило его переводить. Я не хочу убеждать Тебя, что не надо печатать переводов, но согласись, что они плохи. Вот единственные хорошие места:

Я различать в природе мог... и далее.
Как бросить мир... и далее.
Прости, лечу... и далее, кроме рифмы.
И хоть на миг, сказать страшуся... и далее.

Есть затем сносные места и некоторые отдельные стихи. Например:

Блестя, как снег перед закатом
Блестит сияньем розоватым

И только.

Что до моих стихов, я, конечно, ничего не имею против того, чтобы их списывали [15], если только мне не грозит опасность увидеть их в будущем среди каких-нибудь «Обнаженных нервов» О! Как мне обидно за мои стихи, напечатанные г. Емельяновым-Коханским в его книге!

Судя по штампу на конверте, настоящее письмо было отправлено 7 августа. В тот же день Брюсов послал Курсинскому также стихотворение «Два мака» (впервые опубл.: III, 228) с датой: «7 авг. 95 г., bis» (почт. шт. на конверте — 8 августа). Так как, кроме текста стихотворения, в письме ничего не было, в настоящей публикации оно опущено.

[1] 8 августа 1895 г. Брюсов записал в дневнике: «На даче я захворал, бредил... Кстати — основа всякого бреда — отсутствие гладкости. Кроме того, мне казалось часто, что я не ощущаю своих рук и это меня мучило. Много раз я старался не грезить, но это было свыше моих сил: я должен был смотреть рисующиеся мне картины и это было мучительно и приятно вместе» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.13/2. Л. 13об.).

[2] Выпуск обеих книг задержался. «Русские символисты» (вып. 3) вышли в середине августа, а «Chefs d'oeuvre» примерно неделей позже (см.: *Письма к Перцову*. С. 34).

[3] См. п. 13.

[4] См. п. 13, прим. 1.

[5] В первом выпуске «Русских символистов» раздел «Новые грезы. Лето и осень 93 года» посвящения не имеет, но в цензурном экземпляре сб. «Juvenilia» раздел озаглавлен «Стихи к Тале» (см. I, 570).

[6] Цитируется стих. «Сонет из письма», в котором Лангу не понравился стих: «И к дням иным стремясь мечтой крылатой...».

[7] Имеется в виду третья строфа стих. «Хоровод»:

Трензель, бубен, балалайка,
Хохот, грохот, свист и вой,
Ходит павой молодайка,
Вьется парень удалой.

Мнение Ланга разделял и Брюсов (*Письма к Перцову*. С. 61).

[8] См. п. 13, прим. 5.

[9] Там же, прим. 6.

[10] К письму приложены стихи «К моей Миньоне» («Утро, раннее утро, прохлада...») и «Правда, речи и дерзки и строги...» Оба стихотворения опубл. в *ПСС I*.

[11] Стих. «Гимн» («Дева Мария! о Лилия! — Ты...»), написанное 6 июля 1895 г., не опубликовано (см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 14.5/6. Л. 10об.—12).

[12] Речь идет о «Русской поэзии в 1895 году» (см. п. 10 и 11).

[13] Выпуски «Русских символистов» и сборник стихов Бальмонта «Под северным небом», вышедший в 1894 г., имели формат 13×17 см.

[14] См. п. 13, в котором Курсинский сравнивает ненужное слово во второй строфе «Весталки» с ужом, заползшим без надобности в стих.
[15] См. п. 13, post scriptum.

15. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

⟨Москва. 17 (?) августа 1895 г.⟩

Друг мой!

Ты пишешь, что ты не знаешь больше стихов о любви [1]. Я же не знаю больше никаких стихов. Ну их к черту!

Подчинять искусство произволу каких-то шпионов в вицмундирах я не в состоянии. Произведения художника имеют целью познакомить с душою художника тех, кто их читает. Поэтому все, в чем выражается эта душа, должно быть известно его читателю. Надо изучить язык свободной нации, ехать в страны, где дышать свободно, и там можно служить свободному искусству. Это я и сделаю со временем.

Сегодня был в цензуре. Представлял этим набитым архивною плесенью дуракам свои разъяснения. Они читали, советовались и вынесли мне *ничем не мотивированный отказ*. «Полутени» напечатаны не будут. Тебе и некоторым из моих друзей дам по рукописному экземпляру.

Теперь остановился в недоумении. Не знаю, что делать. Думаю готовиться с горя к экзамену. Да здравствуют Емельяновы-Коханские и Добролюбовы! [2] Сволочь! Они не заставят меня молчать. Я напечатаю сборник за границей.

Твой друг А. Курсинский.

Надо бы повидать тебя. Не заглянешь ли в субботу на Бутырки? [3] Ночевать я там не буду и вместе возвратимся.

Датировка настоящего письма, конверт от которого не сохранился, вызывает некоторые трудности. Возможно, что в этом случае мы имеем дело не с письмом, а с запиской, оставленной на московской квартире Брюсовых, так как их переезд с дачи состоялся только 17 августа (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.13/1. Л. 15об.). Из текста очевидно, что его следует датировать августом 1895 г., так как в нем цитируется письмо Брюсова от 26 июля (п. 12), на которое Курсинский отвечал 30 июля (п. 13). В этом ответе, а также в письме Брюсова от 6 августа (п. 14) нет речи о неприятностях с цензурой. Значит, Курсинский узнал о них позднее. Однако разрешение на выпуск *Полутеней* было выдано еще 28 июля. Остается предположить, что цензурный комитет оговорил определенные условия, которые не устроили автора. Возможно, что они были связаны с поэмой Т. Мура «Любовь ангелов» (о настороженном отношении русской цензуры к этой поэме см. статью М. П. Алексеева «Томас Мур и русские поэты XIX в.» — *ЛН*. Т. 91). Претензии цензуры стали известны Курсинскому, когда он вернулся в Москву. В «Ежедневниках» С. А. Толстой *(ГМТ)* запись от 17 августа 1895 г.: «Миша, Курсинский и я уехали в Москву». 19 августа Брюсов отметил в дневнике: «Вчера утром ругательный разговор с Мэри, а вечером приехал Курсинский...» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.13/2. Л. 15об.). Очевидно, в четверг, 17 августа, Курсинский был в цензуре, тогда же написал Брюсову письмо, назначил ему свидание в субботу, 19 августа, но, находясь в сильном возбуждении, отправился к другу на день раньше, чтобы посоветоваться о судьбе сборника.

[1] См. п. 12, прим. 10.
[2] В отличие от Брюсова Курсинский относился к творчеству А. М. Добролюбова резко отрицательно.
[3] За Бутырской заставой родители Курсинского имели собственный дом.

16. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Москва.⟩ 25. VIII. ⟨18⟩95 г.

Друг мой!

Фриче в Москве — был у меня [1]. Соловьева пришлю дня через два. Chefs d'oeuvre'ами недоволен [2]. «Глубокое уважение» в надписи на экземпляре относится к г. Т⟨анееву⟩, как автору «Орестеи» [3]. Писать некогда.

Твой Валерий Брюсов.

P. S. Читаю «В чем моя вера» — восхищаюсь и пишу возражения [4], конечно, исключительно для себя лично.

[1] В дневнике Брюсова помета: «24 , четверг. У меня Фриче» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.13/2. Л. 16об.)

[2] 17 декабря 1895 г. Брюсов записал в дневнике: «Выпустил я "Chefs d'oeuvre" — но, будучи болен, написал хуже, чем мог бы, будучи беден, напечатал хуже, чем хотел бы. От книги отшатнулись все, даже друзья мои. Горько...» (*Дневники*. С. 23).

[3] Имеется в виду Сергей Иванович *Танеев* (1856—1915), гостивший летом 1895 г. в Ясной Поляне до 27 августа. Оперу «Орестея» по мотивам трилогии Эсхила Танеев написал в 1894 г. Впервые она исполнялась на сцене Мариинского театра 17 октября 1895 г. Курсинский ездил на премьеру в Петербург вместе с семьей Л. Н. Толстого (см.: *Толстая С. А*. Письма к Л. Н. Толстому. М.; Л.: Academia, 1936. С. 621). Экземпляр «Шедевров» с надписью Танееву неизвестен.

[4] 19 августа 1895 г. Брюсов отметил в дневнике: «Влияние Толстого (у детей которого Курсинский репетитор) сказывается на нем все яснее. Взял у него читать "В чем моя вера". Обещал он и "Царствие божие внутри вас есть"» (*Дневники*. С. 21—22). Никаких «возражений» Брюсова на трактат Толстого в его архиве обнаружить не удалось. 17 сентября 1895 г. он писал о работе Толстого В. К. Станюковичу: «Некоторые места восхищали меня, между прочим, как филолога. Впрочем, миросозерцание мое как раз противоположно идеям Толстого, так что все восхищения мои чисто платонические» (*ЛН*. Т. 85. С. 737). Об отношении молодого Брюсова к Толстому см. статьи С. И. Гиндина: «Становление брюсовского отношения к Толстому» (Брюсов и литература конца XIX—XX века. Ставрополь, 1979) и «Эстетика Льва Толстого в восприятии и эстетическом самоопределении молодого Брюсова (по рукописям книги "О искусстве")» (Записки отдела рукописей ⟨*ГБЛ*⟩. М.: Книжная палата, 1987. Вып. 46).

17. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Москва.⟩ 5 сент⟨ября 18⟩ 95 г.

Друг мой!

У Фриче возникла мысль устроить литературный вечер в память Виктора Гюго [1]. Не примешь ли Ты участие. Вообще не зайдешь ли ко мне. Обещал Ты быть у меня в воскресенье, но я ждал Тебя напрасно. Заезжай в тот четверг — будет Фриче, Шулятиков [2], Коган...

Твой Валерий Брюсов,

столь жестоко осмеянный Бурениным [3].

К 1 сентября 1895 г. Курсинский вернулся в Москву, продолжая заниматься с М. Л. Толстым и систематически бывая в доме Толстого в Хамовниках.

[1] В Кружке любителей западноевропейской литературы не только читались и обсуждались рефераты, но изредка устраивались и литературные вечера. Так, например, 7 апреля 1894 г. на квартире В. Ф. Долгинцева состоялся литературный вечер по случаю 70-летия со дня смерти Байрона с приглашением артистов Малого театра К. В. Корсака, Ф. А. Ухова, Н. Р. Таировой (*ГБЛ*. Ф. 389, 1.12. Л. 8). Такой же вечер должен был состояться и в память В. Гюго. Но Брюсов вынужден был отказаться от участия в нем. 10 сентября 1895 г. он записывает в дневнике: «Вчерашняя история с Коганом, который прямо заявил, что с людьми, пишущими то, что пишу я, не подобает быть знакомыми — расстроила меня окончательно ⟨...⟩ вчера же все мои друзья, кроме Фриче, выказали себя очень дурно. Между прочим, мне пришлось отказаться от участия в вечере в память Гюго. Все скверно ⟨...⟩ Во всяком случае сейчас я не отказался бы умереть...» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.13/2. Л. 17об.) На другой день он делает новую запись: «Фриче уговаривает все-таки участвовать в вечере в память Гюго» (Там же. Л. 18).

[2] О В. М. Шулятикове см.: наст. кн., Письма к Самыгину, п. 35, прим. 8.

[3] Имеется в виду статья Виктора Петровича *Буренина* (1841—1926) — поэта и публициста — «Литературное юродство и кликушество», напечатанная 1 сентября 1895 г. в «Новом времени». Она была одной из многих критических статей, направленных против сб. «Шедевры». Брюсов готовил большую полемическую статью в защиту своей первой книги. В этой неопубликованной статье он писал, в частности, о газетных «зоилах»: «...начинаешь отдавать предпочтение Буренину, который хоть и в сумасшедший дом меня посылает и "Chefs d'oeuvre" с „Записками сумасшедшего" сравнивает и тоже выписывает обрывки, не говоря о том, но делает все это хоть остроумно!» (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.2. Л. 18 об.).

18. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Москва.⟩ 24-го ⟨18⟩95 г., сент⟨ябрь⟩.

Друг мой!

Если Тебе случится быть у г. Облеухова [1], передай ему мое извинение (ибо я весьма занят рефератом Шварцу [2] и поэзией 1895 года и не могу исполнить своего обещания — вскоре заглянуть к ним) и передай еще, пожалуйста, что в

этот четверг я не могу поджидать к себе своих знакомых и друзей [3] (ибо на четверг назначено в суде пресловутое дело о нашем наследстве [4]; прошлый раз оно затянулось до 10 часов вечера, а теперь кроме свидетельских показаний будут еще речи Урусова и Плеваки) [5]. Закончи все это тем, что я надеюсь увидать у себя г. Облеухова (может быть с его братом?) [6] в четверг на будущей неделе. За сообщение, конечно, буду Тебе бесконечно благодарен.

В заключение уповаю, что в тот четверг посетишь меня и Ты. (Впрочем, вероятно, мы еще встретимся раньше в университете).

Безобразный слог письма великодушно извини

Твоему Валерию Брюсову.

Письмо послано в Хамовнический переулок, в дом Толстого.

Н. Д. ОБЛЕУХОВ

Фотография Ю. Штейнберга. Петербург, 1897. С дарственной надписью: «Дорогому Валерию Яковлевичу на память от Н. Облеухова 1897 16 ноября»

Литературный музей, Москва

[1] Антон Дмитриевич *Облеухов* — поэт и переводчик. 29 сентября 1895 г. Брюсов записал в дневнике: «Познакомился с Облеуховым, поэтом из "Русского обозрения", переводчиком Мюссе. Был у него, видел его сестру, предмет любви Бальмонта. В четверг он, т. е. Облеухов, был у меня» (*Дневники*. С. 22).

[2] Александр Николаевич *Шварц* (1848—1915) — профессор университета по кафедре классической филологии, впоследствии министр просвещения.

[3] Друзья Брюсова собирались у него по четвергам, а позднее по средам.

[4] Речь идет о наследстве, оставленном дедом поэта Козьмой Андреевичем *Брюсовым*, скончавшимся в июле 1893 г. от воспаления почек. По свидетельству лечивших его врачей, в последние дни перед смертью он находился в коматозном состоянии. Благодаря хлопотам проживавшей с ним внучки, Марии Александровны *Губкиной*, было составлено духовное завещание, которое больной даже не смог подписать. За него это сделал священник из ближней церкви, в пользу которой отходило 6000 рублей. Я. К. Брюсов опротестовал законность завещания и потребовал выделения причитающейся ему и его пятерым детям доли наследства в сумме 228 150 рублей (см.: Материалы по делу о наследстве Козьмы Андреевича Брюсова // *ГБЛ*. Ф. 386. 140.32. Л. 1,2). Этот процесс был выигран Я. К. Брюсовым.

[5] Александр Иванович *Урусов* (1843—1900) и Федор Никифорович *Плевако* (1842—1909) — известные московские адвокаты и судебные ораторы. Сохранилось письмо А. И. Урусова к Я. К. Брюсову от 13 января 1895 г., относящееся к судебному процессу последнего (*ГБЛ*. Ф. 386, 156.56).

[6] О Н. Д. Облеухове см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 15, прим. 2.

19. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Москва.⟩ 20.10 ⟨18⟩95 г.

Друг мой!

У меня уже давно лежат Твои две книги: Галахов [1] и Порфирьев [2], но переселить их к Тебе мне решительно нет возможности. Думал я, что Ты будешь у меня в четверг. Не найдешь ли Ты удобным отправиться со мной к Облеуховым? [3] Не свободен ли Ты завтра (то есть в субботу) или в воскресенье вечером? Если завтра, то заезжай ко мне от 3 до 5; мы посидим, а потом поедем вместе. Если же в воскресенье, то напиши мне, и я, наоборот, где-нибудь перехвачу Тебя, потому что от Тебя ближе к Облеуховым.

Твой Валерий Брюсов.

Письмо послано в Хамовнический переулок, в дом Толстого.

[1] Алексей Дмитриевич *Галахов* (1807—1892) — русский историк литературы, писатель, автор книги «История русской словесности древней и новой» (М.: Изд. В. В. Думнова, 1894), которой Брюсов пользовался при работе над «Русской поэзией 1895 г.».

[2] Иван Яковлевич *Порфирьев* (1823—1890) — историк русской литературы, профессор Казанской духовной академии, автор книги «История русской словесности» (СПб.: Универс. тип., 1882).

[3] Брюсов посетил Облеуховых 25 октября 1895 г., в среду (см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 1.13/2. Л. 21).

20. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 12 декабря 1895 г.

Дорогой мой!

Завтра выходят «Полутени». Не зайдешь ли ты половина первого в университет и не принесешь ли мне список адресов редакций пр.[1] Затем, я надеюсь, ты поможешь мне распределить книги по магазинам и прочее. Жду в университете до часу.

Твой А. Курсинский

P. S. Книжка вышла очень изящной.

[1] Брюсов уже рассылал ранее свои книги для отзывов. На последней странице записной книжки «Мои стихи» (*ГБЛ*. Ф. 386, 14.5/7. Л. 35) имеется список адресов редакций журналов и газет, который, возможно, и был сообщен Курсинскому.

21. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Москва, 25 января 1896 г.⟩

Друг мой! Адрес я Твой по обыкновению позабыл [1], а книжку Твою отдал Лангу. Боюсь, что мое письмо, посланное по «догаданному» адресу [2], не дойдет, а содержание его (не адреса) было приблизительно таково:

О, «бессменный жрец печали»! [3] Радостно сообщаю Тебе, что я воскрес [4] и вновь «внимаю в полдень птичкам голосистым» [5]. Жажду увидеть людей безумно, ибо три недели жил я «вдали от блеска дня, вдали от шума» [6], среди теней. По вечерам, а особенно по четвергам, мои двери и мои объятия широко открыты для моих друзей. Бедного друга

Не покинь, утешь, обмани...

Это из г-жи Гиппиус [7].

Immer * Твой Валерий Брюсов.

Дано в 1896 году.

Письмо датируется по почт. шт.

[1] На конверте адрес: «Дом Л. Н. Толстого в Хамовническом переулке, для передачи Курсинскому».

[2] 24 января 1896 г. Брюсов отправил письмо Курсинскому, снимавшему квартиру на Знаменке в доме Сергеева. Номер этой квартиры в адресе был указан предположительно (7 или 9). Вопреки опасениям адресанта, письмо дошло (в настоящую публикацию не включается из-за идентичности содержания с п. 21).

[3] Обращение взято из второй строфы стих. Курсинского «Я из тех, кому гоненье...» (*Полутени*):

Я несменный жрец печали,
Что всегда в борьбе с собою,
Примирил в одном начале
Добродетель с волей злою.

[4] С 3 по 12 января 1896 г. Брюсов лежал в клинике в Варсанофьевском переулке с тяжелым приступом ревматизма (см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 4 и 5). Во время болезни он записал в дневнике: «Как будто мне лучше. Начал писать стихи — и это много значит. Но... О, как это ужасно, сознаю и чувствую, что мои стихи слабее прежних, воображение мое становится все более и более бессильным, скоро мне придется уступать перед Курсинским» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.14/1. Л. 4об.).

* Всегда (*нем.*).

[5] Цитируется стих. Бальмонта «Последняя мысль Прометея» *(В безбрежности)*.
[6] Начальный стих указанного выше стихотворения Бальмонта.
[7] Неточная цитата их стих. З. Гиппиус «Посвящение» (*СВ*. 1895. № 3).

22. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Москва.⟩ 1896, февраль. Числа не было [1].

Друг мой!

Прости, что запоздал исполнением обещания и что пишу скверными чернилами. Быть у Тебя, право, не могу,— после мало-мальски длинных путешествий хвораю целый день [2]. Если же Ты заглянешь ко мне в четверг, буду несказанно рад.

Твой Валерий Брюсов.

P. S. Угадай, чьи это стихи:

Крепкий, чудный, бесконечный,
Полн хвалы, преславный весь,—
Боже! Ты един, превечный,
Сый * Господь вчера и днесь:
Непостижный, неизменный,
Совершенств пресовершенный,—
Неприступно окружен
Сам величества лучами,
И огньпальных слуг зарями
Многоцветно освещен! [3]

На конверте помета адресата: «Получено 13 февраля». Письмо начинается стихотворением «Тайны ночи побелели», написанным 12 февраля 1896 г. Текст стихотворения отличается от печатного (I, 127) небольшими разночтениями.

[1] Перекличка с «Записками сумасшедшего» Н. В. Гоголя: с записью Поприщина «День был без числа».
[2] Последствия приступа ревматизма.
[3] Приведено с заменой последнего стиха начало оды В. К. Тредиаковского «Парафразис на псалом 143». В связи с полемикой о ямбе и хорее одновременно с Тредиаковским стихотворное переложение этого же псалма сделали Ломоносов и Сумароков. Все три оды были опубликованы в одной брошюре, изданной Академией наук в 1744 г., без указания авторов переложений.

23. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Москва.⟩ 28.4.⟨18⟩96 г.

Полудруг [1] мой!

Не найдешь ли Ты возможным доставить мне Бушора [2] — он мне нужен для статьи о символизме [3]. Если, однако, Ты занят, то, пожалуйста, не отымай у себя времени: мне можно обойтись и без Бушора.

Посылаю тысячи приветствий всем общим знакомым.

Все тот же Валерий Брюсов.

[1] Свой сб. «Шедевры» Брюсов подарил Курсинскому с надписью: «Автору "Полутеней", полупоэту и полудругу» (*Письма к Перцову*. С. 73). Ср.: *Тетради*, п. 43, прим. 5.
[2] По всей видимости, речь идет о книге французского поэта Мориса *Бушора* (1855—1929) «Les symboles» (Париж, 1888). Брюсов переводил Бушора (см., например, неопубликованный перевод стих. «Та роза, что ты мне дала...» — *ГБЛ*. Ф. 386, 14.5/5. Л. 14).
[3] В феврале 1896 г. Брюсов работал над статьей «Апология символизма» (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.4. Л. 5—23об., 30—38об.), в которой оспаривал теорию литературных школ французского историка Фердинанда *Брюнетьера* (1849—1906). В этой статье упоминается и Бушор (Там же. Л. 5). О статье см. также наст. кн., Письма Ноздрина, п. 4, прим. 13.

24. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

Ясная Поляна. 8 июня ⟨18⟩96 г.

Дорогой Валерий!

Ты опять пропал и не даешь о себе никаких известий. Я сильно беспокоюсь, что ты не получил моего письма, в котором, посылая тебе два очень неважных стихотворения, я извещал тебя о своем отъезде из Москвы и просил приехать на вокзал [1]. Если стихотворения пропали, то их жалеть не стоит, а спешу уведо-

* Сущий (*церк.-слав.*).

мить тебя, что я живу в Ясной Поляне, где веду наполовину животный образ жизни, а отчасти читаю скучнейшего и отвратительнейшего из писателей, коему имя Rabelais. Ни с чем лучше не могу сравнить своего теперешнего состояния, как с твоим в начале прошлого лета. Не пишу стихов (кроме одного стихотворения, написанного по заказу), но делаю наброски по теории символики, в которых излагаю мысли, явившиеся мне при чтении статьи Толстого «Что есть и что не есть искусство» (она еще не напечатана) [2]. Перечитываю Эдгара По и даю уроки. В общем, в голове кавардак, в сердце какой-то неясный минус и тоска, тоска! Кстати! Известен ли тебе перевод «Вóрона», сделанный Оболенским [3] (Оболенский — «Поэмы», 1887, СПб.) в 1879 году? В общем он очень похож на перевод Андреевского [4], сделан тем же «мцыревским» размером, но есть в нем недурные места, например:

А ворон был, как ночь, угрюм,
Как будто полный мрачных дум,
И так торжественно молчал,
Как будто слов, что он сказал,
Довольно было для того,
Чтоб душу выразить его.

В общем, конечно, ни малейшей критики не выдерживает. Never more * — переведено «возврата нет!» Что не всегда вяжется с содержанием всей строфы. Но знаменателен тот факт, что поэт, пишущий собственные поэмы в таком духе, как:

У вас и школа! Очень рад.
И что ж? Успешно просвещенье
Нуждой замученных ребят? [5]

такой поэт переводит Эдгара По!!!

Пишу понемногу поэму, но... Друг мой, разгони, если можешь, мой «раскаленный сплин», по крайней мере, пришли мне стихов, и я буду благодарен... Ничего не могу больше тебе написать и поэтому до свиданья.

Твой А. Курсинский

[1] В архиве Брюсова этого письма нет. Курсинский уехал из Москвы в Ясную Поляну 29 мая 1896 г.

[2] Статья Толстого «Что есть и что не есть искусство и о том, когда искусство есть дело важное и когда оно есть дело пустое» писалась в 1889—1890 гг. Опубл.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 30.

[3] Леонид Егорович *Оболенский* (1845—1906) писал, кроме стихов, беллетристические произведения, критико-публицистические и философские статьи, издавал журналы «Мысль» (1882) и «Русское богатство» (1892). «Вóрон» в переводе Оболенского был опубликован с подписью Л. О. в журнале «Свет» (1879. № 11), а затем включен в его книгу «Последние поэмы. Не вошедшие в первый том» (СПб.: Типолит. Месника и Римана, 1887).

[4] Сергей Аркадьевич *Андреевский* (1847—1919) — известный петербургский адвокат. Его перевод «Вóрона» появился сначала в «Вестнике Европы» (1878. № 3), а затем в исправленном виде вошел в единственный поэтический сборник Андреевского — «Стихотворения» (Пб.: Тип. А. Суворина, 1886).

В библиографической подборке, подготовленной для «Русской поэзии 1895 года», Брюсов так характеризует Андреевского: «Почему-то составил себе имя как сносный поэт. На самом деле он несносен, и его сборник стихов представляет грубо прозаические произведения. Переводы его прямо невероятны. Чтобы окончательно оценить его, скажу, что он очень немногим выше Величко» (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.3. Л. 54об.).

[5] Цитируется поэма «Отступник» из указанной выше книги Л. Оболенского (с. 71).

25. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Пятигорск.) 15 июня 1896 г.

Валерий Брюсов посылает Александру Курсинскому свой привет и пожелания всего хорошего.

Надеюсь, впрочем, что эти пожелания запоздали, что Твой раскаленный сплин прошел и что мое письмо застает Тебя в ликующем настроении.

* Никогда больше *(англ.)*.

Я совершил довольно мило путешествие — из Москвы через Харьков (мимо Козловки-Засеки) [1] в Севастополь, оттуда по Черному морю мимо Ялты, Керчи и Анапы в Новороссийск и далее по железной дороге в Пятигорск.

В первой половине пути познакомился с юной девицей без части щеки [2] (вероятно, ей делали какую-нибудь операцию). Если не считать этого оригинального недостатка, она была очень миленькой, и дорогу до Севастополя я провел очень романтично. Были у девицы братья [3] — люди очень покладистые, но я напугал их, рекомендовавшись анархистом и постоянно болтая о клубах анархистов в Париже, Лиссабоне и Москве.

Проехали мы с моей девицей по Малороссии, через море Сиваш, сквозь тоннели (длинные и темные и тайные) и мимо разных пещерных монастырей. Прощаясь со мной, романтическая барышня без щеки всплакнула, а я написал ей стихотворение (в обмен на лепесток розы, данной мне «на память»).

Лепесток оцветающей розы
Не символ ласкающей встречи:
Прекрасны минутные грезы,
Едва прозвучавшие речи.
Отуманены тайной печалью
Припомнятся эти мгновенья,
Как будто за белой вуалью
Сверкающий взор откровенья [4].

Вступил я на пароход все еще в романтическом настроении и тотчас начал объясняться в любви другой девице, еще более юной. К сожалению, она покинула меня в Ялте, назначив, однако, свидание в сентябре этого года во второй четверг в Нарве у здания женской гимназии, в 9 часов утра. Первую девицу звали София, вторую Мария — они рифмуются.

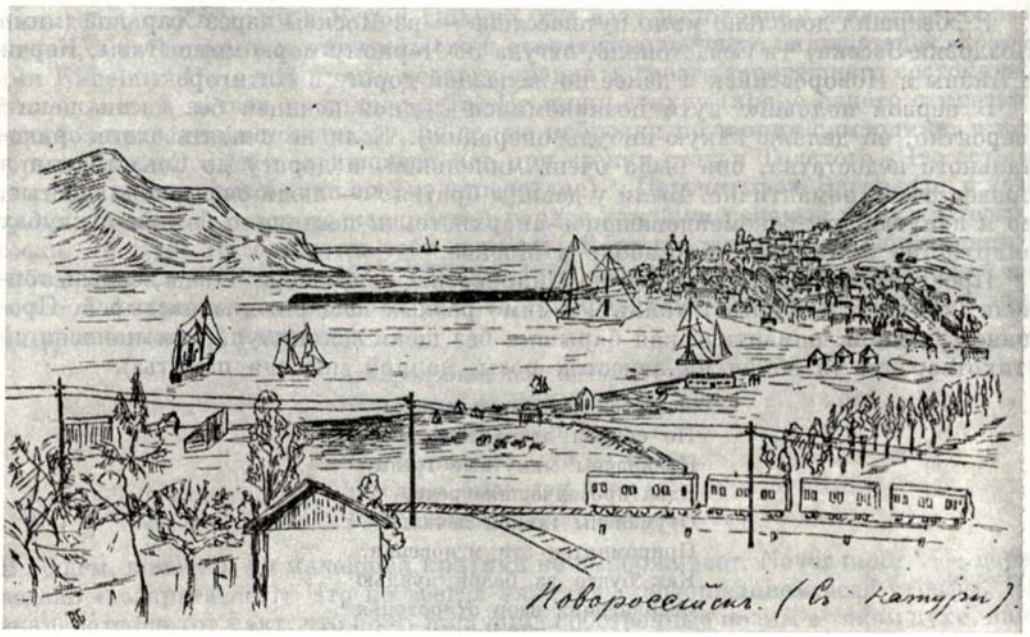
Видел я море и горы. И то и другое произвело самое слабое впечатление [5]. Только впоследствии, пользуясь стоянкой в Ялте и совершая прогулку в Ореанду [6], я несколько заинтересовался, смотря *с высоты* на игрушечное море и игрушечные кораблики. Попривыкнув немного, я получил способность любоваться панорамою берега Крыма, но все же не понимаю Пушкина

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
etc [7].

В Керчи на пароход сели две девочки и их брат гимназист. Я заманил их на свое любимое место — на корму, где свернут канат,— и начал рассказывать им греческие мифы. Рассказывая я совсем увлекся, рассказал Фаэтона, Медею, Тезея, Аргонавтов, всю «Иллиаду» и всю «Одиссею». Начал было рассказ об Энее, но настала полночь, и мы приехали в Анапу, где моим маленьким незнакомкам пришлось сойти на берег. Море было бурное, трап качался, Анапа горела огнями во мраке и горы закрывали половину горизонта. Я стоял у борта и слушал, как старшая девочка (лет 13) рассказывала по-французски своей матери о странном студенте [8].

Утром, на пятый день своего путешествия, я проснулся в Новороссийске, городе, которому предстоит великая будущность: он должен стать выше Одессы! — Вид на город считается прекрасным — расположен он на горе, домики беленькие с красными крышами, везде зелень и, как заключение картины, зеркальное море. Я *десять* часов любовался этим видом, поджидая поезд, и проклял *их* (т. е. и вид и поезд).

Начался «Кавказ». Везде вокруг бугорки, носящие громкие имена — Змеиная гора, Машук, Бештау — Как! Это Бештау! Да это холмик какой-то! Обидевшийся туземец сплюнет и спросит: — А как вы думаете, сколько теперь до него верст? — Сколько? ну, может, верста, минут десять ходьбы.— Если к вечеру дойдете (разговор происх⟨одит⟩ в два часа дня) — можете считаться хорошим ходоком. Несмотря на это, я все же горами неудовлетворен. Лучше всего



НОВОРОССИЙСК
Рисунок В. Я. Брюсова. Карандаш
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

снежная цепь с Эльборусом посредине, которая видна в ясные дни из Пятигорска. В ней есть хоть что-нибудь, напоминающее картинки гор.

Затем до свидания. Пересказал я, конечно, одну десятую впечатлений, но трудно все упомнить, да и Тебе надоело бы. Прилагаю одно стихотворение из будущего сборника Me eum esse (Это — я) [9]. С понятным нетерпением ожидаю писем.

Твой Валерий Брюсов

Адрес: Пятигорск — до востребования.

[1] Железнодорожная станция Козловка-Засека, ныне — Ясная Поляна.

[2] Речь идет о Софье Георгиевне (Юрьевне) *Судейкиной*, в замужестве Дриттенпрейс (см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 14.5/6. Л. 20об., а также I, 584).

[3] Один из них, Сергей Юрьевич *Судейкин* (1882—1946), впоследствии живописец, график, театральный художник, близкий кругу «Мира искусства».

[4] Публикуемый текст имеет с печатным (I, 113) разночтения в последнем стихе.

[5] Об этом же Брюсов писал П. П. Перцову (19 июля 1896 г.), В. К. Станюковичу (22 июня) и А. А. Лангу (13 июня). Разочарование в природе было отчасти наигранным (см.: *Брюсов В*. Детские и юношеские воспоминания // Новый мир. 1926. № 12. С. 118). Любопытно, что в письме к Лангу, с которым Брюсов держался наиболее естественно, акценты несколько смещены: «Ялтинские горы показались мне тоже недостаточно высокими; правда, облака за них цепляются, но они ниже снеговой линии. Другое дело — море: когда на него смотришь с высоты, оно производит впечатление, особенно благодаря пароходам, которые кажутся игрушечными. Еще лучше была картина, когда мы отъезжали. Ночь, луна и Ялта, горящая огоньками. Я сидел на палубе долго-долго, видел во тьме Гурзуф (Аю-Даг) да так на палубе и заснул» (*ГБЛ*. Ф. 386, 71.46. Л. 8).

[6] Более подробно эта поездка описана в письме к Лангу 13 июня 1896 г. (Там же. Л. 6).

[7] Цитируются строки из «Путешествия Онегина».

[8] Рассказ об этом эпизоде см. также в письме к родным (*ГБЛ*. Ф. 386, 142.4. Л. 38).

[9] Приложено стих. «Я действительности нашей не вижу...», озаглавленное в письме «Пятая прелюдия». Текст его совпадает с печатным (I, 100). В качестве эпиграфа в письме приводится запись нот с пометой: «А. Т. С. 11». (Фотокопия записи опубл. в кн.: Русская литература и Кавказ. Ставрополь, 1974. С. 72). По-видимому, «А. Т. С.» — описка, так как, очевидно, имелся в виду Александр Николаевич Скрябин. В 1888—1896 гг. он написал 24 прелюда (opus 11), куда включен прелюд № 5 в тональности D-dur, которая намечена Брюсовым и в нотной строке эпиграфа.

26. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

Ясная Поляна. 23 июня ⟨1896 г.⟩

Александр Курсинский шлет привет Валерию Брюсову и негодует...

Негодую я, друг мой, на тебя за то, что, проезжая через Козловку-Засеку, не подарил ты мне, хоть два-три часа, мало того, даже как будто избегал встречи со мной и не предупредил заблаговременно о проезде. Эта встреча хоть несколько оживила бы, вспрыснула меня. Хотя тебе и трудно будет, попирая своею ногою землю, священную для поэта, представить мое теперешнее существование, но попытайся это сделать и убедись, что я имею право требовать от друзей моих участия и внимания. Друг мой, я отрезан от всего мира. Но это было бы полбеды, если бы я имел хоть убежище, куда мог бы скрыться со своими мыслями, образами и мечтами. Нет, не тут-то было! Я занимаю низ дома, в котором наверху живет Танеев и его ученик [1], который готовится ко вступительному экзамену в консерваторию. Они начинают с 8 утра и кончают в 12 ночи! Иногда мне является охота раскрыть окна и завыть под их аккомпанемент. Мало того: сажень 10 от дома через сад есть флигель и довольно явственно долетают оттуда звуки третьего виртуоза [2]. Если я пойду по аллее сада в противоположном направлении (а в теперешнюю слякоть дальше сада и уйти некуда) — натыкаюсь на четвертого пианиста, который гремит в барском доме [3]. Прибавь к этому гармонию на кухне и гармонию на конюшне и ты поймешь, в каком аде звуков я вращаюсь. Это общий фон, который изменяется только во время стола. Тогда я имею счастие слушать споры вегетарианцев и мясоедов, проповеди любви и воздержания. Хорошо, если говорит еще сам Толстой, его всегда слушаешь с интересом. Но если вдруг подсядет к тебе какой-нибудь из его апостолов в грязной блузе с немытыми руками и черными ногами, так что не различишь, босой он или в сапогах,— и начнет изливать мысли Толстого, проведя их первоначально через горнило собственного тупоумия, горе тебе несчастному! И заметь, что такие господа очень охотно поднимают вопросы об эстетике и искусстве!

Пробовал я здесь одно время, не имея возможности работать, зажить чисто животною жизнью, т. е. посвятить все время физическим упражнениям, еде и сну. Но это предприятие кончилось скверно. Один раз при проезде на велосипеде по шоссе, какой-то пьяный приказчик едва не сбросил меня с машины, другой раз седовласый почтенный крестьянин позабавился тем, что натравил на меня огромного пса, вследствие чего я полетел и вот уже неделю хожу с повязками на глазу, на локте и на ноге. Теперь все почти время лежу в своей комнате и читаю Вал. Скотта, т. к. моему ученику задали на эту тему сочинение. Он себе и в ус не дует, а я изволь читать скучнейший том, немного меньше макаровского большого словаря [4].

Впрочем, я летом успел кое-что сделать; *стихотворений не написал ни одного*, но написал поэму в 300 стихов [5] и выработал полный подробный план «Хмурого неба» [6], вернее сказать, дождался полного выяснения романа. Теперь я вижу всю вещь перед собою, как какой-нибудь недавно прочитанный роман Тургенева. И, не отступая от выработанного плана, написал пока первые 3 главы. Думаю, что на этом и остановлюсь.

Друг мой! Когда ты будешь возвращаться в Москву, заезжай ко мне. Теперь жму твою руку и жду от тебя известий.

А. Курсинский.

Сообщи, как идет твоя «История лирики» [7] и «Me eum esse» [8].

[1] С. И. Танеев летом 1893 г. гостил в Ясной Поляне с 19 мая по 2 августа и занимал так называемый «Флигель Кузминских». Как вспоминает А. Б. Гольденвейзер, «с ним жил его, тогда еще совсем юный ученик Ю. Н. Померанцев» (*Гольденвейзер А. Б.* Вблизи Толстого. М., 1959. С. 40). «Обыкновенный распорядок дня был таков: Сергей Иванович утром вставал рано (в 5, 6 или 7 часов) и работал в своей комнате (во флигеле) часов до 12-ти: или сочинял или упражнялся на фортепьяно. В 12 часов шли купаться, большей частью большой компанией. После обеда играли в лаун-теннис или отправлялись на большую прогулку. В эти же часы происходили занятия Сергея Ивановича итальянским языком с Татьяной Львовной, Марией Львовной и учителем сыновей Льва Николаевича — Александром Анто-

новичем Курсинским» (С. П. М. Из «Дневников» С. И. Танеева. Дневник за 1896 год // История русской музыки в исследованиях и материалах. М., 1924. Т. 1. С. 194). 9 июля 1896 г. на слова стихотворения Курсинского «Отрадно здесь в саду тенистом...» Танеевым была написана серенада для голоса, мандолины и фортепьяно. При ее первом исполнении в Ясной Поляне партию мандолины вела Т. Л. Толстая (см.: *ЦГАЛИ*. Ф. 2743. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 66—69).

[2] Возможно, имеется в виду А. Б. Гольденвейзер. В статье «Из моих воспоминаний» он сообщает: «Я с Толстыми познакомился в 1896 г., летом 1896 и 1897 гг. бывал в Ясной Поляне и проводил там много времени с Сергеем Ивановичем как в музыкальном общении, так и в совместных прогулках и беседах. Мы неоднократно играли с ним Льву Николаевичу: исполняли фортепианные концерты, аккомпанируя друг другу, играли переложения для двух фортепиано различных произведений и, наконец, произведения специально для двух фортепиано» (С. И. Танеев. Материалы и документы. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. С. 306).

[3] Летом 1896 г. в Ясную Поляну приезжал К. Н. Игумнов и другие музыканты. Л. Н. Толстой отметил в дневнике за 19 июля 1896 г.: «Вчера переглядывал романы, повести и стихи Фета. Вспомнил нашу в Ясной Поляне неумолкаемую в 4 фортепьяно музыку, и так ясно стало, что все это: и романы, и стихи, и музыка не искусство, как нечто важное и нужное людям вообще, а баловство грабителей, паразитов, ничего не имеющее общего с жизнью» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 53. С. 101). В заметке «Из воспоминаний о Л. Н. Толстом» Курсинский рассказывает: «Служители муз — частые и желанные гости в Ясной Поляне. В то лето 1895 г., к которому относятся настоящие воспоминания, в Ясной Поляне гостил профессор Консерватории С. И. Т-еев. Редкий вечер обходился без музыкального исполнения. При всей строгости своих теоретических построений (книга об искусстве создавалась как раз в эту пору) Лев Николаевич никогда в реальной жизни не мог убить в себе художника, чуткого в высшей степени к музыкальным откровениям тех композиторов, которым произносил жестокий приговор в суровом уединении своего кабинета (Курьер. 1903. № 181. 28 авг.).

[4] «Полный французско-русский словарь» или «Полный русско-французский словарь», составленные Н. П. Макаровым и выдержавшие много изданий.

[5] Поэма «На развалинах», вошедшая в сб. Курсинского «Стихи».

[6] Роман «Хмурое небо» Курсинский, по-видимому, не закончил. Текст романа нам не известен.

[7] Об этой работе см.: *Неосуществленный замысел*.

[8] Хронология работы Брюсова над этим сборником прослежена в статье В. С. Дронова «К творческой истории “Me eum esse”» *(Чтения 1971)*.

27. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

29 июня 1896 г. Пятигорск
Valerius dixit ave *

Я прошу у Тебя, дорогой Александр Антонович, тысячу извинений, но... заехать к Тебе по дороге мне было невозможно, совершенно невозможно.

Затем прошу позволения писать письмо длинное: на чужбине я узнал, как сладостно получать письма, и сам стал разговорчивее в посланиях. Не помню точно, но думаю, что в прошлом письме я описал Тебе мое плаванье по Черному морю и все мои романтические приключения; теперь перехожу к здешней жизни.

Ты был прав, сказав, что я попираю ногой землю священную! Еще бы! Все время у меня перед глазами холм, который называется Машук, а на горизонте пригорок, который называется Бештау, «Бешту пирамидальный» [1]. Затем есть у нас «беседка эоловой арфы», где никакой эоловой арфы не имеется [2], есть пещера Дианы [3] — грязная каморка с надписью, что в таком-то году два итальянские путешественника взобрались на Килиманджаро (?) [2*], и есть «грот Лермонтова» [4]; сей последний загорожен решеткой, как клетка в зверинце, но сквозь прутья можно прочитать «стихотворение», высеченное на мраморной поставленной там доске. Стихотворение озаглавлено «Поэту М. Ю. Лермонтову» и подписано: «Мраморную доску поставил и стихи сочинил помещик Тульской губернии такой-то» [5]. Вот цитата:

...И ты (Лермонтов) тогда с звезды восточной
Сорвешь венец ее златой,
Возьмешь с цветов росы полночной
Ее (его?) усыпешь той росой,

* Валерий приветствует Тебя *(лат.)*.

[2*] Знак вопроса в скобках поставлен Брюсовым.

Лучом румяного заката
Свой (???) стан, как лентой, обовь*ешь*
Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напо*ишь* (!!) etc.

Над гротом приделана жестяная вывеска с надписью: «Грот Мих. Ю. Лермонтова».

Впрочем, эти места посещаются мало. Публика бродит по Среднему Цветнику, где весь день бренчит оркестр, а в особенно торжественных случаях путешествует к «Провалу» [6]. Эта страна тоже заслуживает описания.

Приехал в Пятигорск лечиться один московский купец [7] и требовал все позволения купаться не в ваннах, а прямо в источниках; ему, конечно, не позволили. Сердитый бродил он однажды по Машуку и вдруг увидал глубокую трещину; бросил камень — плеснулась вода. Тотчас призвал он своих приближенных и велел спустить себя в эту расщелину на веревках; там нашел подземное озеро, в котором и начал купаться. Так купался он все лето и выздоровел. Тогда на радостях приказал он пробить к озеру тоннель [8]. И пробили. Любопытный подземным ходом сажен в 10 длины попадает как бы на дно гигантской бутылки. Свет падает сверху, с высоты 20 саженей, и причудливо освещает изломы стен. У ног безжизненно лежит серное озеро, подернутое блестящим налетом и издающее одуряющий запах. В этом озере сначала многие купались, но потом это было воспрещено: озеро глубины неизмеримой; лот в 100 саженей не достает дна; кроме того, в некоторых местах есть подводные коридоры, уходящие бог весть куда; наконец, если вообще температура воды в озере не ниже 20° Реомюра, то там, где бьют ключи, она гораздо выше, и злополучный, попавший туда, рискует обвариться или свариться совершенно [9].

Впрочем, надо сознаться, ездят у нас к «Провалу» вовсе не затем, чтобы любоваться на озеро. Около тоннеля есть более сильный магнит — ресторан под вывеской «Буфет: кафе-провал». Сюда везет офицер (оных здесь неисчислимое множество) неосторожную дамочку, поит ее здешним кахетинским (пойло «отвратное») и потом ее, раскисшую, укрывает под сень каких-нибудь здешних номеров, им же имя легион. Так заканчивается Провал.

Однако есть у нас и более благородные развлечения,— есть опера [10], выпускающая афиши такого рода:

Аида Аида Аида
Дебют молодой (?) артистки.

(?) принадлежит, конечно, мне. Есть затем цирк *европейца Р. Сур* (так и пишется в его «экстренных объявлениях»), есть Эдем Театр, возвещающий:

«Дон-Карлос».

Совершенно невероятное представление по новой программе с участием известной шансонетной певицы Клары такой-то.

Да, много у нас есть и благородных развлечений.

Характеристика Пятигорска была бы уж слишком неполна, если б я не упомянул о Сабанеевских ваннах [11]. Ванны эти особенно сильные и прописываются самым отчаянным больным, например, разбитым параличом. Для удобства этих больных вода Сабанеевского источника не проведена в трубах в Пятигорск, а утилизируется на месте, т. е. на самом хребте Теплой Горы, куда ведет от Пятигорска крутая дорожка версты в три длиною. Почему-то в Сабанеевских ваннах никто не купается, но — надо отдать справедливость — служащие при них не бездействуют. За неимением пациентов человеческого рода они купают в своей воде раков. Вода столь насыщена серой, что раки за три часа покрываются как бы корой и делаются как каменные (полагаю, что они и умирают кстати). Этих раков служащие потом продают посетителям, а те везут их на родину в подарок друзьям и знакомым. Дорогой мой! Я привезу Тебе рака!

Но пора сказать и ⟨о⟩ самом себе. Живу я мирно, читаю, что могу найти в здешней библиотеке, и пишу без конца, особенно стихотворения. У меня есть уже

около 30 стихотворений, которые могут войти в «Me eum esse». По форме они блистают новшествами; так, в некоторых мужские рифмы рифмуются с женскими (ты скажешь, это невозможно. Я сам так думал, пока не написал). В других рифмуются не концы слов, а третьи слоги от конца; в третьих вместо рифм ассонансы; размера общепринятого нет нигде и т. д., и т. д.[12] Что касается содержания, то — каково бы оно ни было — стихотворения эти настолько не похожи на «Chefs d'oeuvre», что я сам готов назвать их произведениями другого автора. Нечто совершенно, совершенно иное.

Теперь о «Истории р⟨усской⟩ л⟨ирики⟩». Задача, которую я себе задал, все разрастается; когда кончу я — не говорю первый том, но — введение, и вообразить не могу. Попутно выползают новые и новые вопросы [13]. Думал ли Ты когда-нибудь, почему современному поэту легче овладеть техникой стиха, чем, например, поэту времен Державина? Ты скажешь, что теперь язык более обработан и есть много образцов. Так, но *что это значит*, в чем сущность этих общеизвестных слов? Почему Державин не умел сказать изящнее, чем

Сколь зим мы смерти на краю...[14]

Разве в его время не было известно, что родительный падеж ставится за тем словом, к которому относится? А ведь в наши дни такую перестановку допускает только В. Величко [15]. Неужели же весь недостаток Державина в том, что он меньше работал над формой, чем, например, Ап. Коринфский [16]. Конечно, нет! А ведь это лишь один из вопросов.

Ты пишешь, что вполне выработал план своего романа. Увы! увы! Сколько раз вырабатывал я планы своих. Еще незадолго до отъезда разработал я план исторического романа «*Октавия*» [17] с такими подробностями, что мог рассказать Лангам последовательно каждую главу... и, между тем, ни этого романа я не написал, ни другого не напишу,— долго, быть может, никогда. И вот почему: *у меня нет формы*. Я не могу писать так, как писал Тургенев, Мопассан, Толстой. Я считаю нашу форму романа рядом условностей, рядом разнообразных трафаретов. Мне смешно водить за ниточки своих марионеток, заставлять их делать различные движения, чтобы только читатели вывели из этого: а значит у него (у героя) вот какой характер.

«Владимир закрыл лицо руками... Но вдруг, быстро отняв руки, он сверкающим взглядом посмотрел на Лидию, застывшую в ожидании, рассмеялся нервным смехом и вышел из комнаты».

Нет, таких вещей, где каждое слово ложь, а каждое выражение трафарет,— я писать не могу. Подождем пока создастся новая форма.

Затем Ты написал поэму...[18] Это я еще менее понимаю. В романе хоть есть возможность обновления, поэмы же все безнадежно шаблонны, если только это не поэма в стиле Эдг. По или «Мертвых кораблей» [19]. Тогда она может быть прекрасной, но я бы не назвал ее «поэмой». То совершенно новый род, а поэма — это Байрон, это Мюссе...

Ах, кстати! Я прочел здесь Мюссе. Ну, что же за варвар наш Облеухов [20]. Если у Тебя есть возможность, сравни «Ночи» с подлинником, особенно Декабрьскую. Согласен, что поэзия Мюссе — наполовину риторика, на четверть остроcловие и на $^{9}/_{80}$ жалкая проза,— но у Облеухова пропала и $^{1}/_{80}$ поэзии, и вся красота риторики, и все блестящие mots [3*], которыми так любят щеголять французские поэты.

Однако передо мной последняя страница. Если это возможно, пришли мне, пожалуйста, отрывок из Твоей поэмы, но не из описательной части, а из той, где совершается какое-нибудь действие. Меня очень интересует.

Затем буду писать к Тебе всякий раз, как буду в расположении, не дожидаясь непременно Твоего письма; надеюсь, то же будешь делать и Ты. Сообщи мне затем, что знаешь о общих знакомых: Фриче, Бальмонте (не знаешь ли его адреса?),— ... больше никого нет?!

[3*] остроты *(франц.)*.

Что касается нашей встречи в Ясной Поляне, то я не надеюсь, что она состоится. Весьма вероятно, что я поеду домой через Баку, по Каспию, по Волге и на Нижний [21]. Но все это будет осенью, когда и до московской встречи будет недалеко.

Твой Valerius dixit vale [4*].

Адрес: Пятигорск. Теплосерная ул., дом Савельева [22].

[1] В «Путешествии Онегина» гора названа Пушкиным «Бешту остроконечный».

[2] Беседка «Эолова арфа» была построена итальянскими архитекторами братьями Иосифом и Джиованни Бернардацци в 1828 г. Рычажки, касавшиеся струн арфы, приводились в движение флюгером беседки, а не потоком воздуха, как обычно бывает в таких музыкальных устройствах (см.: *Бернштейн А.* Курорт Пятигорск. Ставрополь, 1968. С. 138).

[3] «Грот Дианы» — искусственная пещера в парке «Цветник», сооруженная братьями Бернардацци в 1831 г.

[4] «Грот Лермонтова» — пещера естественного происхождения возле Академической галереи.

[5] Доска была установлена тамбовским помещиком Ильей Алексеевым в 1870 г. Современный путеводитель сообщает, что «эта доска в течение многих лет красовалась в гроте и убрана оттуда только в советское время» (*Гребенкова А., Селегей П., Недумов С.* По лермонтовским местам. Ставрополь, 1952. С. 70, 71). В письме к родителям 25 июня 1896 г. Брюсов приводит иные сведения об авторе стихов: «Был в знаменитой беседке на Теплой Горе, откуда виден весь Пятигорск, был у грота Лермонтова, который оказался грязной пещерой с надписью в стихах, подписанной "доску соорудил и стихи сочинял помещик Тульской губернии Н. С. Бутиков"» (*ГБЛ*. Ф. 386, 142.4 Л. 48—48об.; см. также письмо к Лангу за это же число — *ГБЛ*. Ф. 386, 71.46. Л. 17об.).

[6] Первое посещение Брюсовым «Провала» состоялось 27 июня 1896 г. В этот день он писал матери: «Сегодня я путешествовал к "Провалу"... Дорога идет туда через Теплую Гору, сначала аллеей из белых акаций и уксусных деревьев — потом Горной кручей и, наконец, дальше по склону Машука» (*ГБЛ*. Ф. 386, 142.4. Л. 53).

[7] Имеется в виду московский почетный гражданин П. А. Лазарик.

[8] Торжественное открытие тоннеля состоялось 23 августа 1858 г.

[9] Температура воды в озере не превышает 42 градусов Цельсия.

[10] 15 июня 1896 г. пятигорская газета «Прибавление к Сезонному листку Кавказских минеральных вод» в списке лиц, взявших оперные абонементы, указывает: «Брюсов В. Я., студент из Москвы».

[11] Сабанеевские ванны (ныне «Народный источник») находятся на южном склоне горы Машук, на одном из отрогов, получивших название «Горячей горы».

[12] Работа по обогащению техники русского стиха, предпринятая Брюсовым, имела в то время новаторский характер. В феврале 1898 г. он писал в неопубликованной статье «К вопросу о стихосложении»: «Очень строго мы относимся к рифме; наши западные собратья гораздо смелее в этом отношении. Что такое рифма? Созвучие. Рифмуйте же всякие созвучные слова; есть даже особая красота в не совсем точной рифме. Нелепо делить рифмы на богатые и бедные. Всякая рифма хороша, если слово на месте в конце стиха, т. е. если оно имеет важное значение (потому что рифмой слово, так сказать, выдвигается) и если обычное словорасположение не противится этому. Если же слово насильно притянуто на конец стиха, то чем "богаче" рифма, тем это отвратительнее. Примеров таких "богатых" рифм много у Мея, а в наши дни у Величко и Лебедева. У нас гнушаются аллитерацией. "А почему спрошу?" Почему аллитерация должна быть хуже рифмы? Допускаю, что смешение рифмы и аллитерации некрасиво, но почему ⟨не⟩ писать стихов с аллитерациями вместо рифм? А это очень поразнообразит наши не очень-то богатые созвучия и ⟨вы⟩ведет поэтов из заколдованного круга "любовь", "вновь", "кровь" и "смерть", "твердь" ⟨...⟩ В моем сборнике "Me eum esse" есть несколько попыток писать стихи с аллитерациями. Я пробовал там также рифмовать мужскую рифму с женской» (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.14. Л. 22).

[13] См. п. 26, прим. 7.

[14] Неточная цитата из оды Державина «На смерть кн. Мещерского». Возможно, реминисценцией этого стиха стало стихотворение Брюсова «Сладко скользить по окраине бездны...» 1900 г. (I, 188).

[15] См. п. 1, прим. 2. О поэзии В. Л. Величко Брюсов намеревался написать весной 1895 г. большую статью, считая его антиподом новой поэтической волны («Никто дальше него не отстоит от символизма и вообще от современной поэзии»). В этой статье дана уничтожающая характеристика поэтического мастерства Величко. «Форма стихов у г. Величко ниже всякой критики — просто он не умеет писать стихов. С моей точки зрения, всякое содержание потеряет свою ценность, будучи изложено плохо и, следовательно, было бы лучше, если б г. Величко излагал то, что он хочет, в прозе...» (*ГБЛ*. Ф. 386, 2.20. Л. 2).

[16] В библиографических заметках, сделанных при работе над «Русской поэзией 1895 года», Брюсов так отозвался о творчестве Аполлона Аполлоновича *Коринфского* (1868—1936): «Скудное дарование, данное ему природой, распустил в сотнях скучных и quasi-народных

[4*] Валерий прощается с тобой *(лат.)*.

стихотворений» (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.3. Л. 59). Брюсовскую оценку творчества Величко и Коринфского см. также: *Письма к Перцову*. С. 53, 58, 67.

[17] Роман «Октавия» написан не был. Разработанный Брюсовым план обнаружить в его архиве не удалось.

[18] См. п. 26, прим. 5. 22 июня 1896 г. Брюсов писал Лангу: «С Курсинским я переписываюсь; он готовит теперь поэму, очень большую и претенциозную» (*ГБЛ*. Ф. 386, 71.46. Л. 16—16об.).

[19] «Мертвые корабли» — небольшая поэма К. Бальмонта (*Тишина*).

[20] А. Д. Облеухов (см. п. 18, прим. 1) перевел книгу Альфреда де Мюссе «Ночи» (М.: Печатня А. Снегиревой, 1895). О переводе Брюсов 13 октября 1895 г. сообщал также П. П. Перцову (*Письма к Перцову*. С. 45). 27 июня 1896 г. Брюсов написал в подражание А. де Мюссе стих. «Я помню в дни юности ранней...», оставшееся неопубликованным (см. письма Брюсова к Лангу — *ГБЛ*. Ф. 386, 71.46. Л. 19—20, а также «Мои стихи», № 6 — *ГБЛ*. Ф. 386, 14.5/6. Л. 25—26).

[21] План Брюсова вернуться в Москву по Волге не осуществился из-за недостатка средств. В письме к отцу Брюсов сетует: «Путешествие по Волге я уже отложил до будущих лет; только бы хватило прожить и вернуться» (*ГБЛ*. Ф. 386, 142.4. Л. 46об.).

[22] Ныне ул. Урицкого, дом 11.

28. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

Пятигорск. Теплосерная ул. д. Савельева. 1-го июля 1896 г.

О, посмотри поскорее, мой поэт, на этот позор, который называется памятником *поэту* Лермонтову! [1] В прошлом письме я забыл упомянуть о нем, но сей монумент достоин описания.

Фигура сидит на одной половинке своей задницы (грубое слово прости: виноват не я, а скульптор),— другая нога бессильно свисает вниз и еле упирается кончиком каблука в угол пьедестала. Подбородок поддерживается кулаком правой руки, но локоть этой руки не опирается ни на что, висит в воздухе; левая рука судорожно уцепилась за бумажник. Бедняк Лермонтов! В какой неудобнейшей позе выставлен он ⟨на⟩ показ нашей публике *.

Что касается выражения лица,— оно таково: скулы выдвинуты, зубы сдавлены, глаза выкатились и смотрят на облака. Голова, конечно, ничем не покрыта, но на тело надет греческий хитон, а поверх — мантия, взятая напрокат со статуи Барклай де Толли в Петербурге [2].

2-го июля

Письма кончить не пришлось, но зато могу рассказать еще об одной достопримечательности Пятигорска. Это — показываемый фонограф. Я уже не говорю о том, что он шипит и хрипит (так и должно быть в порядке вещей), но интересен текст его декламаций. Голос провинциального актера и такой текст:

...И кровь его течет. Последние мгновенья мелькают.
Близок час смерти. Вот луч воображенья...

Как Тебе нравится сей шестистопный ямб? Он не хуже того, который я сыскал вчера в «Сочинениях Голенищева-Кутузова».

Наверно счастие бы осенило нас (т. II, стр. 91) [3].

Знаешь, между прочим, причину помешательства Батюшкова (Ты им занимался когда-то?) — *Зависть к Пушкину*. Это я намерен доказывать в своей «Истории» [4]. Кстати, предисловие после больших трудов мною набросано. Перехожу ко второй главе, где доказываю, что тонический размер вовсе не идет русским стихам [5].

Может быть, я напишу здесь маленькую брошюрку под названием «Моим современникам» [6]. Содержание — давно задуманное мною: критика современ-

---

* Разговор, подслушанный в публике (два офицера):
— Чем же эта беседка интересна?
— Там висит (?) эолова арфа.
— Чья арфа? *(прим. Брюсова. Знак вопроса в скобках поставлен им же)*.

ных поэтов, но критика, старающаяся в каждом найти что-нибудь интересное, нужное. (Говорю о *поэтах*, а не о г. г. Величко etc).— Шулятиков [7] прислал мне письмо и просит адрес Фриче,— не знаешь ли его? Во Франции сегодня чествуют память Марселины Деборд-Вальмор [8]. Празднество устраивает Тебе небезизвестный граф Монтеску де Фезенсак [9]. *Все поэты* Франции сядут в один поезд и поедут в родной город Марселины, где и пройдет чествование. Интересный поезд. Жду писем.

Твой Валерий Брюсов.

P. S. Вот маленькое стихотворение, написанное белыми стихами с чуть заметными отзвучиями:

И покинув людей, я ушел в тишину,
Как мечта одинок, я мечтою живу,
Позабыв обаянье бесцельных надежд,
Я смотрю на мерцанье сочувственных звезд.

Есть великое счастье — познав, утаить,
Одному любоваться на грезы свои,
Безответно твердить откровений слова
И в пустыне следить, как восходит звезда [10].

1896. Пятигорск.

[1] Письмо написано на почтовой бумаге с изображением памятника Лермонтову. Этот памятник работы А. М. Опекушина был поставлен в Пятигорске в 1889 г.

[2] Имеется в виду памятник М. Б. Барклаю де Толли работы скульптора Б. И. Орловского, установленный в 1837 г. на Казанской площади Петербурга.

[3] Цитируется строка из поэмы Арсения Аркадьевича *Голенищева-Кутузова* (1848—1913) «Старые речи» (Соч. СПб.: Тип. А. Суворина, 1894. Т. 2). В стихе нарушена обычная в шестистопном ямбе цезура.

[4] Впоследствии Брюсов был не столь категоричен в своем утверждении. В его архиве сохранился отдельный листок с пометой: «И⟨стория⟩ Р⟨усской⟩⟩ Л⟨ирики⟩. К Батюшкову». На этом листке, который можно датировать началом 1900-х годов, перечислены «причины болезни Батюшкова:

1. Пули, ранившие его в нижнюю часть живота в кампанию 1807 г.
2. Распутная жизнь.
3. Неудавшаяся влюбленность в m-lle Фурман, воспитанницу Олениных, которая отказалась выйти за него замуж ⟨...⟩

(4. Соперничество с Пушкиным)» (*ГБЛ*. Ф. 386, 41.15). Таким образом, речь идет уже не о зависти, а о соперничестве, и причина эта поставлена на последнее место, да еще в скобках, по всей видимости, как сомнительная.

[5] Речь идет о незаконченной «Истории русской лирики». Брюсов писал впоследствии: «Русскому языку доступно как тоническое, так и силлабическое стихосложение (мнение, что силлабический стих связан как-то с постоянством ударений, ни на чем не основано и опровергается примером хотя бы итальянского языка), но оба они нам чужды. Это чувствуется уже в той робости, с какой пользуются тоническим стихом русские поэты. Область наших точных созвучий крайне бедна (сравнительно, например, с французскими), и наши поэты постоянно возвращаются к одним и тем же рифмам. Многие русские слова не укладываются ни в какой тонический размер» (*Брюсов В.* О русском стихосложении // *Добролюбов 1900*. С. 11).

[6] Возможно, что брошюра эта была задумана еще летом 1895 г. Сначала (см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 2.22. Л. 8об.) Брюсов собирался включить в нее очерки о поэзии В. Л. Величко, А. М. Федорова, А. А. Коринфского, И. О. Лялечкина, Н. А. Энгельгардта, М. М. Гербановского, А. Н. Емельянова-Коханского и др. Особая глава посвящалась творчеству Курсинского. Но позднее (см.: Там же. Л. 40) он составил следующий план книги: «Предисловие. гл. I. Боги Олимпа. гл. II. Мережковский. гл. III. Бальмонт. гл. IV. Лялечкин, Минский etc. гл. V. В. Соловьев». Брошюра закончена не была. В архиве поэта сохранились многочисленные наброски отдельных глав (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.2, 3.3, 3.5, 3.7).

[7] См. п. 17, прим. 2. Писем Шулятикова в архиве Брюсова не сохранилось.

[8] Марселина *Деборд-Вальмор* (1786—1859) — французская поэтесса, выступала в печати и как прозаик. 13 июля 1896 г. в г. Дуэ, на ее родине, состоялось открытие памятника М. Деборд-Вальмор; на торжестве произнес речь А. Франс. Перевод Брюсова из М. Деборд-Вальмор («Письмо женщины») см.: *РС 2*. В более поздней переработке вместе со стих. «Первая любовь» и «Колыбельная песня» оно вошло в том «Французские лирики XIX века» *(ПСС XXI)*, где дан также критико-биографический очерк Брюсова о Деборд-Вальмор.

[9] Робер де *Монтескиу-Фезенсак* (1855—1921) — французский беллетрист и поэт. В начале 1890-х годов он учредил общество почитателей М. Деборд-Вальмор (см. также: *Де Гурмон Р.* Книга масок. М.: Грядущий день, 1913. С. 103—106).

[10] *МЕЕ*; I, 100.

29. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Пятигорск.) 18 июля 1896 г.

Александр Антонович! Дорогой мой, что с Тобой случилось? Жив ли Ты? Всякие слухи о Тебе смолкли, и я не получал ответа вот уже на два письма. Надеюсь — если эта записка добралась до Тебя — Ты отзовешься.

Что до меня, то кончаю свой «курс» в Пятигорске и собираюсь путешествовать к Казбеку, а оттуда по Волге. Было одно время намерение посетить Самарканд и заглянуть в курильни гашиша [1], но жаль пропустить Нижегородскую Выставку [2]. Восток еще не уйдет.

Алла могуч! Гашиша дым
Для счастья смертных создан им [3].

Стихи Голенищева-Кутузова.

Твой Валерий Брюсов.

Адрес мой до 1-го августа: Пятигорск, Теплосерная ул., д. Савельева. После — обычный: Москва, Цветной бульвар, etc [4].

[1] 17 июня 1896 г. Брюсов сообщал родителям: «Был здесь один человек, который усердно подговаривал меня ехать с ним в Самарканд. Оно не дорого, и я одно время колебался, но потом сообразил и отказался. А все-таки хорошо бы! Там индусы, персы, гашиш, опиум. Азия и Восток!» (*ГБЛ*, Ф. 386, 142.5. Л. 25об.).

[2] В 1896 г. Всероссийская промышленная и художественная выставка была приурочена к ежегодной ярмарке в Нижнем Новгороде. Выставка была открыта 27 мая и продолжалась до сентября. Брюсов намеревался встретиться в Нижнем Новгороде с М. П. Ширяевой, но вынужден был продолжить курс лечения в Пятигорске и уехал с Кавказа лишь 28 августа (см.: Русская литература и Кавказ. Ставрополь, 1974, с. 102).

[3] Неточная цитата из поэмы А. А. Голенищева-Кутузова «Гашиш» (Дело. 1875. № 5).

[4] Брюсов вернулся в Москву 2 сентября.

30. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

Ясная Поляна. 23 июля (18)96 г.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Относительно моего столь продолжительного молчания Карамзин на моем месте сказал бы: бывают периоды в жизни народной и в жизни человека отдельного, когда эта жизнь останавливается в какой-либо фазе и не подвигается вперед. Вот такого рода период и переживал я до самого Ильина дня [1], когда, наконец, не вытерпел и уехал в Москву. Там творится нечто невозможное. Ртутные трубки лопаются в термометрах, дышать нечем. И я пролежал в постели 2 дня из трех, проведенных мною в городе. Застал я там из знакомых только Григория Семеновича Когана [2], который, кажется, даже неизвестен тебе. Да еще на вокзале, уезжая, столкнулся с поэтом Долгинцевым [3]. Он провожал некую особу женского пола и побеседовать нам не удалось (быть может, к лучшему). А въезжая в Москву, на пересечении Самотеки и Садовой, чуть не попал под мою лошадь еще поэт — Емельянов-Коханский [4]. Если этим поэтам судьба велит проводить лето в Москве, то я готов простить им всевозможные их бессмыслицы. Зато людям, обитающим среди деревенских красот, необходимо пользоваться своим прекрасным положением и создавать великие произведения. А между тем, я от тебя получил только одно недурное стихотворение в 8 строчек [5]. Ты просишь меня прислать тебе отрывки из поэмы, в которой действие подвигалось бы вперед. К сожалению, таких мест у меня не оказалось, да и вообще нахожу все в целом лучше, чем в частях. Поэтому изволь ждать осени, то есть 5-го сентября, когда я буду в Москве.

Относительно Бальмонта я ничего не знаю [6], а Фриче живет в Курской губернии (Курская губерния, гор. Дмитриев на Свапе, Льву Михайловичу Кусакову для В. Фриче). Я получил от него 4 письма, из которых вижу, что он усердно и плодотворно работает на своем научном поприще и текущим летом вполне доволен.

А. А. КУРСИНСКИЙ В КРУГУ СЕМЬИ И ДРУЗЕЙ Л. Н. ТОЛСТОГО

Слева направо: задний ряд — М. Л. Толстой, И. Н. Трегубов, А. Л. Толстой, Н. П. Иванова, Т. Л. Толстая, Л. Н. Толстой, С. И. Танеев, С. А. Толстая; передний ряд — Д. Д. Дьяков, Э. Борель, А. А. Курсинский, М. Л. Толстая, А. Л. Вельс, А. Л. Толстая. Фотография С. А. Толстой. Ясная Поляна, 1895

Музей Л. Н. Толстого, Москва

Больше ничего сообщить тебе не имею. До скорого свиданья, надеюсь, что к началу сентября ты уже будешь в Москве. Впрочем, наступающая зима обещает мне мало интересного. Так, например, все твои четверги для меня будут недоступны, потому что в юнкерском училище отпускают лишь в среду и субботу [7].

Пиши, если не считаешься письмами. У тебя интересного больше.

А. Курсинский.

[1] Ильин день — 20 июля по ст. ст.
[2] Брат П. С. Когана.
[3] См. п. 7, прим. 6.
[4] Там же, прим. 5.
[5] См. п. 28.
[6] 31 июля 1896 г. Я. К. Брюсов сообщал сыну: «Наконец отозвался Бальмонт из Одессы, письмо которого при сем посылаю» (*ГБЛ*. Ф. 386, 78.23. Л. 26об.).
[7] Курсинский поступил не в Московское юнкерское училище, а в Киевское, по месту рождения.

31. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

3 августа 1896 г. Пятигорск. Теплосерная ул. дом Савельева.

Судя по Твоему письму, Ты, действительно, провел очень печальные дни, друг мой. Неужели Ты хочешь вдобавок поступить в юнкерское училище? — это значит обречь себя еще на год такой же жизни. Бесконечно лучше отбывать воинскую повинность вольноопределяющимся, хотя и то скверно.

Что до меня, я, наоборот, *жил*. Ты покинул меня в то время, когда я ушел снова в самообожание.

...И, покинув людей, я ушел в тишину...
. . . . . .
Есть великое счастье, познав, утаить,
Одному любоваться на грезы свои,
Безответно твердить откровений слова
И в пустыне следить, как восходит звезда [1].

После этого я, как и подобает поэту на юге,— я влюбился [2].

И снова дрожат они, грезы бессильные,
Бессильные грезы ненужной любви. (etc) [3].

Или —

Сквозь туман таинственный
Голос слышу вновь
Голос твой единственный,
Юная любовь! (etc) [4].

Или —

Облака цепляются
За вершины гор;
Так слова слагаются
В смутный разговор.

Горьки и томительны
Жалобы твои:
То рассказ мучительный
О былой любви (etc) [5].

В этой любви было, конечно, множество перипетий.

Летний вечер пышен,
Летний вечер снова...
Мне твой голос слышен:
«Я люблю другого»... (etc) [6].

Или —

Ты приняла мою книгу с улыбкой,
Бедную книгу мою...
Верь мне, я нынче считаю ошибкой
Бедную книгу мою... (etc) [7].

Впрочем, всего не перескажешь и стихами.

Потом я собирался убежать в Самарканд и даже уехал из Пятигорска, оставив свою комнату одному ново-приятелю [8]. На пути я, однако, расхворался и вернулся. С неделю был я совсем болен и, по обыкновению, дошел до отчаянья и до мыслей о самоубийстве [9].

...О, горько умирать, не кончив, что хотел,
Едва найдя свой путь к восторгам идеала...
. . . . . .
Так много думано, исполнено так мало! [10]

Затем я еще раз воскрес и нашел здесь юного поэта, которому посвятил следующие знаменательные строки.

А. Браиловскому [11].

Юноша бледный, со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета —
Первый из них: не живи настоящим,
Только грядущее область поэта.
Дальше второй: не люби, не сочувствуй!
Сам лишь себя обожай беспредельно!
Третий завет: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.
Юноша бледный, со взором смущенным,
Если ты примешь мои три завета,
Гордо умру я бойцом побежденным,
Зная, что в мире оставлю поэта [12].

В результате всех этих ощущений и размышлений получилась книга «Me eum esse», рукопись которой послана в Москву Лангу, где и хранится «до моего приезда или моего самоубийства» [13]. Впрочем, судя по моему сегодняшнему ликующему настроению, второе опять надо отложить.

Живу я все в Пятигорске. Уже мои ново-приятели прожили свой курс и уехали, уже сменился весь состав курсовых, а я все живу и бог весть сколько еще буду жить. До 15-го августа проживу во всяком случае.

Ознакомился со всякими окрестностями, лазил на скалы и спускался в пещеры, смотрел на водопады и заглядывал в пропасти.

Есть что-то позорное в мощи природы,
Немая вражда к лучам красоты;
Над миром скал проносятся годы,
Но вечен только мир мечты (etc) [14].

Ах, друг мой, сколько стихов написал я — даже странно.

Как долго о прошлом я плакал,
Как страстно грядущего ждал,
И мудрости грозный оракул
«Довольно» сегодня сказал (etc) [15].

«Оракул мудрости» — риторика, но рифма, рифма!.. Она, впрочем, украдена у Бенедиктова [16].

Светлый венец их сверкает плеядами,
Адельбараном горит (*Бенедиктов*) [17].

Не знаешь ли Ты, как зовут m-me Пустошкину? Я получил от нее письмо [18], надо ответить, а я не помню ее имени и отчества. Анна Дмитриевна, кажется?

Я помню вечер, бледно-скромный,
Цветы усталых георгин,
И детский взор — он ... etc, etc [19]

Слишком много стихов.

Дальный шум фонтана,
Листьев тихий шум,
Сладок миг обмана,
Миг туманных дум (etc) [20].

Знаешь ли, что есть растения, называющиеся «гелитшии» [21], здесь их много; рифма Нитше и trans — рифма Фриче.

Бледный, словно маис,
Первый луч денницы
Сквозь листву гелитший,
Озарив Кута́ис *,
Брызнул на страницы
«Заратустры» Нитше
И шепнул, ласкаясь,
Быль и небылицы
О далеком Фриче [22].

Надеюсь, Ты ответишь мне «сквозь уныние и сплин».

Твой Валерий Брюсов.

[1] См. п. 28, прим. 10.
[2] О любви Брюсова к шестнадцатилетней девочке Кате см. I, 581—582.
[3] *МЕЕ* (I, 115).
[4] Там же.
[5] *TV* (I, 167).
[6] *Неизд. стих. 1935*. С. 97 (под заглавием «Я люблю другого» — III, 240).
[7] Под заглавием «По поводу Chefs d'oeuvre» — *МЕЕ* (I, 102).
[8] Имеется в виду некий Алексей Иванович *Иванов-Орловский* из Москвы, часто упоминаемый в брюсовских дневниках пятигорского периода; см. также письма к родным — *ГБЛ*. Ф. 386, 142.5. Л. 4.
[9] 26 июля 1896 г. Брюсов писал А. А. Лангу: «Говорю Тебе откровенно и серьезно — дело мое очень плохо: телесно я никуда не годен, духовно — колеблюсь, а умственно —

* Так говорят на Кавказе, а не Кутаи́с *(прим. Брюсова)*.

увы! — умственно ослабеваю. Конечно, я не намерен слишком рано опускать руки. Бороться я буду, но до известного предела; Ты сам понимаешь, что так я и должен поступить, и отговаривать меня — я твердо надеюсь не станешь» (*ГБЛ*. Ф. 386, 71.46. Л. 43).

[10] Приведены строки из стих. «Последние слова» — *МЕЕ* (I, 123).

[11] История знакомства и дальнейших взаимоотношений Брюсова с «юным поэтом» изложена в статье О. Сабъяновой «Письмо Александра Браиловского Брюсову» (*Брюсовский сборник 1977*. С. 189—193).

[12] Под заглавием «Юному поэту» — *МЕЕ* (I, 99).

[13] 26 июля 1896 г. Брюсов писал Лангу: «Завтра или послезавтра я пошлю Тебе заказной рукописный пакет. Это тетрадь маленьких размеров моей книги "Me eum esse". Эту маленькую тетрадь Ты отдашь переписать хорошему переписчику, требуя, чтобы знаки препинания он расставлял именно так, как у меня. Переписанную рукопись [спешу оговориться: так начнешь Ты поступать в том случае, если я пришлю Тебе прощальное письмо или если Ты получишь определенные сведения о моей смерти (красивое слово); пока же этого нет, прошу Тебя и заклинаю нашей старой дружбой рукописи моей никому не показывать, а самое лучшее и самому ее не читать] *. Продолжаю. Переписанную рукопись отдашь Ты в цензуру, причем спорь с цензорами и отстаивай каждое слово. Когда рукопись выйдет из цензуры, тащи ее к Лисснеру и Роману. Туда же еще раньше надо будет снести рукопись "Juvenilia", которая находится у моего отца. (Относительно денег я, конечно, в свое время извещу моих родных.) Формат и внешность издания должны быть такими же, как Chefs d'oeuvre 2-е изд. Каждой книги — и "Juvenilia" и "Me eum esse" — должно быть напечатано только *600* экз. Если когда-нибудь в будущем книги мои распродадутся, предлагаю Вам, т. е. Тебе и моим напечатать "Полное собрание стихотворений" Валерия Брюсова, куда могут войти все стихи, напечатанные мною при жизни и внесенные в "Juvenilia" и "Me eum esse". Глупой прозы моей прошу никогда не перепечатывать. Наблюдения над корректурою я, конечно, поручаю Тебе и убедительно прошу корректировать лучше моего: стараться, чтобы все, даже запятые, были именно так, как в рукописи (орфография у меня собственная). О напечатанных книгах надо сделать объявления и экземпляры раздать по книжным магазинам и разослать по редакциям всех журналов (если соберусь, пришлю адреса).

Если что забыл, напишу после. Итак, числа около второго получишь Ты рукопись, которую будешь хранить втайне до тех пор, пока не получишь "определенного" известия» (*ГБЛ*. Ф. 386, 71.46. Л. 44—44об.). В черновых тетрадях сохранилось также завещание Брюсова, которое должен был засвидетельствовать Ланг (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.5. Л. 29об.).

[14] *МЕЕ* (I, 112).

[15] В измененной редакции — *МЕЕ*, под заглавием «Отреченье» (I, 133).

[16] Рифма заимствована из стих. В. Г. Бенедиктова «Н. Ф. Щербине»:

Прошли века: умолк оракул,
Богов низринул человек —
И над могилой их оплакал
Свою свободу новый Грек.

[17] Неточная цитата из стих. Бенедиктова «К полярной звезде», третий стих которого: «Дивный венец его светит Плеядами...».

[18] Письмо Анны Дмитриевны *Пустошкиной* (рожд. Облеуховой) не сохранилось. В письме к А. А. Лангу от 4 августа 1896 г. Брюсов сообщает: «Получил письмо от г-жи Пустошкиной, которая просит прийти к ней по какому-то таинственному делу» (*ГБЛ*. Ф. 386, 71.46. Л. 48об.).

[19] *МЕЕ* (I, 116).

[20] Опубл. впервые: III, 241.

[21] По всей видимости, приводится неточное название гледичии (Gleditschia), которую на юге Европейской части России разводят и как декоративную и в качестве живых изгородей.

[22] Опубл. впервые: Ставрополье. 1966. № 3.

32. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

18.VIII.(18)96 г. Пятигорск. Теплосерная, дом Савельева.

Ты можешь ли левиафана
На уде вытянуть на брег? [1]

Как Тебе не совестно, мой друг, хандрить по целым месяцам? Поверь словам Метерлинка: у каждого из нас не одна, а много причин решиться на самоубийство [2], — но не все же падают духом. Пиши стихи и будь счастлив — разве это трудно?

Я пробуду в quasi-лермонтовском Пятигорске до 1-го [3], а Тебе куда прикажешь адресовать письма?

---

* Квадратные скобки поставлены Брюсовым.

Что до Бальмонта, то он, по последним известиям, в Одессе — «молится холодному ветру» [4].

Твой Валерий Брюсов [5].

[1] Цитируется начало десятой строфы «Оды, выбранной из Иова» Ломоносова.
[2] Не ясно, на какое произведение М. Метерлинка ссылается Брюсов.
[3] См. п. 29, прим. 4.
[4] Подразумевается стих. Бальмонта «Кому я молюсь? Холодному ветру» *(Тишина)*. Возможно, что оно было в письме Бальмонта, пересланном в Пятигорск Я. К. Брюсовым (см. п. 30, прим. 6). Ср. запись в дневнике Брюсова от 6 августа 1896 г.: «Получил письмо от Бальмонта из Одессы. (Кому я молюсь? Холодному ветру)» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.14/1. Л. 23об.).
[5] В черновике текст письма несколько подробнее: «...получил письмо и от А. Добролюбова, он в Петербурге превращается в паука, "который провел свою тонкую нить от скалы до скалы", получил письмо от Фиты Сологуба, который предлагает меняться с ним изданиями, и от г-жи Пустошкиной, которая предлагает нечто (что, она не сообщает). Письма эти пришли ко мне "с оказией", ибо некоторое время моим домашним не был известен мой адрес» (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.5. Л. 34).

33. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

Киев. 5 октября (18)96 г.

Друг мой!

Прости мне столь продолжительное молчание: оно неизбежно вытекало из тех обстоятельств, в которых я теперь нахожусь; променяв лиру на меч, я умер для поэзии и, следовательно, для тебя. А не умереть не было возможным. Ты когда-то говорил мне, что необходимо создать себе известные условия, чтобы работать плодотворно. Я же поставлен теперь в условия, которые точно нарочно подобраны, чтобы лишить человека возможности делать что-либо на пользу не только искусства, но даже его собственного развития. Одним словом, я не знаю, скоро ли наступит день, в который какая-нибудь поэтическая мысль будет в состоянии замедлить несколько в моей голове. Думаю, что не раньше рождественских каникул, когда я недельки на две вырвусь из этой душной атмосферы равнений, козыряний, рапортов и дневальства и прочей ерунды, называемой военным духом. Что я делаю? — Трижды в день чищу свои сапоги и всю амуницию, пять часов в день слушаю вычисления длины или скорости пушечного выстрела, два часа в день маршируя учебным шагом под такт барабана или прыгаю через так называемую «кобылу», с которой скатываюсь пока еще кубарем, ем, пью, в известное время дневалю, т. е. надев шинель и шапку, шагаю взад и вперед по ротным казематам с обязательством под страхом ареста ничем не заниматься.

В эти часы, скажешь ты, ты написал бы в уме целые томы. Нет, уверяю тебя: в эти часы, отягощаемый пудовою шинелью, обливаясь пóтом, т. к. температура в роте стоит градусов 16—17, ты вел бы, как и я, упорную борьбу с одолевающим тебя под всеобщий храп юнкеров сном, да прислушивался бы к отдаленным шагам генерала или дежурного офицера. Я страшно потолстел за это время. Толщина — это хороший, по крайней мере для меня, показатель степени умственной деятельности. Что касается военных наук, то в большинстве случаев здесь мы встречаемся с математикой и черчением, которые входят почти во все предметы. Хоть я и не особенно интересуюсь ею, однако 5 часов лекций сравнительно наиболее интересная часть дня. В это время приходится хоть соображать и, исходя из декартовского «cogito ergo sum» * я не перестаю сознавать в это время своего человеческого, а не только животного существования.

За стенами училища, за которые мне удается проникать по средам и воскресеньям, конечно, можно бы найти более интересного. Но и здесь военный дух дает знать себя. Киев — город военный. Что ни шаг, то ты встретишь офицера, а каждому офицеру юнкер обязан отдать честь, и каждый офицер, если ему не будет отдана честь, потянет у тебя билет. Честь надо отдавать не только встречным офицерам, но и обгоняющим тебя, вследствие чего ты должен ежеминутно оборачиваться назад, и также идущим по другому тротуару, словом, ты должен

* мыслю, следовательно существую *(лат.)*.

смотреть и видеть везде и зараз. С непривычки это мучительно. Идя по Васильевской улице, я увидел в окне одного дома милую блондинку. Милая блондинка привлекла мой взор, но только что я стал всматриваться в нее, как над моим ухом раздался ехидный голос: «А позвольте спросить, давно ли вошло в моду не отдавать чести офицерам?»

Тем не менее я успел достаточно познакомиться с Киевом, заглянуть в ядро его жизни, если можно так выразиться, хотя и не осмотрел еще его достопримечательностей. Но вряд ли не лучшая и не достойнейшая примечательности достопримечательность его — это его положение, удачное соединение в нем удобств европейского города с красотами его природных условий. Описывать все это бесполезно, так как ты, кажется, был в Киеве [1]. Если же не был, то, конечно, будешь. Некоторые эффекты поразительны. Так, например, на горе стоит памятник Владимира [2], в руках Владимира крест, который ночью освещен электрическими лампочками, так что издали видишь только висящий в воздухе над городом ярко сияющий символ. Есть здесь царский сад, разбитый на высокой и крутой горе, с которой прекрасный вид на Днепр и на нижнюю часть города. Ночью получается впечатление, будто ты смотришь в глубокую бездну, всю усеянную подвижными огоньками. А там, под горой, за этими безмолвными старыми дубами кипит жизнь, но хотя она рядом, ты чувствуешь себя далеко от нее. Знакомств в Киеве я еще не завел, так как только недавно выдержал экзамен на отпуск. Пока отыскал здесь только брата Когана [3], который любезно принял меня и обещал меня знакомить как с городом, так и здешними людьми. Однако, друг мой, как ни красив этот город, и какими бы ни оказались здешние люди,— несомненно одно — все близкое и родное оставлено надолго позади. Живя здесь, я все же хоть отчасти хотел бы жить там. Ты меня понимаешь?

Я надеюсь, что ты не откажешь мне по мере свободного у тебя времени извещать меня о себе и о дорогой нам обоим литературе. Я здесь решительно не могу ни за чем следить. Пиши мне, что выходит нового, если не трудно, цитируй от времени до времени как свое, так и чужое. Это будет для меня дорогая, почти единственная пища духовная. Говорю «почти», потому что здесь имеются 2—3 журнала, но достаточно назвать их имена, чтобы дать понять скудность даваемого ими материала: это «Нива», «Русский вестник», «Военная библиотека». Впрочем, в «Русском вестнике» нашел я недурную, хотя очень беглую статью о новых идеалах в поэзии (К. Медведского) [4].

Ну, до свидания. Жду письма. Жму твою руку.

Твой А. Курсинский.

P. S. Не найдешь ли ты возможным сделать для меня маленькую услугу? А именно: собрать в магазинах, буде окажутся, деньги за проданные экземпляры «Полутеней» и из оных уплатить Снегиреву [5] 5 рублей 90 копеек и получить от него недоданные мне 200 экземпляров. Все квитанции и счет снегиревский ты можешь получить у моей матери [6]. Буду тебе очень благодарен. Если денег не наберешь 5 руб. 90 коп., то недостающие я тебе вышлю. Если соберешь больше, то останешься мне должен.

Жду ответа. А. К.

[1] Брюсов впервые побывал в Киеве осенью 1897 г. (см. п. 41, прим. 1).

[2] Памятник киевскому князю Владимиру Святославичу, утвердившему христианство государственной религией, был установлен в 1853 г. Проект выполнен ваятелем В. И. Демут-Малиновским и архитектором К. А. Тоном; статуя исполнена скульптором П. К. Клодтом.

[3] Имеется в виду брат П. С. Когана — Лев Семенович *Коган*. Его адрес (Большая Васильковская, д. 48, кв. 8) внесен Брюсовым в записную книжку «Мои стихи» (*ГБЛ*. Ф. 386, 14.5/7. Л. 34).

[4] В статье участника альманаха «Молодая поэзия» Константина Петровича *Медведского* «Письма о литературе. В поисках нового», в частности, утверждалось: «Движение символизма и декадентства многим кажется только курьезным, не заслуживающим внимания. Но мы непременно должны считаться с сильными представителями движения: именно они указывают нам путь, по которому направляется искание новых мотивов в поэзии взамен освященных веками» (Русский вестник. 1896. № 9).

[5] Александр Иванович *Снегирев*, управляющий московской печатней А. И. Снегиревой, выпустившей «Полутени».
[6] О В. А. Курсинской см. вступ. ст. к наст. публ.

34. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

15 ноября ⟨18⟩96 г. Москва.

Друг мой!

Конечно, я виноват, что до сих пор не писал Тебе [1], но сознайся — есть здесь и Твоя вина. Однако «об этом довольно», как говорит старичок Геродот [2]. Вчера я был у Твоих [3] и читал Твои письма, кроме знаменитой филиппики против друзей, посланной Фриче. Клянусь Стиксом, по этим письмам никто бы не догадался, что Ты поэт и притом «бессменный жрец печали» [4]. Впрочем, я тоже забываю, что был когда-то поэтом. Я слушаю признания в любви и играю в винт. Дивные занятия! Затем я негодую на самого себя и ничего не делаю, ничего не пишу, ничего не читаю. А! Друг мой, меня выводит из себя, между прочим, университет: невозможное учреждение, но очень возможно, что я его скоро покину. Для человека, поставившего бесстрастие = отсутствие страстей выше всего, очень мило, если его домашние забыли день, когда он ночевал дома. Мне пишет письмо Бальмонт, мне пишет Самыгин, мне пишет Сологуб, мне пишет Добролюбов, им всем надо ответить, надо писать к Тебе, а я пишу сейчас первое письмо со времени возвращения с Кавказа [5] (записки не считаются). А «История русской лирики»! Бедняжка! Хотя я еще надеюсь, что дам ей счастье — а то она от ревности побледнела совсем. Бальмонт в Испании и пишет, что нет ничего изящнее боя быков: «Молодые человеки в бальных костюмах порхают в двух шагах от смерти и ускальзывают от нее с легкостью весенних мотыльков». Сологуб напечатал новую книгу стихов [6]; единственное, что я читал: она хороша. Полмесяца я опять был спиритом и так сошелся с духами, что беседовал у них в своей комнате [7], как с милыми знакомыми (так от 24 до 28 часов; такого счета и у Вас нет?). Et quando respublica similem mihi habebit *. Это слова Ливия Друза [8]. Однако вот одно из моих самых неудачных стихотворений.

Расскажите вы ей,
Стихи мои,
О царстве теней,
О Стране Любви.
Там есть острова
Сладостных слез,
Где бродят слова
В венцах из роз,
Там сквозные леса,
Утомленья приют,
Где звучат голоса
И эхо поют.
Там лепечут ручьи
Переплесками струй
Признанье любви
И ответ — поцелуй.

Там с камней золотых
Разливается свет —
Свидания миг
И смущенный привет:
А над бездною дней,
Над горьким «прощай»
С хороводами фей
Летает Май.
А дальше на льдах
Царица страны
С лаской в очах
Приветствует сны.
Как светлы, как чисты
Все подвластные ей —
То дневные мечты,
То виденья ночей...[9]

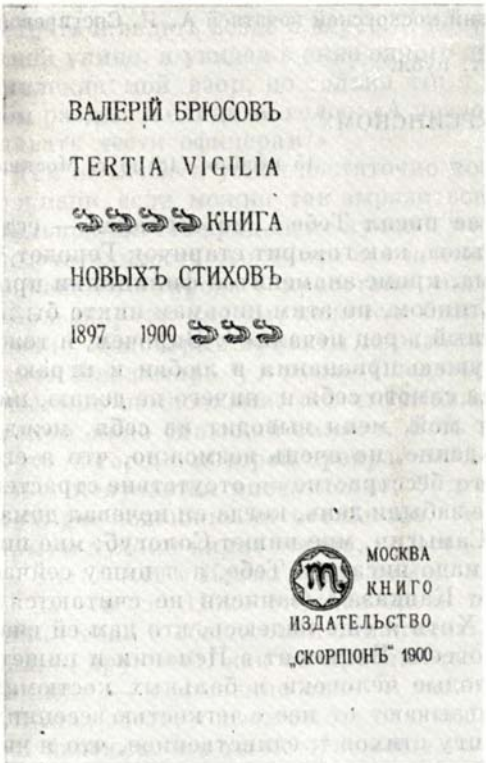
И еще пять строф такой же галиматьи. До свидания. Пиши.

Твой Валерий Брюсов.

Начиная с этого письма и до сентября 1897 г., корреспонденция Брюсова адресована в Киев, где Курсинский отбывал воинскую повинность.

[1] В письме из Киева от 14 ноября 1896 г., не включенном в настоящую публикацию, Курсинский упрекал Брюсова: «Если ты в письме к моей матери высказываешь удивление, что я не пишу к тебе, то мне остается теперь в этом письме выразить удивление, что ты не

* Неужели когда-нибудь республика будет иметь такого гражданина, как я? *(лат.)*.


ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

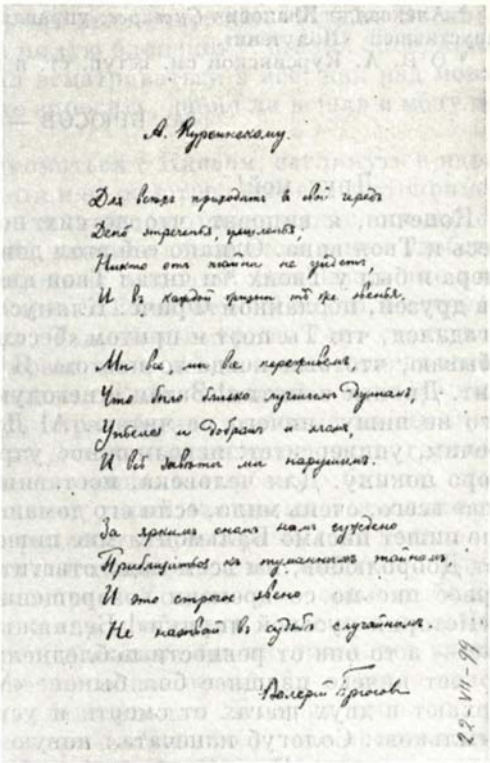
TERTIA VIGILIA

КНИГА

НОВЫХЪ СТИХОВЪ

1897 1900

МОСКВА
КНИГО
ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПІОНЪ" 1900


А. Курсинскому.

Для всего приходит в мой предел
День встречи, прощанья;
Никто от этой тайны не уйдет,
И в каждой фибре тот же звон.

Мы все, мы все перерывали,
Что было близко лучшим думам,
Любили и добрали и злом,
И всё завета мы нарушили.

За краткий миг нам суждено
Приблизиться к туманной тайне,
И это строгое звено
Не назовем в судьбе случайным.

Валерий Брюсов

22-VII-99

отвечаешь мне на письма. 6-го октября послал я к тебе длинное послание и, между прочим, просьбу такого характера, что не ответить на нее было бы очень странным» (*ГБЛ*. Ф. 386, 91.25. Л. 12).

[2] Об этой реплике см.: *Тетради*, п. 40, прим. 10.

[3] Речь идет о родителях Курсинского Ванде Андреевне и Антоне Адамовиче.

[4] См. п. 21, прим. 3.

[5] См. п. 29, прим. 4.

[6] *Сологуб Ф.* Стихи. СПб.: Тип. Мор. м-ва в Гл. адмиралт., 1896.

[7] Г. И. Чулков вспоминает: «В молодости Брюсов занимался спиритизмом; его влекли к себе образы Агриппы Неттесгеймского, Парацельса, Сведенборга; у него на столе можно было найти книжки Шюре, Кардека, Дю-Преля... При этом Брюсов думал, что можно удачно сочетать оккультные знания и научный метод» (*Чулков Г.* Годы странствий. М.: Федерация, 1930. С. 93). См. также наст. кн., переписка с Бальмонтом, п. 48, прим. 6.

[8] Народный трибун Марк *Ливий Друз*, отличавшийся неподкупностью, строгостью нравов и замечательным красноречием, был предательски убит политическими противниками в 91 г. до н. э. Брюсов приводит его предсмертные слова (см.: Веллея Патеркула сокращение греческия и римския истории/Пер. Ф. Моисеенкова. СПб., 1774. Цитируемые слова — с. 120).

[9] Стихотворение публикуется впервые. С датой 15 ноября 1896 г. оно внесено Брюсовым в блокнот «Мои стихи» № 7 под заглавием «Страна любви» (*ГБЛ*. Ф. 386, 14.5/7. Л. 26об.—27). Этот текст содержит 3 дополнительных строфы. За шестой строфой следует четверостишие:

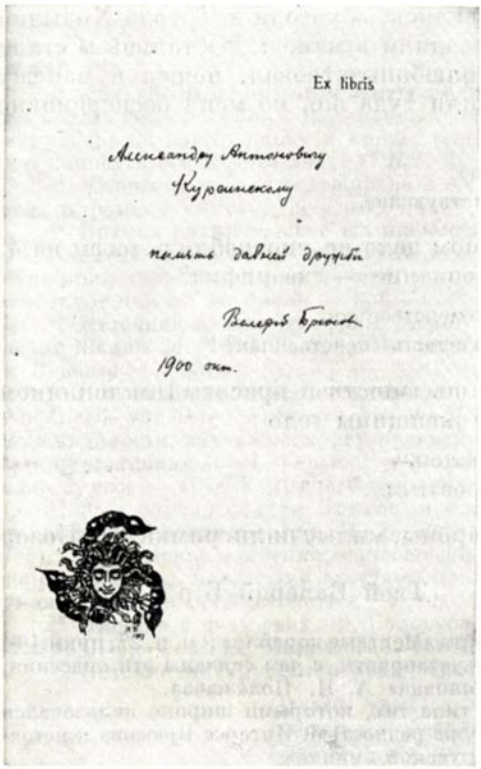
Там все стебельки
Льют аромат,
И минуты тоски
Всесильно манят.

А в конце стихотворения:

И они, мотыльки,
Вот на землю летят,
Вот, как утро, легки
Прилетают назад.

Расскажите же ей,
Мотыльки мои,
О приюте теней,
О стране любви.

Первые строки — парафраз арии Зибеля «Расскажите вы ей, цветы мои...» из оперы Ш. Гуно «Фауст».


Ex libris

Александру Антоновичу
Курсинскому

память давней дружбы

Валерий Брюсов

1900 окт.

В. БРЮСОВ. TERTIA VIGILIA. М., «СКОРПИОН», 1900

Титульный лист; вклеенный лист со стихотворным посвящением А. А. Курсинскому (ранний вариант стихотворения Брюсова «Строгое звено» — 22 июля 1899 г.); шмуцтитул с дарственной надписью: «Александру Антоновичу Курсинскому память давней дружбы. Валерий Брюсов. 1900 окт.» Внизу на шмуцтитуле — рисунок М. А. Дурнова, 1900

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

35. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Москва.⟩ 22-го ноября 1896 г.

Счастлив, кто в мирной
Доле живет...
— Кто-то в обширной
Бездне плывет [1].

Друг мой, я плыву в обширной бездне, и в воскресенье мой челнок, быть может, перевернется [2].

Как заклятый
Враг грозит
Вал девятый
Вот бежит...

море, горе! Он настигнет; В мутном воре Челн погибнет...[3] Впрочем, это Говсе не горе, а рифма настигнет и погибнет — увы, только державинская рифма [4].— Ты знаешь, я надолго прекращаю свою литературную деятельность: по крайней мере на два года [5] — «хотя однако» (из переводов с греческого) к рождеству издам «Me eum». Друг мой! Зачем Ты в Киеве не пишешь стихов?

У нас здесь мрак непросвещенья,
У вас же конки * и прогресс...[6]

Впрочем, у нас Сальвини и Барнай [7] — я смотрю Шекспира. Бальмонт, сидя в Париже, находит, что это «изрядный» поэт. Я столь рассержен, что пишу трагедию «Марк Антоний» [8], дабы доказать, что писать по-шекспировски теперь уже не трудно [9]. Там есть Клодия... О, как Шекспир пропустил у Плутарха этот поэтический образ [10]—

Клодия! Клодия!
Слезы твои —
Это мелодия
Первой любви [11].

Не написать ли брошюрки «Позор любви» [12] — Клянусь Градивом [13], это чувство позорное. «Будь моей Книгой, которую я буду приходить читать, о будь моей Поэмой, к которой я буду возвращаться опять и опять» [14].

Любовь не прах, не золото, не глина —
Делить ее не значит отымать [15].

Вряд ли Шелли написал именно так; особенно глина — бр-бр. Кстати, не от звука ли fr-fr происходит французское froid? [2*] О! Да будут прокляты все филологические изыскания и исторические науки с ними. Die Römische Annalis-

* Разумеется, электрические *(прим. Брюсова)*.
[2*] холод *(франц.)*.

tik * [16] — Ха-ха! Знаешь студенты волновались,— хотели в $^1/_2$ года Ходынки служить панихиду «по убиенным» — их посадили в манеж. «Остальные» стали в воротах университета и смотрели. Я полюбопытствовал, пошел к манежу попросил околоточного, чтобы меня посадили туда же, но меня бесцеремонно прогнали [17]. Можно обидеться? Что же!

Убивайте, убивающие,
Безумствуйте, безумствующие.

(Пародия на Сологуба) [18]. Почему бы в самом деле не употреблять рифм на 4, 5, 6, 10 слогов от конца? Лжесвидетельствование — где рифма?

Отчего улыбка холодна благоденственная,
Отчего прекрасна только молодость женственная? [19]

Das ewig-weibliche ziet uns hinan...[2*] [20] Лишь юности и красоты Поклонником быть должен гений...[21] А! Хорошо, если у женщины тело

Как снег перед закатом,
Горит сияньем розоватым...[22]

если ее юные груди разбегаются в разные стороны, милые пилигримки! Но Позор Любви? — Прощай.

Твой Валерий Брюсов.

[1] Неточно приведенные стихи из поэмы Бальмонта «Мертвые корабли» (см. п. 27, прим.19).

[2] Дневниковые записи Брюсова не позволяют установить, с чем связаны эти опасения.

[3] Неточно цитируется «Песнь погибающего пловца» А. И. Полежаева.

[4] «Настигнет — погибнет» — неточная рифма типа тех, которыми широко пользовался Державин и которые во времена Полежаева были уже редкостью. Интерес Брюсова к неточным рифмам был связан с работой над «Историей русской лирики».

[5] 26 ноября 1896 г. Брюсов записал в дневнике: «Ныне, за несколько недель перед появлением в свет последней книги моих стихов, я торжественно и серьезно даю слово на два года отказаться от литературной деятельности. Мне хотелось бы ничего не писать за это время, а из книг оставить себе только три — Библию, Гомера и Шекспира. Но пусть даже это невозможно, я постараюсь приблизиться к этому идеалу. Я буду читать лишь великое, писать лишь в те минуты, когда у меня будет что сказать всему миру. Я говорю мое прости шумной жизни журнального бойца и громким притязаниям поэта-символиста» (*Дневники*. С. 26). Похожее высказывание, датированное началом октября, содержится также в записной тетради № 26 (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.6. Л. 2). Вряд ли к этим обещаниям можно относиться серьезно, поскольку вскоре Брюсов сообщает Е. И. Павловской о своих чрезвычайно разнообразных литературных планах (См.: *Тетради*, п. 52, а также: *Дневники*. С. 28).

[6] Строки из шутливого послания С. Я. Надсона к В. М. Гаршину: «Пр'чтя только что твое п'сланье..» (см.: *Надсон С. Я.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1962. С. 318).

[7] Густаво *Сальвини* (1859—1930) — итальянский актер, гастролировавший в московском «Эрмитаже» с 27 октября по 17 ноября 1896 г. С его участием шли шекспировские пьесы «Гамлет», «Отелло», «Венецианский купец» (см.: Новости дня. 1896. № 4810. 27 окт.; № 4814. 31 окт.). 27 октября Брюсов записал в дневнике: «Смотрел "Гамлета". Г. Сальвини» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.14/1. Л. 31). Людвиг *Барнай* (1842—1924) — немецкий трагик, игравший во время московских гастролей в «Гамлете», «Отелло», «Ричарде III» и «Короле Лире». Как видно из дневника Брюсова, он был на «Гамлете» с участием Барная 21 ноября 1896 г. См.: *ГБЛ*. Ф. 386, 1.14/2. Л. 5; а также письмо к Павловской от 18 ноября 1896 г. (*Тетради*, п. 52, прим. 28).

[8] См.: Там же, прим. 1.

[9] Брюсов, в частности, считал, что Шекспиру свойственно «упрощение исторических событий» (*ГБЛ*. Ф. 386, 46.2. Л. 1). Ср. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 39, прим. 5.

[10] Клодия — дочь Антония и Фульвии, предназначенная в жены Октавиану. Согласно Плутарху («Сравнительные жизнеописания», т. III), этот брак должен был упрочить дружбу триумвиратов.

[11] Приведенные строки являются, по всей видимости, началом незаконченного стихотворения (см. записную книжку «Мои стихи» — *ГБЛ*. Ф. 386, 14.5/8. Л. 8).

[12] 25 ноября 1896 г. Брюсов писал Е. И. Павловской: «А! да будет проклята любовь! проклята! проклята! Если когда-либо человек знал унижение, то это в те минуты, когда самое позорное в своей душе он возводил на пьедестал, когда он, как грешница в поэме Толстого, хвастался своим падением ⟨...⟩ Кричать об альтруизме и отдавать душу одному—весьма последовательно! Есть два мира—светлый и желанный мир идей! мир, относящийся к созна-

---

* Римские летописцы *(нем.)*.

2* Вечно-женственное влечет нас ввысь *(нем.)*.

нию, и другой мир — мир темных чувствований. Они борются от века, как Аграмазда и Ангро-Майнью, и вечное торжество суждено злому духу. Поклоняются Сатане!» (*Тетради*, п. 54).

В декабре 1896 г. Брюсов отметил в дневнике: «Эта зима очень была нужна, чтобы глубже понять "позор любви". Задуманный осенью, он был только теоретическими рассуждениями; теперь он нашел плоть и кровь, теперь эта идея стала моим настроением. О, если б я мог написать все то, что хочу» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.14/1. Л. 20).

[13] «Gradivus, т. е. грядущий на поле битвы — обычный эпитет Марса» (прим. В. Брюсова к роману «Алтарь победы». См. V, 563).

[14] Брюсов цитирует свое же письмо к Е. И. Павловской от 12 ноября 1896 г.: «...будь моей книгой, которую я буду приходить читать, но для которой я не брошу другие книги, будь моим творением, моей поэмой, к которой я опять и опять буду возвращаться, но которая останется все же одной веткой в моем «лавровом венце» (*Тетради*, п. 52, прим. 17 и 27).

[15] Неточная цитата из поэмы Шелли «Эпипсихидион» в переводе Бальмонта (см.: Сочинения Шелли. М., 1896. Вып. 4). И поэму и ее перевод Брюсов оценил весьма высоко (*Письма к Перцову*. С. 58).

[16] Сокращенное название сочинения немецкого историка Карла Ницше «Die römische Annalistik von ihren Anfangen bis auf Valerius Antias» (Берлин, 1873), которое Брюсов, по всей видимости, изучал по курсу древней римской историографии, читавшемуся в университете профессором В. И. Герье. В черновике настоящего письма вместо этого сочинения названо другое — «Die kritische Anschaungen» (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.7. Л. 19об.— 20).

[17] Этот случай описан Брюсовым в дневнике 25 ноября 1896 г. (см.: *Дневники*. С. 25; см. также в воспоминаниях И. Н. Розанова «Встречи с Брюсовым» — *ЛН*. Т. 85. С. 764—765). Студенческие волнения, начавшиеся в ночь на 17 ноября, продолжались долгое время и сопровождались массовыми арестами (см.: *Орлов В. И.* Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934).

[18] Имеется в виду стих. Ф. Сологуба «Расцветайте, расцветающие...» (Тени: Рассказы и стихи. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1896).

[19] Неточно цитируется первая строфа неопубликованного стих. А. Добролюбова:

Отчего улыбка холодна благоденственная?
Отчего в лобзании нет безумия страсти?
Отчего глаза не дышат негою власти?
Отчего священна только холодность женственная?

Возможно, это стихотворение является третьей частью цикла «Стихи о Мадонне», не пропущенной цензурой, в сб. «Natura naturans. Natura naturata» (СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1895. С. 68). В 1938 г. Добролюбов переписал текст стихотворения в экземпляр этой книги, хранящейся в брюсовской библиотеке (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 87. С. 100, 101). Мысль о новых возможностях рифмовки Брюсов повторил с теми же примерами осенью 1898 г. в наброске «Учебника стихотворства» (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.20. Л. 23) и реализовал на практике в сборнике «Опыты» («Ты — что загадка, вовек не разгадывающаяся...» — III, 500).

[20] Заключительные строки «Фауста» Гете.

[21] Заключительные строки стих. Пушкина («Зачем твой дивный карандаш...» — 1828).

[22] Неточная цитата из поэмы Т. Мура «Любовь ангелов» в неопубликованном переводе Курсинского (см. п. 14).

36. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

10 янв⟨аря 18⟩97 г. Петерб⟨ург⟩

«О, друг мой, плачущий со мною в час вечерний!» [1]

О, друг мой! Не писал я Тебе ничего просто потому, что нечего было писать. Мало интересного я нашел в Петербурге [2]. Символисты находятся в каком-то унынии. Добролюбов начал было печатать «Одни замечания», но почему-то остановился [3]. Гиппиус напечатал книжку стихов, но «в свет» не выпустил и даже намерен предать сожжению существующие экземпляры [4]. Сологуба нашел я каким-то сонным, ничем не интересующимся, на все махнувшим рукой; впрочем, это было во вторник, после Крещения [5]. Сам город погружен в туманы, и жители торопливо бегают по проспектам, потирая отмороженные уши. Много новых газет и журналов [6], но они водянисты, туманны, скучны. Пожив здесь недельку, я сам как-то отуманился; настроение прозаическое, стихов нет... Был в театрах... репертуар невозможный.— В «Литерат⟨урно⟩-Арт⟨истическом⟩ Обществе» делает сборы драма «Новый Мир» (из времен Нерона; перевод с англ.) [7],— но она оказывается жалкой мелодрамой, слабым плагиато-подражанием «Quo vadis?» * Сенкевича [8]. Был на выставке «Опытов художественного творчест-

* «Камо грядеши?» *(лат.)*.

ва» [9], сиречь этюдов,— этюдов там мало, больше символических картин; но сколько ни радовалось мое сердце по поводу того, что рутина гибнет, я все же не мог приветствовать *этих* символистов. Есть несколько недурных картинок, но ничего поражающего. Васнецов прислал только наброски к киевским писаниям [10], маленькие, ничтожные даже в сравнении с картинами из Третьяковской галереи. У г. Роста несколько удачных замыслов [11]; у г-жи Якунчиковой смелые перспективы [12]; у других попытки и подражания, фиолетовые облака и желто-синие леса; это все. Интересно, что у Репина среди десятков грубо реалистических картин есть два-три полотна, приближающиеся к новому направлению [13]. Больше других произвела на меня впечатление картинка — «Преходящее» [14]. Перед зрителем ствол березы, начиная так с двух аршинов от корня и до первых мелких веток; крупные ветви образуют сеть (широкую) картины; фон ее — вечереюще-осенний лес, чуть тронутый первой желтизной; внизу у левого угла видна головка юной, очень юной девушки, идущей по лесу. Преходящее! И красота лета проходит; пройдет, пройдет и очарование юности. Все проходит. Это недурная картина. Удивило меня полотно «Борьба за существование» [15] — плохое подражание виденной нами с Тобой «Погони за счастьем» [16]. Но, впрочем, будет об «Опытах». Если я столько написал о них, то лишь потому, что на душе серо и туманно. Прости скучное письмо.

Твой Валерий Брюсов.

Эпиграмма об исполнении Шейлока Мочаловым (из «Молвы» за 1835 г.)

Чем же кончить нам разбор?
Из кулис Мочалов вышел,
Из терпенья зритель вышел,
Из Шекспира вышел вздор [17].

P. S. Первый Ты роты или 2-ой?

[1] Строка из стих. Бальмонта «В час вечерний» (*Тишина*). Впервые опубл.: Наблюдатель. 1897. № 3 (под заглавием «Созвездия»).

[2] Брюсов пробыл в Петербурге с 5 по 12 января.

[3] Во время приезда А. Добролюбова в Москву летом 1898 г. Брюсов записал с его слов печальную историю, случившуюся с этой книгой: «Рукопись была сдана в типографию и уже набиралась. Но тогда в нем уже наступал разлад. Он долго боролся. Наконец, порешил, что печатать не для кого, слишком для немногих... Он отказался от печатания и уехал из Петербурга. Тут случилось нечто очень горькое. В типографии затеряли все его рукописи» (*Дневники*. С. 43).

[4] *Гиппиус Вл.* Песни. СПб.: Паровая скоропечатня «Надежда», 1897. В книгу вошли не только стихотворные, но и прозаические произведения.

[5] О визите Брюсова к Сологубу см.: *Дневники*. С. 27.

[6] Журнал «Север» 12 января сообщал: «Новый год ознаменовался в литературном мире Петербурга появлением целого ряда новых газет, возникших и все еще продолжающих возникать одна за другою. Так, в настоящее время, кроме прежних, пользовавшихся "монополией" газет, выходят: „Гласность" (А. П. Пятковского), "Ежедневная Газета Луч" (А. М. Вольфа), "Мировые отголоски» (К. В. Трубникова), "Русь" (В. П. Гайдебурова), "Народ" (Малышинского), "Утро" (И. А. Баталина) и некоторые другие. Разрешены, но еще не выходят: "Россия" (Г. П. Сазонова), "Родное дело"; "Русский труд" (С. В. Шарапова) и другие» (Север. 1897. № 2. Стлб. 63). Кроме того, в Петербурге появилось пять новых журналов: «Всемирная почта», «Жизнь», «Космополис», «Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки», «Театр и искусство». Большинство этих изданий вскоре прекратило свое существование.

[7] Драма английского писателя И. Баретта «Новый мир» была переведена на русский язык А. С. Сувориным. Ее шумный успех объяснялся необычайной роскошью постановки. Премьера состоялась 2 января 1897 г., роли исполняли Л. Б. Яворская, В. П. Долматов, З. В. Холмская. Брюсов был на спектакле 9 января (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.14. Л. 12).

[8] Драма «Новый мир» вышла в свет в 1895 г. почти одновременно с романом Г. Сенкевича, а потому вряд ли она написана в подражание «Quo vadis». Возможно, что это замечание Брюсова было подсказано рецензией на драму, в которой утверждалось, что «автор в значительной степени пользовался „Quo vadis" Сенкевича, где именно попадаются рельефные характеристики деятелей эпохи» (Новости, 1897. № 3. 3 янв.).

[9] «Выставка опытов художественного творчества русских и иностранных художников и учеников», организованная по инициативе И. Е. Репина Обществом поощрения художеств,

открылась в декабре 1896 г. и была закрыта в январе 1897 г. Отзывы о выставке см.: Север. 1897. № 3. 19 янв.; Живописное обозрение. 1897. № 4. 26 янв.

[10] Имеются в виду эскизы Васнецова, сделанные для росписи Владимирского собора в Киеве. На выставке были представлены наброски к картине «Преддверье рая». Иначе оценены Брюсовым работы художника в письме к Е. И. Павловской (*Тетради*, п. 56).

[11] Ученик Академии художеств Н. Ф. Рост демонстрировал свои полотна «Элегия», «Andante», «Скучный день», «Сон в Венеции», «Рассвет».

[12] Речь идет о картинах М. В. Якунчиковой «Лебеди», «Утки», «Окно», «Две дороги», «Весло».

[13] На выставке были представлены тридцать четыре картины Репина. Полотнами, близкими «новому направлению», видимо, можно считать «При свете луны», «При свете лампы», «Муза».

[14] Картина «Преходящее» принадлежит кисти А. Я. Головина.

[15] Полотно «Борьба за существование» написано художником В. А. Поярковым.

[16] Картина Жоржа Рошгросса «Погоня за счастьем». Журнал «Живописное обозрение» в расширенной подписи к репродукции этой картины сообщал: «На выставке французских художников, бывшей в минувшем декабре месяце в Петербурге ⟨. . .⟩ и перевезенной ныне в Москву, обращала на себя всеобщее внимание новая большая картина известного французского художника Ж. Рошгросса "В погоне за счастьем" . . . Картина эта интересна как по своему содержанию, так и по исполнению, и бесспорно занимала одно из самых видных мест, возбуждая споры и разговоры среди знатоков и любителей живописи ⟨. . .⟩ За призраком счастья гонятся все сословия, тут и грустный рабочий, и идеалист-поэт, и мать семьи, и кафешантанная певичка, и труженик, и яхт-клубист; все простирают руки к летящим в пространстве призракам счастья» (1897. № 1. С. 17).

[17] В эпиграмме идет речь об исполнении Мочаловым роли Ричарда III, а не Шейлока. Брюсов ошибочно объединил материалы двух соседних заметок журнала «Молва» (1835. № 4. С. 71), посвященных постановке шекспировских пьес. 18 января 1835 г. П. С. Мочалов сыграл в свой бенефис главную роль в трагедии «Жизнь и смерть Ричарда III». Через некоторое время московский зритель должен был увидеть еще одну шекспировскую пьесу: в феврале М. С. Щепкин намеревался в день своего бенефиса выступить в роли Шейлока в «Венецианском купце». Отмечая эти театральные события, «Молва» вслед за заметкой некоего С. Ш. «"Венецианский купец" на московской сцене» поместила рецензию "О бенефисе г. Молчанова и о прочем", подписанную псевдонимом ur-ur-ur. Рецензия эта кончалась эпиграммой "Чем окончим наш разбор?" Следует указать, что в основу своей эпиграммы неизвестный положил текст А. И. Писарева, осмеявшего драматурга А. Г. Ротчева, в переделке которого в сезон 1827 г. шла трагедия Шекспира "Ромео и Юлия" (текст см.: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. М., 1975. С. 370). В августе 1899 г. Брюсов, собирая материалы для статьи о Баратынском для "Русского архива", просматривал старые журналы. Эпиграмма на Мочалова из «Молвы» вновь привлекла его внимание, и он выписал ее в свою черновую тетрадь (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.22. Л. 42).

37. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Москва.⟩ 15 янв⟨аря⟩ 18⟨97⟩ г.

Друг мой!

Волею Зевеса я уже нахожусь в Москве — как, зачем, не хочется писать. Нового в моей жизни нет ничего [1], а если что и можно выудить, то напишу после. Теперь же посылаю Тебе просьбу и жду от Тебя услуги. Не можешь ли Ты, друг мой, ссудить мне на время свое издание Тютчева. Как Тебе известно, у меня было свое подобное, но в недобрый час я подарил его одной поэтической девице [2]. Теперь же это издание (в Москве и Петербурге, по крайней мере) *совершенно распродано*. Мне же оно необходимо для моей «Лирики» [3]. Взамен Твоей книги я дам Тебе Тютчева в издании «Русского архива» (1888 г.) [4], где помещены все стихотворения, кроме переводных. В будущем, впрочем не очень скоро, я возвращу Тебе Твою книгу. Друг мой! Если Ты согласишься на эту временную мену, Ты мне окажешь великую услугу — иначе я принужден буду просить назад свой подарок у особы, с которой и встречаться-то более не желал бы. Если Ты можешь дать мне Тютчева, то напиши мне, пожалуйста, где у Тебя книга — в Киеве или в Москве. Я жду ответа.

Тысячу тысяч извинений, что наполнил письмо только просьбами, но дело в том, что я расстроен; надо и нет. Горько.

Твой Валерий Брюсов.

К письму приложено стих. З. Н. Гиппиус «Единый раз вскипает пеной...» (*СВ*. 1896. № 12).

[1] Вскоре после возвращения из Петербурга Брюсов записал в дневнике: «Опять мрачно-бесцветная жизнь. История лирики, отцы церкви, Библия — вот все...» (*Дневники*. С. 28).

[2] По всей видимости, идет речь об издании, предпринятом по инициативе вдовы поэта Э. Ф. Тютчевой: Сочинения Ф. И. Тютчева: Стихотворения и политические статьи. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно. 1886. Свою книгу Брюсов подарил Е. И. Павловской (см. запись в дневнике от 17 января 1897 г.— *ГБЛ*. Ф. 386, 1.14/1. л. 11об.). Ср.: *Тетради*, п. 58, прим. 2.

[3] Сочинения Ф. И. Тютчева были, очевидно, необходимы Брюсову не только для работы над «Историей русской лирики», но и для статьи «К вопросу о тексте Тютчева (по поводу предстоящего нового издания сочинений Тютчева)», которую он закончил 28 января 1897 г. В этой статье Брюсов, в частности, писал: «Только лицам, сравнивавшим различные издания Тютчева, известно, насколько вообще не установлен текст его произведений. Есть стихи, которые каждый издатель печатает по-своему. В этом отношении очень поучительно сравнение двух изданий, вышедших одновременно в 1886 г., московского (издание «Русского архива») и петербургского» (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.9. л. 8). После дополнительного редактирования Брюсов озаглавил указанную статью «О собрании сочинений Ф. И. Тютчева» и поместил ее в «Русском архиве» (1898. № 11). История этой публикации, положившей начало сотрудничеству Брюсова и П. И. Бартенева, изложена Н. С. Ашукиным в книге «Литературная мозаика» (Московское товарищество писателей, 1931).

[4] В 1888 г. в издании «Русского архива» Тютчев не выходил. Он издавался П. И. Бартеневым в 1883, 1886 и 1899 гг.

38. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

Киев, 17/I. (18)97 г.

Друг мой!

Благодарю тебя за письмо, хотя оно возлагает на меня тяжелую обязанность отвечать тебе. На чем остановить твое внимание при тех условиях, в которых я нахожусь? — Внутренний мир, быть может? Но я убедился, что и этот мир не всегда есть неотъемлемое достояние человека. Выехав из Москвы, я вывез с собой некоторый запас мыслей, требующих обработки, и как только вступил на порог училища, у меня их точно отшибло. Хорошо еще, что я не потерял способности понимать и ценить прекрасное. А именно: здесь попали мне под руку отрывки из «Потонувшего колокола» — 1-ая и 2-ая сцены, напечатанные в переводе Буренина в «Новом времени» (по субботам в приложениях) [1].

Мы вместе с тобой восхищались замыслом Гауптмана, но вероятно, вместе будем и негодовать на исполнение. В первой сцене я ожидал сельского праздника по случаю поднятия колокола и изображение высоко трагического момента падения его в воду. И что ж? — Вместо этого автор переносит нас прямо в горную долину в общество леших и колдуний, куда затем приползает кузнец Генрих и заявляет, что он упал, устал, заблудился и т. п. Ужасно!!

Вторая сцена недурна. Это сцена Гейнриха с Раутенделейн. Она исполнена неги чарующей и забвения всего земного. Вводимые сюда комические персонажи цирюльника, учителя и пастора не заставляют смеяться. Что будет дальше, не знаю. Во всяком случае, я разочарован началом. Перевод Буренина недурен и стих бывает «то в яме, то на кочке» [2] сравнительно редко. Знаешь ли ты, что «Мертвые корабли» [3] не более как деланная, бьющая на дешевый эффект пиеса, лишенная какого бы то ни было единства? Что твоя «История»? [4] Я, конечно, ничего не пишу, да и к лучшему; что можно срифмовать здесь?

Как поживает Фриче и почему он мне ничего не пишет? Сообщай мне и впредь все, что вокруг тебя. Все это очень интересно. По мере сил буду отвечать тебе.

Твой А. Курсинский.

20 января.

Тютчев у меня здесь. Бандеролью переслать его нельзя, так как есть надписи. Сообщи, как это сделать. Постараюсь выслать тебе его, но имей в виду, что в то время, когда бывает открыта почтовая контора, я не могу выходить из училища.

Твой А. Курсинский.

[1] Сказка-драма Гергарта Гауптмана «Потонувший колокол» печаталась в субботнем приложении к газете «Новое время» с 11 января 1897 г. (№ 7498) по 15 марта (№ 7560).

[2] Цитата из поэмы Пушкина «Домик в Коломне» (VI строфа).
[3] См. п. 27, прим. 19.
[4] Имеется в виду «История русской лирики».

39. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Москва.⟩ 16 февраля ⟨18⟩97 г.

«Моему поведению относительно Тебя нет имени, во всем объеме и силе этого выражения, и я поистине отчаиваюсь в возможности объяснить свое молчание. Это проклятое молчание тяготит меня, как кошмар, оно меня душит, давит. Чтоб устранить его, достаточно было бы весьма малого движения руки, но до сей минуты мне не удавалось разогнать чары. Я аполог, притча, предназначенная к тому, чтобы наглядно показать, как всякая вина носит в себе самой подобающее наказание».

(Из письма Ф. Тютчева от 2 мая 1836 г.)[1].

Прочти это, друг мой, и извини меня.

Твой Валерий Брюсов.

[1] Приведен с неточностями и большими пропусками отрывок из письма Ф. И. Тютчева к И. С. Гагарину (*РА*. 1879. № 5. С. 118—119). Цитатой из того же письма Брюсов оправдывался за свое долгое молчание и в письме к В. К. Станюковичу от 5 марта 1897 г. (см.: *ЛН*. Т. 85. С. 744).

40. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

Москва. 16 марта 1897 г.

...И молча мне больно
И сердце обиды людские шутя переносит...
Довольно! довольно!

Нет. Эти стихи прежде всего бессильны. Не они заглянули вглубь.

Довольно! Довольно!

Душа отстрадала и только забвения просит[1].

Как просто — «забвения», как детски просто. О, Гамлет! Гамлет! «Простым ударом шила»[2] — нельзя решать вопросов.

Мы звали духа искусителя,
Но нам и Дьявол не помог[3].

Приходишь в университет, чтобы видеть презирающих и завидующих[4]. Возвращаешься домой к неизменной и самодовольной прозе. Встречаешь и «друзей», но «голос их доходит из другого мира»[5] И поэзия...

Восторгов не даст вдохновенье
Не за них поклоняюсь мечте[6].

Нет цели. Это — мучительнейшее. Блуждать, чтобы оплакивать,— и сознавать бесплодность этих слез. Говорить бессильными словами, смеяться ненужным смехом. То наступает спокойствие. Ты называл себя «жрецом печали», «несменным»[7]. Детское. Не Бальмонт ли прославлял мертвый покой[8]. Непонятое.

Мы успокоились давно,
Надежды нет и нет раскаянья,
И, полны тихого отчаянья,
Мы опускаемся на дно[9].

Прощай.

Твой Валерий Брюсов.

Довольно близок по тексту к настоящему письму черновик письма к Бальмонту, датированный 14 марта 1897 г. (*Тетради*, п. 60), и к Е. И. Павловской от 29 марта 1897 г. (Там же, п. 62).

[1] Цитируется стих. К. М. Фофанова «Так полно, так полно...»

[2] Цитируется монолог Гамлета «Быть или не быть» в переводе П. П. Гнедича: «Покой и мир найти — одним ударом простого шила!» (Гамлет принц Датский: Трагедия в пяти актах В. Шекспира. М., 1892. С. 26). В 1897 г. Брюсов составил план книги «Литературные опыты», куда должна была войти статья «Гамлет» (см. обложку черновой тетради № 35 — *ГБЛ*. Ф. 386, 3.13). По всей видимости, для этой цели и был написан в начале 1898 г. критический очерк «Старый крот Гамлета», который кончается следующим любопытным признанием: «По намекам драмы можно восстановить всю юность Гамлета и те горькие дни, когда вызванный внезапным известием о смерти отца он вернулся в Данию и нашел, что престол, который он считал своим, уже занят. То были дни горьких размышлений, одиноких прогулок, дни любви с Офелией... Этот период мог бы дать сюжет для новой драмы о Гамлете; когда-то меня прельщала мысль вступить в состязание с Шекспиром, когда-то...» (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.14. Л. 30—31об.). Замысел трагедии «Гамлет» относится к 1894 г. В черновую тетрадь № 13 (июль-август 1894 г.) вписано заглавие, посвящение и начало текста трагедии: «Гамлет» — трагедия в 5 действиях. (Посвящаю, конечно, Шекспиру, как брат брату)» — *ГБЛ*. Ф. 386. 2.14. Л. 27об.— 34об. и 2.16. Л. 12об.— 13; 19—19об. и план той же трагедии, относящийся к началу 1896 г.,— 3.4. Л. 48. См. также: *Страшкова О.* Брюсовские замыслы «античной» и «шекспировской» трагедии // В. Брюсов: Проблемы мастерства. Ставрополь, 1983.

[3] Неточная цитата из стих. Д. С. Мережковского «Спокойствие» («Мы близки к вечному концу...» — *СВ*. 1897. № 2).

[4] В начале 1897 г., после выхода «Me eum esse», отношения Брюсова с сокурсниками и преподавателями сильно осложнились. 11 марта 1897 г. он записал в дневнике: «Жизнь идет довольно горько. Мало веры в себя, нет целей, прошлое темно. В университете тяжелые столкновения. Герье говорит: — Я видел Вашу новую книжку. Может быть, это достаточно, чтобы называться поэтом, но недостаточно, чтобы быть историком» (*Дневники*. С. 28).

Примерно в это же время в черновую тетрадь № 30 внесено следующее примечательное стихотворение:

Не время ль нам промолвить символизму
Свое «адьё». Урок, он был хорош,
Он показал вселенную сквозь призму.
Но всяк предел — нелепейшая ложь.

Нельзя служить какому-либо «изму».
Поэзия — одна. Когда поймешь
Такую истину, то перестанешь, право,
Хвалить успех и бредить краткой славой

(*ГБЛ*. Ф. 386, 3.9. Л. 49).

[5] Цитата из книги М. Метерлинка «Сокровище смиренных»: «Они там, почти по ту сторону жизни...» (*Метерлинк М.* Полн. собр. соч. М.: В. М. Саблин, 1905. Т. 3. С. 17). Книгу Метерлинка «Le trésor des humbles», тогда еще не переведенную на русский язык, Брюсов цитировал неоднократно. См., например, записную тетрадь № 39 (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.19. Л. 19). 15 марта 1897 г. он отметил в дневнике: «Чем я занят теперь? ⟨. . .⟩ Задумано: Драма "Марина Мнишек", "Атлантида" и перевод Метерлинка "Le trésor"» (*Дневники*. С. 28).

[6] Из стих. Брюсова «К прошлому», написанного 23 января 1897 г. (III, 243).

[7] См. п. 21, прим. 3.

[8] Имеются в виду следующие строки Бальмонта из стих. «В этой жизни смутной...» *(В безбрежности)*:

Радость совершенства
Смешана с тоской.
Есть одно блаженство —
Мертвенный покой.

[9] Последняя строфа из упомянутого выше стих. Д. С. Мережковского «Спокойствие» (см. прим. 3).

41. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

Киев [1], 2 сентября ⟨18⟩97 г.

Был в соборе св. Владимира... Ты не прав, друг мой! [2] Я видел в Берлине Боттичелли [3]. Может быть, храмы, расписанные им, выше,— но только они. Всмотрелся ли Ты в «Воскрешение Лазаря» — Сведомского? Марфа пала ниц в раскаяньи, на всех лицах — ужас, удивление; одна Мария на коленях с восторженным взором, с просветленным лицом. «Да разве могло быть иначе!» — говорит ей сердце. О, как она гордится своим Христом, как любит его! — А бог, осеняющий всех, в куполе! [4] Нет, друг мой. Vedere Napoli... [5]

Твой Валерий Брюсов.

P. S. Получил ли мое открытое письмо [6].

К письму приложено стих. «Звезда морей», вошедшее в *TV* (I. 216).

[1] Осенью 1897 г. Брюсов ездил в Сорочинцы проститься с умиравшей Е. И. Павловской. На обратном пути он посетил Киев.

[2] По всей видимости, перед поездкой Брюсов советовался с Курсинским о том, что следует осмотреть в Киеве, и тот невысоко оценил отделку собора Св. Владимира. Роспись собора заняла около десяти лет и была закончена в августе 1896 г. В ней принимали участие В. М. Васнецов, М. В. Нестеров, П. А. Сведомский и В. А. Котарбинский.

[3] Брюсов совершил поездку в Германию летом 1897 г. В тот год в картинной галерее Берлинского музея экспонировались следующие полотна Сандро Боттичелли: «Св. Себастиан», «Портрет Юлиана де Медичи», «Венера, «Мадонна с младенцем и ангелами», «Мадонна на престоле с младенцем и обоими Иоаннами», «Портрет молодого человека» и «Портрет молодой женщины». В апреле 1903 г. Брюсов после поездки с женой во Францию записал в дневнике: «На пути "туда" были в Кельне,— оттуда в Берлине. Я вновь увидал мою любимую Венеру Боттичелли. О "Грезы юности!" О любимая!» (*Дневники*. С. 132).

[4] Гигантское поясное изображение благословляющего мир Христа выполнено Васнецовым.

[5] Подразумевается итальянская пословица «Vedere Napoli e poi morir», — «Увидеть Неаполь — и потом умереть».

[6] В архиве Курсинского (*ЦГАЛИ*. Ф. 1223. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 12) сохранилось открытое письмо со стих. Брюсова «Мы встретились с нею в пустыне...» (I, 200; под заглавием «Памяти Е. И. П.»), сопровождаемое краткой припиской: «Блуждаю, друг мой, там, где "некогда бродил ты", в местах твоей ссылки. И — сказать ли —

Изгнание твое пленяет втайне очи...

Твой Валерий Б. (Киев, 1 сент. 97)».

В письме неточно процитировано послание Пушкина «К Овидию» (1821).

42. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Москва.⟩ 26 сентября ⟨18⟩97.

«До свиданья» сказал я мечтам,
Я пожал на прощанье им руки,
И ушел по пустынным полям
К отдаленному Замку Разлуки.

Но осенний, лепечущий лес
Обольстил по пути мою душу,
Я любуюсь на глуби небес
И боюсь, что обеты нарушу [1].

Стихи плохи, но и Эпиталамия [2] не из лучших Твоих набросков. Уповаю видеть Тебя (и Фриче) в воскресенье [3]. Приезжайте, если можно *раньше* двух часов, к нам, на Цветной [4].

Твой Валерий Б.

[1] Стихотворение публикуется впервые.

[2] Эпиталаму, написанную Курсинским на свадьбу В. Я. Брюсова и И. М. Рунт, см.: *ГБЛ*. Ф. 389. 1.1.

[3] А. А. Курсинский и В. М. Фриче были шаферами на свадьбе Брюсова. И. М. Брюсова вспоминает: «28 сентября 1897 г. мы венчались в Ховрине. Валерий Яковлевич, страшный враг всяких обрядов, согласился на венчание только для успокоения родителей» (*Ашукин*. С. 114).

[4] В доме № 24 (№ 22 по современной нумерации) на Цветном бульваре Брюсов жил до осени 1910 г.

43. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Москва.⟩ 30 янв⟨аря 18⟩98

Друг мой!

Я не могу отделаться от чувства виноватости перед Тобой. Поговорим совершенно открыто и откровенно. Конечно, я могу найти те деньги, которые Тебе нужны, но откуда.

1) Могу попросить у матери. Но она так много сделала для нас (в денежном отношении) во время моей болезни [1], что обращаться к ней вновь с просьбой мне очень и очень неловко. Кроме того, я знаю, что у нее деньги на исходе, потому что получает она деньги (% % на капитал моих сестер) два раза в год, в *марте* и *сентябре* [2].

2) Могу просить у своих знакомых. Но всех моих личных знакомых знаешь и Ты; ни с кем из них я не близок. Разве один Ланг, с которым за последнее время у меня отношения сомнительные; обратиться к нему, право, нелегко, да и не очень верно.

3) Из тех денег, которые я получаю как доход с полдома (100 рублей в месяц) [3] уделить ничего не возможно — нам их только-только хватает на прожи-

тье, особенно теперь с расходами на доктора и лекарства. В начале месяца я еще мог бы уделить что-нибудь, но эти деньги мне необходимо нужно будет получить обратно к середине месяца, а Тебе деньги нужны на больший срок.

4) Могу заложить свои часы. Но Ты понимаешь, что эта мера крайняя,— да и придется все рассказывать жене.

Вот, кажется, все пути, откуда я могу получить деньги [4]. Если Ты непременно хочешь, я могу прибегнуть к ним, но если Ты найдешь иную возможность поправить свое дело, Ты избавишь меня от многих неприятных минут и горьких разговоров.

Твой Валерий Брюсов.

[1] В дневнике Брюсова от 18 января 1898 г. запись : «Я лежал в постели и жалко сидел в кресле. Доктора называют это "плеврит с экссудатом"» (*Дневники*. С. 32), а через десять дней он отмечает: «Курсинский и его просьба» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.15/1. Л. 7об.).

[2] Мать *Брюсова* — Матрена Александровна (рожд. Бакулина, 1846—1920) после смерти своего свекра Козьмы Андреевича *Брюсова* (1808—1893) получила опеку над капиталом, оставленным в наследство сестрам поэта — Н. Я., Е. Я. и Л. Я. Брюсовым (документы об опеке см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 140.32).

[3] После смерти деда Валерий Яковлевич и его младший брат Александр Яковлевич (1885—1956) получили в наследство по половине дома на Цветном бульваре.

[4] Как следует из письма Брюсова к Курсинскому от 28 января 1898 г., Валерий Яковлевич обращался за помощью и к отцу: «Друг мой! от отца я получил письмо, которое здесь прилагаю. Кажется, мне не удается изобрести ничего, чтобы помочь Тебе. Если бы еще я не был "в заточении", я, может быть, и мог бы что-нибудь предпринять, а теперь я совсем бессилен.

Твой Валерий Брюсов» (*ЦГАЛИ*. Ф. 1223. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 19).

Записка Якова Козьмича дает некоторое дополнительное представление о материальном положении семьи Брюсовых в то время, поэтому есть смысл привести ее полностью: «Валерий! Ты знаешь, что у меня наличных денег нет, и получаю я не раньше 6-го или 8-го числа, и то мне нужно платить по разным счетам, а сейчас денег ни одного сантима. Я. Брюсов» (Там же. Л. 20).

44. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

18 апреля ⟨18⟩98. Ялта.

Четкие линии гор,
Бледно-неверное море...[1]

Ах, друг мой! Должно быть, теперь я смотрю на все это другими глазами. Здесь хорошо.— И море, которое плещется и пенится у влажных камней, и белые чайки, и бесформенные дельфины в волнах; а потом горы, с потоками, прыгающими по камням, с разбитыми в брызги водопадами, с узкими тропинками вдоль каменных утесов над пропастью...

Здесь хорошо. Нам посчастливилось найти комнату, окна которой выходят прямо на море. Отдернешь занавеску,— и видишь даль, бесконечную, уходящую, искристую. Белый парус на горизонте. А всю ночь море шумит под окном, набегает, плещется. Выйдешь на балкон,— видны кипарисные аллеи, сады из олеандров и магнолий, домики татар, лепящиеся по каменистым склонам, дворцы с белыми колоннами в зелени. Вдруг свисток,— и тяжелый пароход плывет от мола, тянется дым, в волнах отражение, за ним блестящий след и пена у кормы. Совсем как на картинках.

Вчера с камня на камень я пробрался на самую середину водопада, сел там на уступе и слушал. Водопад ревел и выше и внизу, пенился на тех же местах, где и тысячу лет назад. Голос был не слышен в этом реве, тяжелые камни увлекались потоком. А там, за деревьями, высились отточенные хребты Яйлы. Нет! природа хороша для человека, можно любить ее [2].

Твой Валерий Брюсов.

12 апреля 1898 г., после почти двухмесячной болезни, Брюсов вместе с женой и отцом отправился в Крым. Это и следующее письмо адресованы матери Курсинского в Москву, поскольку он сам находился в это время в военных лагерях в Ярославле. В письмо вложена записка: «Многоуважаемая Ванда Андреевна! Надеюсь, Вы не рассердитесь, что я не пишу Вам отдельного письма. Мне пришлось бы повторить, что я сказал Саше. Если Вас интере-

КРЫМСКИЙ ПЕЙЗАЖ
Акварель М. А. Волошина
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

суют мои впечатления. Вы их найдете в том письме. Саши, вероятно, уже нет в Москве, так что Вы будьте добры переслать ему мое письмо. Уважающий Вас Валерий Брюсов. Мой привет Антону Адамовичу».

[1] Начало стихотворения без заглавия, вошедшего в *МЕЕ* (I. 111).

[2] 15 апреля 1898 г. Брюсов записал в дневнике: «Буду учиться любить природу, и небо, и зеленое море, и берег с неподвижными кипарисами. Я пришел не проклинать, а любить» (*Дневники*. С. 35).

45. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Алупка.⟩ 23 апреля ⟨18⟩98 г.

Проделываю, друг мой, все, что подобает поэту и путешественнику: слушаю море, карабкаюсь на скалы, осматриваю разные развалины. Не я буду виноват, если и теперь не сумею «полюбить» природу. Жду от тебя письма. Наш адрес: Алупка, Таврической губернии, Ялтинского уезда, дача Шафарика.

Твой Валерий Брюсов.

К письму приложен цикл «Картинки», состоящий из четырех стихотворений: «Волны взбегают и пенятся...», «Звезда затеплилась стыдливо...», «У перекрестка двух дорог...», «Месячный свет электрический...». Все они вошли в раздел «У моря» сборника *TV* (I, 162—164). 22 апреля 1898 г. Брюсов отметил в дневнике: «Написал "Картинки Крыма", четыре стихотворения, приготовленные со всей возможной благопристойностью» (*Дневники*. С. 35).

46. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

Адрес: Москва, Цветной бульвар, 4 июля ⟨18⟩98 г.

Друг мой!

Совсем стыдно с Твоей стороны не откликнуться мне ни одной строчкой. Неужели Ты так запечалился оттого, что остался военным? — Я бы, право, на

Твоем месте приспособился к обстоятельствам, стал бы Лермонтовым № 2 и написал нового «Героя нашего времени».

Что до меня, я сначала тосковал по Крыму, по морю, лаврам и пению муэдзина. Хорошо все-таки на Юге [1]. Но понемногу снова уловил я красоту наших чистых березок и заводьев рек, где ивы купают свои ветви, и всех этих тихих глубоких красок Севера. Хожу среди лип в цвету [2] и слагаю терцины [3]. Написал книжку о поэзии, которую писал давно; может быть, ее напечатаю [4]. Приступаю (о, очень торжественно) к роману [5].

Откликнись, друг! Я пришлю Тебе стихов и, конечно, это будет только мой обмен на Твои. А что «Хмурое небо», обещанное читателям давно, совсем давно [6], где, вероятно, встретил бы я и свой портрет? Жду письма длинного и отвечу не коротко.

Неизменно Твой Валерий Брюсов.

Это и следующее письмо адресованы в Ярославль, в лагерь Астраханского полка, где подпоручик Курсинский проходил службу, решив посвятить себя военной карьере.

[1] 9 июня 1898 г., вернувшись в Москву, Брюсов записал в дневнике: «Мы слишком скоро покинули юг, слишком рано... Как всегда, только покинувши, мы сознаем утрату. И как горько, и как обидно» (*Дневники*. С. 38).

[2] После возвращения с юга Брюсовы сняли дачу в Останкине.

[3] В июле 1898 г. написаны терцины «Глаза» («На берегу Мерцающих Озер...») — *КР*; I, 213.

[4] Имеется в виду, вероятно, книжка «О искусстве, начатая осенью 1897 г. и вышедшая в свет в 1899 г.

[5] На обложке записной тетради № 39 Брюсов набросал следующий план работ: «Что предстоит сделать прозой с июля 1898 г.: 1. Αυτοβ. (Автобиография. Моя исповедь). 2. О Тютчеве. 3. О г-же Павловой. Рассказы: 4. "Ложь". 5. "Елена". 6. „Юноша". Университет: 7. Кант. Работа над: 8. История русской лирики. 9. Учебник поэзии. 10. Учебник истории. Исправить: 11. Роман "Гора Звезды". Написать: 12. Большой роман о Городе. Кончить: 13. Статью "О искусстве". 14. Теория искусств по Баратынскому. 15. "Проездом"» (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.19. Л. 59). Этот план Брюсову реализовать не удалось, так, например, рассказ «Проездом», получивший позднее заглавие «Проездом у учителя», не был завершен, а большой роман о городе, который Брюсов собирался писать на московском материале, так и не был начат. Летом следующего года вместо него был намечен «Путеводитель по Москве», но и этот замысел остался нереализованным (см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 3.20. Л. 54).

[6] Роман «Хмурое небо» (см. п. 26, прим. 6) анонсировался в сборнике Курсинского *Полутени*.

47. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Москва.⟩ 10 июля ⟨18⟩98 г.

Друг мой!

Ты, конечно, уже знаешь, что я был у Твоих, на Бутырках [1]: читал кое-что из Твоих писем. Жду Тебя в скором времени в Москву [2], а потому никаких унылых вопросов не подымаю. Вот Тебе разные новости.

Журнал Облеуховых [3] будет выходить еженедельно, в формате польского «Kraj» [4]. В нем будут две половины — политическая и литературная, и центр тяжести будет на литературной. Рассчитывать на него, как на пристанище, не следует [5].

Фриче и Коган печатают статьи в «Русской мысли» [6]. Коган доказывает в своей статье, что Гейне был хороший поэт; этот хороший поэт проделывает в статье удивительные вещи: например, неоднократно «изливает на врагов свою желчь». Есть в статье стихи, переводы выбраны плачевные, где встречаются «гладкие дамы», кажется, в смысле «изящные» [7]. В статье Фриче (о Леопарди) тоже есть стихи, «переведенные специально для этой статьи» каким-то господином [8], но прескверно переведенные.

Книг Бальмонта не появлялось, и у Облеуховых злобно острят по этому поводу.

«Северный вестник» находится при последнем издыхании [9] (еще не появлялось июньской книжки). «Наблюдатель» издох совсем [10]. «Русское обозрение» собирается выпустить мартовскую книжку [11]. Погибли газеты: «Мировые отго-

лоски» [12] и «Гласность» [13]. Погибает — «Шут» [14]. «Русские ведомости» [15] вышли из могилы, но они еще мертвенно бледны и обвиты пеленами (разумей цензуру).

Вот видишь сколько новостей. У нас упорно и неумолимо идет дождь.

Il pleut doucement sur la ville * [16].

Я занимаюсь переделыванием своих старых статей и романов [17] и перестройкой новых поэм, писанных в Крыму. Затем кончил статью о поэзии и все колеблюсь, издавать ее или нет...[18]

На обороте найдешь сонет (1-ый из венка сонетов, который написан не будет) [19]. Пока до свидания.

Всегда Твой Валерий Брюсов.

...Лунный лик, пронзая холод,
Блещет ярко, как кристалл...
Счастлив тот, кто смел и молод,
Я давно устал, устал .[20]

Текст аналогичного письма к Курсинскому с датой «9 июля, Останкино» имеется также в *ГБЛ* (Ф. 386. 71.41. Л. 46—47). По всей видимости, собираясь в Москву, Брюсов забыл письмо на даче и на следующий день восстановил его по памяти.

[1] См. п. 15, прим. 3.

[2] В дневнике Брюсова 13 июля 1898 г. записано: «Вчера приехал Курсинский, на два дня из лагерей. Время с ним тянулось вяло. В два часа не скажешь, что пережил за три месяца. Да и он все дальше затягивается в солдатскую жизнь. Почти жалею, что читал ему свои стихи. Он их не понял» (*Дневники*. С. 40).

[3] Речь идет о журнале «Знамя», который в 1899 г. издавался А. Д. Пустошкиной, а редактировался ее братом — Н. Д. Облеуховым. Текст письма от 9 июля (*ГБЛ*) подробнее в этом месте, нежели публикуемый: «Всем неограниченно распоряжается Николай Дмитриевич, который, как Ты знаешь, не благоволит на свете к двум поэтам — к Бальмонту и к Тебе. Журнал думают выпускать раньше января». В архиве Брюсова среди писем А. Д. Пустошкиной (*ГБЛ*. Ф. 386, 99.47) сохранился присланный ему проспект «Знамени». 11 июля 1898 г. Брюсов пометил в дневнике: «Был у Облеухова в Петровском-Разумовском ⟨...⟩ Николай Дмитриевич официально "приглашал" меня участвовать. Я изъявил согласие. "Что ж, такого сотрудника на полу не подымешь", сказал он, или что-то в этом роде» (*Дневники*. С. 40). Тем не менее сотрудничество не состоялось. Брюсова обидел отказ Н. Д. Облеухова напечатать стихотворения «Кассандра», «На новый колокол», «Есть для избранных...», «Ассаргадон» (см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 3.20. На обл.; *Дневники*. С. 58). 7 декабря 1898 г. накануне выхода журнала издательница вернула Брюсову по его «требованию и по приказанию Николая Дмитриевича» все имевшиеся рукописи, принадлежавшие как Брюсову, так и Курсинскому. В их числе была статья Брюсова «Русское стихосложение» (см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 3.20. Л. 25—42об.; 3.22. Л. 4об.—8об., 27, 28), ставшая позднее предисловием к «Собранию стихов» А. Добролюбова (см. п. 28, прим. 5).

[4] «Kraj» — польская политическая газета, издававшаяся в Петербурге с 1882 г. Э. И. Пильцем.

[5] Как издательница, так и редактор скептически относились к символистскому направлению в поэзии.

[6] Статья В. М. Фриче (*РМ*. 1898. № 6) — «Философия одной дворянской семьи (по поводу столетнего юбилея гр. Джакомо Леопарди 29 июня 1898 г.)»; статья П. С. Когана (Там же, № 4 и 6) — «Генрих Гейне. (К столетию со дня рождения)».

[7] Стих. Гейне «Черные фраки, чулочки...» цитируется в статье Когана в переводе П. Вейнберга. Брюсов имеет в виду последнюю строфу:

Мир вам, блестящие залы,
Гладкие дамы, мужчины!...
В горы! ... Оттуда взгляну я
Весело в ваши долины!...

[8] В статье Фриче приведены стих. Леопарди «Risorgimento», «Alla sua donna», «La vita solitaria» со следующим примечанием: «Все приводимые здесь стихотворения переведены специально для этой статьи П. А. Рождественским, которому приносим искреннюю благодарность за его любезность».

[9] Петербургский журнал «Северный вестник», издаваемый Л. Я. Гуревич, прекратил свое существование в 1898 г.

[10] Ежемесячный литературный и политический иллюстрированный журнал «Наблюдатель» издавался в Петербурге А. П. Пятковским с 1882 по 1904 г.

[11] Журнал «Русское обозрение», издаваемый в Москве А. Александровым, прекратился в 1898 г. на майской книжке.

---

* Над городом тихо накрапывает дождь *(пер. с франц. Б. Пастернака)*.

[12] Ежедневная петербургская газета «Мировые отголоски», издаваемая К. В. Трубниковым, закрылась в январе 1898 г.

[13] Ежедневная политическая, литературная, финансовая и юридическая газета «Гласность», издаваемая в Петербурге А. П. Пятковским, закрылась в апреле 1898 г.

[14] «Шут» — художественный журнал с карикатурами выходил в Петербурге с 1879 по сентябрь 1914 г.

[15] «Русские ведомости» — ежедневная газета, выходившая в Москве с 1863 по 1918 г. В 1898 г. издание было приостановлено цензурой (см.: Русская периодическая печать. М., 1959. С. 446).

[16] Слова, взятые Верленом для эпиграфа к стихотворению «Небо над городом плачет...» (переведено Брюсовым в первом выпуске «Русских символистов»; см. также: *Верлен П.* Романсы без слов. М., 1894. С. 10). Верлен указывает в качестве автора А. Рембо, но это, вероятно, мистификация, так как ни в одном из опубликованных произведений Рембо такой строки нет.

[17] Летом 1898 г. Брюсов перерабатывает написанный ранее роман «Гора Звезды» (опубл.: Фантастика 73—74. М., 1975), задуманный осенью 1896 г., рассказ «Легион и фаланга» (*ГБЛ*. Ф. 386, 3.6. Л. 23об.—24об.), а также книжку «О искусстве». 14 июля 1898 г. в дневнике поэта запись: «Измучил себя своими переделками статьи о искусстве. Теперь переживаю время горького бессилия» (*Дневники*. С. 40).

[18] Возможно, что речь идет о статье «Русское стихосложение» (см. прим. 3).

[19] На обороте листа стих. «Осенний скучный день...», озаглавленное в черновой рукописи: «Из венка сонетов. Сонет первый». Под заглавием «Тени прошлого» вошло без разночтений в TV (I, 215). К письму приложено также стихотворение «Весь день был тусклый, бледный и туманный...» (*TV*; I, 164).

[20] Приведена первая строфа стихотворения Брюсова, написанного 15 мая 1898 г. (*ГБЛ*. Ф. 386, 14.5/9. Л. 14). Опубл.: *Брюсовский сборник 1977*. С. 186.

48. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Москва.⟩ 30 XII 1898 г.

Друг мой!

Пятого числа (5 янв.) будет у меня Бахман и Дурнов [1], тот, кто рисовал птиц на безбрежности [2]. Приходи, если можешь. А 2-го я боюсь, что Ты заскучаешь, ибо философ Лапшин [3] не очень интересный мудрец. Впрочем, как знаешь; у него есть дочь, которой 14 лет; и она будет. Мы-то во всяком случае видеть Тебя рады.

Твой Валерий Брюсов.

[1] В дневнике Брюсова отмечено: «Пятого января устроил я у себя вечер, где собрались поэты: Бахман, Бунин, Дурнов, Курсинский, Саводник, Ланг... ⟨...⟩ — Мы так одиноки,— вздыхал Бахман,— что иметь возможность говорить о поэзии уже счастье» (*Дневники*. С. 59). 7 января 1899 г. Курсинский писал Брюсову: «Я без скуки провел у вас тот вечер, однако... признаюсь, былые "Четверги" были много уютнее, впрочем, может быть, это только первый блин. Что-то мало жизни ощущается у этих поэтов, которые были у тебя, конечно, за исключением Ал. Ал. Ланга» (*ГБЛ*. Ф. 386, 91.25. Л. 23).

Модест Александрович *Дурнов* (1868—1928) — художник, архитектор и поэт, ученик Верещагина, друг Врубеля, Серова и Поленова. Вместе с Брюсовым, Бальмонтом и Коневским участвовал в «Книге раздумий» (СПб., 1899). Ему принадлежит рисунок на шмуцтитуле сб. «Tertia vigilia». В советское время — профессор ВХУТЕМАСа, один из авторов генерального плана «Большой Москвы».

[2] Имеется в виду обложка сб. К. Бальмонта *В безбрежности*, выполненная Дурновым.

[3] Иван Иванович *Лапшин* (1870—1948) — в те годы приват-доцент Петербургского университета по кафедре философии. После визита Лапшина Брюсов записал в дневнике: «Был у нас мудрец Лапшин, говорил изречения вроде: "Поэты, Пушкин — так это, ведь, скоморохи"» (*Дневники*. С. 59).

49. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

21 марта ⟨18⟩99 г., Петербург.

Друг мой!

Прости, что давно не заговаривал с Тобой. Предавался весь лекциям и учебникам [1]. Истомился, измучился. И возмутился духом. Чтобы хотя мгновение вздохнуть, уехал [2]. Опять блуждаю по Невскому, опять беседую с quasi поэтами.

Их несколько, несколько,
Как они извиваются,
Как кривляются,
Но без толку, без толку [3].

К. М. ФОФАНОВ
Фотография. 1903
Литературный музей, Москва

Был небольшой soirée * у Бальмонта [4], был у Случевского [5]. Все то же, все опять то же. Встречался несколько раз с тем же Мережковским, и он даже словно пытался беседой загладить свои слова в тот день, но это уже было менее интересно [6]. Видел Фофанова, но то было мучительно [7]. Когда вернусь, попробую опять взяться за лекции, не знаю удастся ли, хватит ли воли, много надо ее на это. Зайди, друг мой, к нам, буду очень рад повидаться [8].

Твой Валерий Брюсов.

P. S. Каков Твой адрес [9].

---

* вечер *(франц.)*.

[1] В эти дни Брюсов готовился к выпускным экзаменам в Московском университете.

[2] Брюсов находился в Петербурге с 18 по 22 марта. Он продолжал заниматься историей в поезде. 17 марта со станции Клин он пишет жене: «Пытался читать историю Соловьева. Старший сын Ярослава Изяслав владел Киевом и Новгородом; второй, Святослав, Черниговом и землями на Оке, Муромом; третий... нет, бросил...» (*ГБЛ*. Ф. 386, 142.11. Л. 5). А из Твери в тот же день пишет ей же: «А русскую историю все-таки изучил до самого нашествия татар» (Там же. Л. 6).

[3] Набросок стихотворения, датированный в записной книжке «Мои стихи» сентябрем 1898 г. (*ГБЛ*. Ф. 386, 14.5/9. Л. 27об.).

[4] Вечер у Бальмонта состоялся 18 марта 1899 г. 19 марта Брюсов так описал его в письме к жене: «Были Мережковские, Андреевский, Случевский и др. Я читал "Огонь" Павловой, Добролюбова и Метерлинка "Если он возвратится"» (*ГБЛ*. Ф. 386, 142.11. Л. 11).

[5] «Пятница Случевского» 19 марта 1899 г. весьма подробно описана в дневнике (*Дневники*. С. 63—66).

[6] Зимой 1898 г., когда Брюсов, Бальмонт и Курсинский навестили заболевшего Мережковского, последний неодобрительно отозвался о брошюре Брюсова «О искусстве»: «Ее даже бранить не за что, в ней ничего нет. Я почти со всем в ней соглашаюсь, но без радости. Когда я читаю Ницше, я содрогаюсь до пяток, а здесь я даже не знаю, зачем читаю» (*Дневники*. С. 53). В марте 1899 г. Брюсов встречался с Мережковским дважды: 19-го и 20-го у Бальмонта и Случевского. 19 марта он писал И. М. Брюсовой: «Мережковский бегал на коротких ножках и вопил "банально". Зинаида Гиппиус говорила злые слова» (*ГБЛ*. Ф. 386, 142.11. Л. 12), а 20-го сообщал ей же: «Мережковский словно пытался загладить свое поведение со мной и все со мной заговаривал» (Там же. Л. 16).

[7] На пятнице у Случевского Фофанов, которого Брюсов увидел впервые, читал свою поэму. «Боже мой! что это была за поэма, 101 октава о бедном кантонисте, который переодевался девушкой... 808 наивнейших стихов! Все были убиты. И весь вечер был убит. Боже мой! неужели ж это он, тот Фофанов!» (*Дневники*. С. 65).

[8] Встреча состоялась в конце марта. В дневнике Брюсов отметил: «Курсинский на меня в обиде, спорил из-за Ореуса, читал мне свои плохонькие стихи и осуждал Китса; — Курсинский идеальнейший герой "Записок из подполья"» (*Дневники*. С. 67). Эту же характеристику он повторил в письме к А. А. Шестеркиной 7 июля 1901 г. (*ЛН*. Т. 85. С. 644).

[9] Письмо послано на адрес В. А. Курсинской.

50. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Алупка[1], 3 июля 1899 г.⟩ До 15-го адрес: Алупка, Крым, дача Шафарика.

Друг мой! «На обороте» — светописи[2], продолжение тех, что я писал в прошлом году. Больше не делаю ничего, не пишу, не мыслю, отдыхаю, качаясь на зыби природы.

Твой Валерий Б.

***P. S.* Сердечный привет всем Твоим.**

Датируется по штемпелю алупкинского почтового отделения на конверте.

[1] Брюсов приехал в Алупку 15 июня. В письме к отцу от 16 июня 1899 г. он сообщал:

Мы прибыли вчера благополучно.
В почтовом ехать было очень скучно.
У Ветцеля прекрасно ночевали,
Позавтракав, помчались морем дале,
На берега смотрели, как на сказку,
А в Ялте тотчас наняли коляску
(Чем ночевать — дешевле без уступки)
И в тот же вечер были мы в Алупке.
Блуждаем нынче по аллеям парка,
Уже купались (ибо очень жарко),
В жаре жалеем о погоде вешней
И радостно питаемся черешней.

(*ГБЛ*. Ф. 386, 142.9. Л. 1)

[2] В письме три стихотворения — «светописи» («светописью» в то время называли иногда фотографии), объединенные в цикл «Картинки Крыма»: «Кипит встревоженное море...», «Волны приходят и волны уходят...», «День растоплен; море сине...». Все они вошли в *TV* (I, 163, 165, 166). Стих. «День растоплен; море сине...» напечатано в Собр. соч. (I, 163) с датой 24 июня 1898 г. Настоящее письмо доказывает, что оно было написано годом позднее, а авторская датировка на рукописи и в *ПСС* (II, 51) ошибочна. (Кстати, 24 июня 1898 г. Брюсов уже вернулся с юга в Москву.)

51. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 7.VII.⟨18⟩99 г. Бутырки.

Друг мой, благодарю за письмо, которого, признаться, не ожидал. Несколько твоих строчек и симпатичные картинки Крыма, как бальмонтовский «Эдель-

вейса цветок», напомнили мне о безграничности мира [1]. Сижу в Бутырках [2], перевожу Маевского [3], у которого иногда встречаются в детском рассказе замечательные строчки. Пишу стихи, хотя не очень много, но все же и не по одному в год, как ты это склонен был думать. Не посылаю тебе их потому, что наперед знаю ту грустную гримасу, которую ты сделал бы, прочитав их. Но я уже не тот, что был прежде, не мечтаю о славе и не гонюсь за похвалами избранных. Атараксия — мой идеал, мое мировоззрение [4] и достижение ее — предмет моей внутренней работы над собой. О, с каким восторгом перечитываю я и сколько прежде не замеченного открываю теперь каждый раз в твоем «Me eum esse»! Друг мой, если бы ты мог сказать: «Me semper eum esse!» * Но, увы, этого никто не может. И мои звезды ночи не совсем согласны опустить свои ресницы [5]. Сознаешь ли ты, что «Хорошо одному у окна» [6] и эти звезды — лучшее из всего, что ты написал и, быть может, даже из всего, что многие написали.

Новый отдел моих стихов, начатый известным тебе «Сквозь туман холодных полутеней» и имеющий закончиться весьма нескоро, отдел, из которого каждая вещица теперь вызвала бы на твоих устах милую улыбку, со временем должен стать для тебя тем же, чем для меня в последние два-три месяца стали твои «Me eum». Но об этом когда-нибудь.

Дав новое направление своей работе, я в большом теперь затруднении, что делать со вчерашними вещами. У меня составился сборничек «На уклоне» (в него ввел я лишь 17 избранных вещей, в том числе известные тебе «При конце докучной повести», «Молчание», «Шквал», «Камень города», «Волна», «Встреча», «Осень», «Горный Дух» и пр.), есть совсем старая поэма «На развалинах» и перевод «Ulalume» [7]. Издать все это — и мало и все же неважно. Оставить до будущего — значит оставить совсем, так как к следующему сборнику их придать невозможно, а после него издать не имело бы смысла. Склоняюсь издать теперь же при первой возможности в материальном смысле, издать в ограниченном количестве для кружка близких и не пускать в продажу. А, может быть, ты мне посоветуешь другую комбинацию? Крупная вещь, о которой я тебе говорил [8], не подвинулась ничуть за неимением ни времени, ни спокойствия душевного. Надеюсь скоро видеть тебя в Москве. Быть может, даже у меня? Впрочем, знаю, как ты занят, и не смею настаивать.

Твой А. Курсинский.

P. S. Сердечный привет Жанне Матвеевне и всем Вашим [9], обретающимся там, где мятутся волны, как в плену. Друг... прости описку [10].

P. P. S. Мама поручает передать тебе и Жанне Матвеевне ее приветствие.

А. К.

ИЗ СТАРОГО

ВОЛНА

Ризой тонкосеребристой
Взоры страстные укрыв,
Я спешу стезей волнистой
На обманчивый призыв.

Тайну ласк алмазно-белых
Мне поведала луна...
Я дитя восторгов смелых,—
— Океанская волна! [11]

Такова ли она там у вас?

[1] Стих. К. Д. Бальмонта «Эдельвейс» *(Тишина)* заканчивается строфой:

И, помедлив, уйду с высоты голубой,
Не оставив следа на снегах за собой,
Но один лишь намек, белоснежный цветок,
Мне напомнит, что мир бесконечно широк.

[2] См. п. 15, прим. 3.

[3] См. вступ. ст., прим. 7.

[4] Атараксия — душевное спокойствие, невозмутимость. Стих. Курсинского «Атараксия» (сб. «Стихи») начинается строфой:

---

* Я всегда таков! *(лат.)*.

вейса цветок», напомнили мне о безграничности мира [1]. Сижу в Бутырках [2], перевожу Маевского [3], у которого иногда встречаются в детском рассказе замечательные строчки. Пишу стихи, хотя не очень много, но все же и не по одному в год, как ты это склонен был думать. Не посылаю тебе их потому, что наперед знаю ту грустную гримасу, которую ты сделал бы, прочитав их. Но я уже не тот, что был прежде, не мечтаю о славе и не гонюсь за похвалами избранных. Атараксия — мой идеал, мое мировоззрение [4] и достижение ее — предмет моей внутренней работы над собой. О, с каким восторгом перечитываю я и сколько прежде не замеченного открываю теперь каждый раз в твоем «Me eum esse»! Друг мой, если бы ты мог сказать: «Me semper eum esse!» * Но, увы, этого никто не может. И мои звезды ночи не совсем согласны опустить свои ресницы [5]. Сознаешь ли ты, что «Хорошо одному у окна» [6] и эти звезды — лучшее из всего, что ты написал и, быть может, даже из всего, что многие написали.

Новый отдел моих стихов, начатый известным тебе «Сквозь туман холодных полутеней» и имеющий закончиться весьма нескоро, отдел, из которого каждая вещица теперь вызвала бы на твоих устах милую улыбку, со временем должен стать для тебя тем же, чем для меня в последние два-три месяца стали твои «Me eum». Но об этом когда-нибудь.

Дав новое направление своей работе, я в большом теперь затруднении, что делать со вчерашними вещами. У меня составился сборничек «На уклоне» (в него ввел я лишь 17 избранных вещей, в том числе известные тебе «При конце докучной повести», «Молчание», «Шквал», «Камень города», «Волна», «Встреча», «Осень», «Горный Дух» и пр.), есть совсем старая поэма «На развалинах» и перевод «Ulalume» [7]. Издать все это — и мало и все же неважно. Оставить до будущего — значит оставить совсем, так как к следующему сборнику их придать невозможно, а после него издать не имело бы смысла. Склоняюсь издать теперь же при первой возможности в материальном смысле, издать в ограниченном количестве для кружка близких и не пускать в продажу. А, может быть, ты мне посоветуешь другую комбинацию? Крупная вещь, о которой я тебе говорил [8], не подвинулась ничуть за неимением ни времени, ни спокойствия душевного. Надеюсь скоро видеть тебя в Москве. Быть может, даже у меня? Впрочем, знаю, как ты занят, и не смею настаивать.

Твой А. Курсинский.

P. S. Сердечный привет Жанне Матвеевне и всем Вашим [9], обретающимся там, где мятутся волны, как в плену. Друг... прости описку [10].

P. P. S. Мама поручает передать тебе и Жанне Матвеевне ее приветствие.

А. К.

ИЗ СТАРОГО
ВОЛНА

Ризой тонкосеребристой
Взоры страстные укрыв,
Я спешу стезей волнистой
На обманчивый призыв.

Тайну ласк алмазно-белых
Мне поведала луна...
Я дитя восторгов смелых,—
— Океанская волна! [11]

Такова ли она там у вас?

[1] Стих. К. Д. Бальмонта «Эдельвейс» *(Тишина)* заканчивается строфой:

И, помедлив, уйду с высоты голубой,
Не оставив следа на снегах за собой,
Но один лишь намек, белоснежный цветок,
Мне напомнит, что мир бесконечно широк.

[2] См. п. 15, прим. 3.

[3] См. вступ. ст., прим. 7.

[4] Атараксия — душевное спокойствие, невозмутимость. Стих. Курсинского «Атараксия» (сб. «Стихи») начинается строфой:

---

* Я всегда таков! *(лат.)*.

Я надежды навек схоронил,
Я сроднился с покоем бесстрастным,
Что покойней покоя могил,
Охраняемых временем властным.

[5] Реминисценция из стих. Брюсова «Тайны мрака побледнели» (*MEE*; I, 127).
[6] Стих. «Хорошо одному у окна» вошло в *ChdO* (I, 87).
[7] Сб. «На уклоне» не вышел. Все указанные Курсинским стихотворения и поэма включены в состав сб. «Стихи». Перевод поэмы Э. По «Ulalume» опубликован в сб. «Сквозь призму души».
[8] Возможно, имеется в виду незаконченная поэма «Любовь», отрывок из которой напечатан в сб. «Стихи».
[9] Брюсов отдыхал в Алупке вместе с матерью, женой, братом и тремя сестрами.
[10] Курсинский обыгрывает строки «Волны взбегают упорные, // Мечутся, дикие пленные» из стихотворения «Месяца свет электрический...» (I, 164), посланного Брюсовым из Алупки (п. 45). Вместо «мечутся» Курсинский написал «мятутся».
[11] Стих. «Волна» вошло в сб. «Стихи».

52. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Москва, 5 августа 1899 г.⟩

Друг мой! мне обидно, что мы все никак с Тобой не можем встретиться, а за Твою неизменную память обо мне большое спасибо. Последние дни меня несколько завертел Бальмонт, но теперь я вновь принадлежу себе. Непременно постараюсь быть у Вас в пятницу вечером. Правда, часа в четыре *уже давно* обещал я ждать у себя Самыгина, но он очень занят, и к вечеру я буду свободен. Если же нет, я приглашу и его к Вам. Знаю, что Вы в отношениях не совсем дружелюбных, но он только что выпустил новую книгу рассказов [1], он как всегда живет и счастлив писательством, а все создатели слова должны подавать друг другу руку. В это я верю.

Всегда Твой Валерий Брюсов.

Датируется по почт. шт.

[1] После возвращения с юга Брюсов записал в дневнике: «Самыгин напечатал свою книгу "Цветы репейника", где собраны мне хорошо знакомые вещи, удачные замыслы, но мучительно плохо написанные рассказы ⟨...⟩ Курсинский, несмотря на отчаянную жизнь среди своих, у себя дома, "где как в домике мещан, все мучительно знакомо", словно немного более жив, пишет, думает что-то» (*Дневники*. С. 74).

53. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Москва, 5 сентября 1899 г.⟩

Друг мой!

Все эти дни Бальмонт совершенно завертел меня. Ездили мы куда-то в деревню венчать того литовского поэта, о котором я Тебе рассказывал, Юргиса Балтрушайтиса (венчался он тайно от родителей невесты) [1], потом дня два шатались по всем трактирам и вертепам нашей Москвы, потом неожиданно уехали на какую-то фабрику...[2] Сказать короче, жена моя совсем истосковалась, отыскивая меня и размышляя, где я [3]. Вот почему и к Тебе не приехал я, когда Ты был в Москве. Со мной ничего нового, разве то, что для солдат гг. исследующие доктора признали меня совершенно неспособным, и я освобожден навсегда. Даже грустно [4]. Напиши мне о своем житье, когда приедешь следующий раз, посети — теперь мы домоседничаем. Сообщи, каково Твое впечатление от книжки Самыгина? [5] Книга Ланга печатается [6]. О нашем сборнике [7] я ничего не знаю.

Твой Валерий Б.

Датируется по московскому почт. шт. Все письма Брюсова, начиная с этого письма до п. 56, адресованы в Серпухов, где в этот период Курсинский служил преподавателем прогимназии. К письму приложено стихотворение «От века» («Ты — женщина, ты — книга, между книг...»), вошедшее под заглавием «Сонет о женщине» в *TV* (I, 179, под заглавием «Женщине»).

[1] Брюсов был шафером на свадьбе Ю. К. Балтрушайтиса и М. И. Оловянишниковой, состоявшейся 29 августа 1899 г.

[2] Этот эпизод подробно описан в *Дневниках* (с. 75). Фабрика в Щелкове принадлежала брату С. А. Полякова, Григорию Александровичу (см. наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым. Вступ. ст. Н. В. Котрелева).

[3] В архиве Брюсова сохранилась телеграмма к И. М. Брюсовой от 2 сентября 1899 г.: «Бальмонт и я деревне. Вернусь вечером» (*ГБЛ*. Ф. 386, 142.11. Л. 18).

[4] 1 сентября 1899 г. Московским городским по воинской повинности Присутствием выдано «мещанину Мясницкой слободы» В. Брюсову бессрочное свидетельство, по которому он «признан совершенно неспособным к военной службе, а потому освобожден навсегда от службы» (*ГБЛ*. Ф. 386, 111.50). В сентябре 1899 г. Брюсов отметил в дневнике: «Был я в Думе по поводу военной повинности. За последнее время я так свыкся с мыслью о казармах, что даже желал их. Но меня признали "совершенно неспособным". Это, пожалуй, все же удача, одна из удач 98—99 годов» (*Дневники*. С. 76).

[5] См. п. 52, прим. 1.

[6] А. А. Ланг под псевдонимом Александр Березин выпустил книгу «Одинокий труд. Статьи и стихи» (М.: Русская типо-литография, 1899).

[7] «Книга раздумий», в которую вошли произведения Бальмонта, Коневского, Дурнова и Брюсова (СПб.: Тип. Балашова и К°, 1899).

54. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

7 сентября (1899 г.) Серпухов.

Друг мой!

Конечно, мне очень печально было пробыть два с половиной дня в Москве, разъезжая то по глупым, но неизбежным делам в одиночестве, то по еще более глупым ресторанам с офицерами, и не повидать тебя. Я не думаю, что Константин Дмитриевич [1] вознегодовал бы на тебя, если бы ты отнял у него часок своего общества в мою пользу. Пожурю тебя за это при свидании. Но когда? В Москве буду 11—12, но ни заехать к тебе, ни назначить свидание не могу: слишком уж мало времени, а опять «дела», да при том и сердечные [2]. А затем — буду не раньше 21 октября. Итак, могу только повторить тебе свое приглашение — посетить меня, когда это окажется тебе возможным. Впрочем, может быть, я и урву часок. Тогда напишу.

Прости отрывочность и небрежность письма; спешу в класс, где предстоит сейчас говорить о различии между поэзией и прозой, но кому?! О, друг мой! [3]

А. Курсинский.

P. S. Спрашиваешь о Самыгине? [4] Я недоволен. Подробности после.

А. К.

P. P. S. Готовлю сборник в цензуру, то есть переписываю набело [5].

[1] К. Д. Бальмонт.

[2] В 1900 г. Курсинский женился на Софье Матвеевне Михайловой, преподавательнице Серпуховской женской гимназии.

[3] Курсинский в это время преподавал словесность в Серпуховской прогимназии. 28 сентября Брюсов записал в дневнике: «Был у меня Курсинский. Он глуповат и скучен, как и прежде. Готовит книгу стихов. В бытность свою офицером мечтал об учительстве, теперь он учителем в Серпухове мечтает о офицерстве» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.15/2. Л. 6).

[4] Т. е. о книге Самыгина «Цветы репейника» См. п. 52, прим. 1.

[5] Речь, по всей видимости, идет о сб. «На уклоне» (см. п. 51, прим. 7).

55. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва. 23 октября 1899 г.)

Друг мой!

Думаю, что Ты на меня сердишься за мое упрямое молчание. Но не лучше ли писать и письма лишь тогда, когда приходит вдохновение, по слову Пушкина, нужное и в математике [1]. Я очень вертелся эти недели. Сначала Бальмонт и все его странные и дикие предприятия [2]. Затем приехал в Москву Ореус, приехал на две недели, нарочно ко мне [3]. Пришлось показывать ему Москву, проводить с ним целые дни, вводить его в наше общество, к Бахману, к А. Лангу, к Викторову [4]. То был поток, водопад, море — не знаю есть ли еще какое восточное

Ю. К. БАЛТРУШАЙТИС
Фотография. 1920-е годы
Частное собрание, Москва

сравнение,— поток стихов и споров о стихах. Уехал Ореус, стал заходить ко мне Бунин [5] и литовский поэт Балтрушайтис. Теперь жду из Крыма визионерку г-жу Минцлову, впрочем, женщину прекрасную, понимающую стихи [6]. О! как завидовал я и завидую — Твоему одиночеству и безраздельным ночам, свободе писать и мыслить, свободе впечатлений. Я хотел бы сделать очень многое, а писал только «лирику» (слово пошлое), т. е. много, много стихов (пришлю часть Тебе, как только соберусь переписать), а я хотел бы не стихов и не лирики, а холодной точности, науки, чисел, чисел! Я хотел бы жизни средневекового алхимика в замкнутой башне, а меня заставляли чокаться и даже не фиалом, а рюмкой. От всяких, от *всяких* впечатлений я устал, хочу книг и раздумий, и мне это недоступно.

Сейчас черная ночь и фонари. Если задуть свечи, на стену мою ляжет печать от оконных рам. Это фонарь отдается мне в руки. В лунную ночь так отдается луна. Мы все можем стать любовниками Гекаты. Думай об этом торжестве над пространством. Оно побеждено от века, не только мыслью, светом, но и телом. Мы — в небесах и в мире духов. Ибо мы самовластники. Верить в свою силу надо прежде всего, без этого нельзя и мыслить. Мы живем лишь потому, что почитаем себя богом. Так, чтобы быть границе, должна быть бесконечность.

Надеюсь скоро прислать Тебе книжку, которую издает Бальмонт [7]. Но не убежден, ибо его имя — лицемерие. Там Ореус, и я убежден, что наперекор себе Ты его оценишь. Это один из первых поэтов наших дней. (Кстати. Знаешь, кого особенно ценю я сейчас? Verhaeren и Случевский — вот истинно и просто первые из современников моих, наших.) Книга А. Ланга отпечатана [8], ее Ты, верно, получишь на этой же неделе или на следующей (верен ли адрес?); многое — и больше чем я ждал — в ней заслуживает прочтения.

Как уныла осень парка!
Завтра день,— снова день! [9]

Последние его стихи вновь хороши. Вообще — он возрождается. Звенит последняя конка. На мой взгляд — конка очень красивый челн городов, красивее, чем корабль в море, в безлюдии [10]. Verhaeren написал книгу о городе, о которой мы мечтали все [11]. Я не завидую, а радуюсь. Он велик, ибо он наш. Пиши мне.

Всей душой Твой Валерий Брюсов.

P. S. Вероятно, посылаемую вырезку Ты знаешь [12]. Ей уже больше месяца. С тех самых пор все хочу писать Тебе.

Датируется по почт. шт.

[1] В заметке Пушкина «Возражение на статьи Кюхельбекера в "Мнемозине"» сказано: «Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии».

[2] «Странные и дикие предприятия» Бальмонта подробно описаны в *Дневниках* (с. 74—76).
[3] О визите Коневского (Ореуса) см.: *Дневники*. С. 76, а также наст. кн., Переписка с Коневским. Вступ. ст. А. В. Лаврова.
[4] Давид Викторович *Викторов* (1874—1918) — университетский товарищ Брюсова, впоследствии приват-доцент Московского университета по кафедре философии. Отзыв Брюсова о нем см.: *Дневники*. С. 77. См. также наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым, п. от 6 октября 1901 г., прим. 2.
[5] Отношения Брюсова с Буниным освещены во вступительной статье А. А. Нинова к публикации переписки Бунина с Брюсовым (*ЛН*. Т. 84, кн. 1. С. 421—438).
[6] Брюсов познакомился с А. Р. Минцловой (см. о ней наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 50, прим. 10), «довольно странной пророчицей, поклоняющейся стихам», в июне 1899 г. в Крыму (*Дневники*. С. 71). В конце октября 1899 г. в дневнике Брюсова запись: «Гостила в Москве Минцлова. Она оказалась менее интересной, чем при беглом знакомстве. Эти обычные речи о демонах, вампирах, духах — я уже слишком слышал. Интереснее ее физическая организация, неверный глаз, резкие ощущения...» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.15/2. Л. 7). Любопытные воспоминания о Минцловой оставил А. Белый («Между двух революций», с. 355—362).
[7] См. п. 53, прим. 7.
[8] Там же, прим. 6.
[9] Приведены первые строки стих. А. Ланга «В парке» (сб. «Одинокий труд»).
[10] Ср. стих. «Огни электрических конок» (I, 176—177).
[11] Очевидно, речь идет о сб. «Les villes tentaculaires» («Города-спруты»), вышедшем в брюссельском издании в 1896 г. Рецензия Брюсова на этот сборник в издании «Mercure de France» (Париж, 1904) появилась в «Весах» (1904. № 3).
[12] О какой вырезке пишет Брюсов, установить не удалось.

56. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Москва, 8 февраля⟩ 1900 г. Среда.

Друг мой! Рукопись Твоя уже больше недели у меня [1]. Я все ждал, что Ты заедешь в один из праздников [2]. Сам я ею не мог распорядиться, ибо, во-первых, Ты не дал мне окончательных указаний, во-вторых, все знакомые мне типографии находятся в таком или ином печальном положении, и, в-третьих, цензор сделал в Твоих стихах глупые выпуски, которые Тебе самому, конечно, не трудно было бы восстановить [3]. Итак, заезжай.

Твой Валерий Брюсов.

Датируется по московскому почт. шт.

[1] Рукопись сб. «Стихи. 1896—1900» (см. вступ. ст., прим. 1).
[2] Имеются в виду неприсутственные дни 2 февраля, когда отмечался церковный праздник Сретение Господне, а также 4 и 5 февраля (суббота и воскресенье).
[3] Очевидно, по просьбе Курсинского Брюсов зимой 1900 г. отдал его стихотворный сборник в цензуру. После цензурных замечаний автор осенью того же года внес в текст исправления. 29 ноября 1900 г. Курсинский писал Брюсову: «На днях я закончил пьесу, которой уже дан ход, а также окончательно установил содержание сборника стихов, который теперь совсем готов для представления в цензуру. Объем его — шесть листов, на которых будет помещено 48 стихотворений и поэма "На развалинах", тебе знакомая. Прежде, чем приступить к изданию его, я хотел бы узнать, не согласится ли редакция "Скорпиона" принять это дело на себя, причем, конечно, все расходы я возьму на свой счет; а за издательство самому мне браться не хочется, ввиду всех тех неудобств, с которыми сопряжено мое постоянное пребывание в Серпухове. На рождество примусь за перевод "Небожественной комедии" Красинского, которую, как видно, Бальмонт издать не собирается». Вторично в цензуру сборник был сдан в конце мая 1901 г. (см. п. 58), разрешение было получено 6 июня того же года, а вышла книга в 1902 г. Кроме поэмы «На развалинах», написанной в 1896 г., в нее включены еще 44 стихотворения.

57. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

18 ноября 1900 г. Серпухов.

Так как мне, друг мой, вероятно, не придется скоро быть в Москве, то посылаю тебе по почте «Горного духа». Если он тебе нравится по-прежнему, то можешь поместить его в скорпионовском альманахе [1]. Мне, кроме приятного, конечно, ничего от этого не будет.

Ознакомился я теперь основательно с твоей поэмой [2] и, конечно, не могу не согласиться, что ей принадлежит первое место по достоинству среди всех про-

изведений, вошедших в «Vigilia». III-я часть очаровательна. Поздравляю с новой рифмой «ночи — клочий» [3]. Она настолько меня поразила, что я не сразу заметил, что последнее — погрешность против языка. Пики гор, чертящие бешеные круги, «вечность в прошлом миновала, вечность нынче (я бы сказал *снова*) настает» [4] и многие частности, как и целое, поразительны. Не нравятся мне только твои женские окончания, рифмующиеся с дактилями в 1 строфе — я не могу их читать (т. е. не умею произносить) [5]. Тяжел и некрасив стих:

Я *б по*бороться с силой вражьей [6]

Безразмерию я, ты знаешь, не особенно сочувствую. Вообще, еще раз поздравляю с лучшей из твоих книг.

Кстати, знаешь ли ты, что Горький писал о тебе и Бальмонте в «Нижегородском листке»? [7] — Интересно бы почитать заметку этого неожиданного друга символистов!

А. Курсинский.

[1] Стих. «Горный дух», приложенное к письму, напечатано в *СЦ 1901* и в сб. Курсинского «Стихи».

[2] Поэма «Царю Северного полюса», вошедшая в *TV* (I, 246—256).

[3] Начало III части поэмы:

Пышны северные зимы, шестимесячные ночи!
Льды застыли, неподвижны, в бахроме из снежных клочий.
(I, 248)

[4] Приводятся цитаты из части VI (I, 252).

[5] Первая строфа поэмы:

Много было песен сложено
О твоей стране бесследной.
Что возможно, невозможно,—
Было все мечтой изведано.
(I, 246)

[6] Стих из песни Свена, часть IV (I, 249).

[7] Статья М. Горького «Литературные заметки. Стихи К. Бальмонта и В. Брюсова» напечатана в «Нижегородском листке» (1900. № 313. 14 нояб.). Она вошла в кн.: *Горький М.* Несобранные литературно-критические статьи (М., 1941).

58. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

⟨Серпухов.⟩ 17 мая 1901 г.

Дорогой Валерий!

Я послал Ясинскому [1] перевод «Ulalume» [2], а так как мы вскоре уезжаем из Серпухова и адрес наш неизвестен еще, то просил я ответ дать на твое имя. Не удивляйся поэтому, если получишь письмо из «Ежемесячных сочинений», и сохрани его до свидания. Я приеду в Москву 26 числа, в субботу, а в воскресение рад был бы повидаться с тобою и посоветоваться относительно двух рукописей, которые 28-го отдам в цензуру [3]. Я охотно посетил бы тебя на даче, если бы ты по получении этого письма сообщил мне точный адрес [4]. Или, может быть, ты сам будешь в этот день в Москве? — Уповаю на ответ, хотя и знаю, что отвечать ты не любишь.

Vale *, Валя.

Привет Жанне Матвеевне.

А. Курсинский.

[1] Об И. И. Ясинском см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 52, прим. 2.

[2] Перевод в журнале И. Ясинского «Ежемесячные сочинения» не появился (см. п. 51, прим. 7).

[3] По всей видимости, речь идет о рукописях сб. «Стихи», цензурное разрешение на который получено 6 июня 1901 г., и переводе «Небожественной комедии» З. Красиньского, по поводу которого Курсинский писал Брюсову 1 июля 1901 г.: «Рукопись "Небожественной комедии" благополучно прошла цензуру. Можно приступить к ее изданию. Желательно

* Прощай *(лат.)*.

бы знать, остается ли редакция "Скорпиона" при своем намерении издать ее за счет переводчика или какие-либо обстоятельства изменили это намерение. Если никаких перемен по этому вопросу в планах редакции не последовало — кому, где и когда могу я вручить рукопись» (см. также п. 60, прим. 1).

[4] Дачный адрес Брюсовых летом 1901 г.: Петровское-Разумовское, дер. Высолки, дача Кутырина.

59. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

⟨Москва. Январь 1902 г.⟩

Дорогой Валерий!

Посылаю тебе два стихотворения, из которых одно, по твоему выбору, прошу напечатать в «Северных цветах» вместе с посланными раньше «Каплями»[1].

I

Я знаю миров и кумиров крушение,
Огнистые слезы разбитых планет
И серное пламя, и грозное мщение,
И вечным проклятьем звучащее «нет».

Но пепел развалин для духа свободного
Дарует заманчивый творческий сон,
Ликую над смертью созданья бесплодного,
Сплетаю гирлянды для новых колонн.

Соглашаюсь с тобой, что в соединении с «Каплями» лучше напечатать следующее (2). От предыдущего слишком веет жизнерадостной силой, хотя оно тоже создалось в искреннем порыве, а следовательно — esto!*

II

Я с людьми и богами,
Я свободен и скован,
Все проник я очами —
И всегда зачарован.

Путь мой прям и бесцелен,
День мой сумрачно светел,
У холодных молелен
Я кумира не встретил.

И в Себя я не верю,
В смене света и тени
Твердым шагом[2*] я мерю
Отражений ступени[2].

А. Курсинский.

Конверт от письма не сохранился; датируется по смыслу.

[1] 5 января 1902 г. Курсинский послал для альманаха «Северные цветы» три стихотворения из цикла «Отголоски больших городов»: «Ум кипит, свободны страсти...», «Глухая осень, призрак дня...», «Об одном, все об одном шепчут капли под окном...» (*ГБЛ*. Ф. 386, 91.26. Л. 33—34). Отвечая на это письмо, 7 января Брюсов сообщил: «Друг мой! Выбираю последнее из присланных Тобою стихотворений для "Северных цветов". Если будет какая-либо возможность, приду к Тебе в пятницу вечером. Твой Валерий Б.» (*ЦГАЛИ*. Ф. 1223. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 7).

В «Северных цветах», однако, стихотворений Курсинского не появилось. «Глухая осень, призрак дня...» опубликовано 1 окт. 1903 г. в газете «Курьер», а «Об одном, все об одном...» — в альманахе «Гриф» (М., 1903). Позднее оба стихотворения вошли в сб. Курсинского «Сквозь призму души». Публикация стих. «Ум кипит, свободны страсти...» нам неизвестна.

[2] Хотя рядом со стихотворением имеется помета Брюсова: «В С⟨еверные⟩ цв⟨еты⟩», в альманах оно также не попало. Возможно, автора не устроили предложенные «Скорпионом» условия (см. п. 63). С учетом правки Брюсова и под заглавием «Успокоение» стихотворение вошло в альманах «Гриф» (М., 1904) и в сб. «Сквозь призму души».

60. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Москва, 29 января 1902 г.⟩

Друг мой! Хотя и без твоего напоминания усердно настаиваю, чтобы Сергей Александрович дела о «Небожественной комедии» не оставлял[1], но на успех

* имеет право на существование *(лат.)*.

[2*] Не лучше ли: Шагом твердым? *(помета Курсинского)*. Рукою Брюсова сделан знак перестановки слов в соответствии с этой пометой, а в последней строке им же слово «отражений» исправлено на «роковые».

своих напоминаний надеюсь мало. Он все хлопочет перед нотариусом о удостоверении, что он скорпион [2], и утверждает, что на будущей неделе его утвердят уже непременно. Я же сомневаюсь. Нет в нем настоящей настойчивости, он не привык добиваться. Поэтому очень Тебе советую самому не складывать руки. Пиши ему, говори, поставь ультиматум, что сам начнешь дело. Юрий Петрович Бартенев [3] удивлялся, что прошение еще не подано, говорил, что каждый день важен, что не должно медлить, а то все забудут, отнесутся канцелярски, а сейчас министр склонен разрешить второе издание. А вдобавок еще 3-х-месячный срок, который пропустить очень нетрудно.

Твой Валерий.

P. S. Что Тебе говорила Иоанна Матвеевна о «Русском листке» [4], пожалуйста, не считай сказанным. Я передал ей бегло, второпях, не предупредив, что разговор был конфиденциальный. Вероятно, иное она и передала неверно. Надеюсь на Твое к ней снисхождение и скромность.

V.

Письмо датируется по почт. шт.

[1] Московский цензурный комитет в июне 1901 г. выдал разрешение на издание «Небожественной комедии» З. Красиньского в переводе Курсинского, но впоследствии, когда книга уже была отпечатана издательством «Скорпион», тираж ее был конфискован. Несмотря на все попытки владельца издательства С. А. Полякова снять запрет, второе издание вышло только в 1906 г., без вступительной статьи переводчика «Апофеоз личности».

[2] Поскольку запрет «Небожественной комедии» последовал уже после выдачи разрешения на выпуск книги, Цензурный комитет обязан был покрыть материальный убыток издательства. Из этой суммы выплачивался и гонорар переводчику. Однако до наложения запрета часть тиража оказалась распроданной. Естественно, что выручку за нее следовало вычесть из суммы компенсации за убытки, понесенные «Скорпионом». При определении числа разошедшихся экземпляров у издательства и Министерства внутренних дел возникли расхождения. Поляков намеревался обжаловать подсчеты, произведенные при конфискации книг, и по суду востребовать деньги с Цензурного комитета, но для этого ему была необходима нотариально заверенная справка, что он является владельцем издательства (см. также п. 61).

[3] Юрий Петрович *Бартенев* (1866—1908) — сын издателя «Русского архива» П. И. Бартенева, служил в Московском цензурном комитете. Брюсов поддерживал с ним довольно близкие отношения (см. о нем: Исторический вестник. 1908. № 12. С. 1178).

[4] Возможно, имеется в виду эпизод, о котором зимой 1902 г. Брюсов писал высланному из столиц К. Д. Бальмонту: «Получаю странные приглашения — вроде того, чтобы быть "заведующим редакцией" "Русского листка"» (см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 49, прим. 8). Вряд ли Брюсов мог серьезно отнестись к этому приглашению. Январская запись *Дневников* отмечает: «В "Русском листке" очень на меня нападают за то, что я участвую в Художественном кружке. Партия враждебная» (с. 114).

61. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва. 1 февраля 1902 г.)

Друг мой!

Сегодня беседовал я с Сергеем Александровичем, ответ коего (негодующий) Ты, вероятно, получил [1]. Он, т. е. Сергей Александрович, убедил меня, что сделает сам нечто, ибо есть у него знакомый нотариус, который удостоверение ему даст. Итак, не лучше ли еще немного довериться ему? Не подождать ли еще? Тем более, что иначе два прошения, Твое и его, ибо и он упорствует, поведут только к соблазну подлежащего ведомства.

Твой Валерий Б.

Открытка датируется по почт. шт.

[1] См. п. 60, прим. 1 и 2. В архиве Полякова сохранилось письмо Курсинского, на которое последовал «негодующий» ответ:

«Глубокоуважаемый Сергей Александрович!

Ваше молчание начинает внушать мне опасения; уже истекает месяц, а Вы ничего еще не предприняли в интересах "Небожественной комедии". Мне же было бы очень печально получить на книге полтораста рублей убытку, в то время как прибыль сама идет в руки.

Я не вижу с Вашей стороны необходимости медлить подачей заявления, так как все формальности по восстановлению Ваших Скорпионовских прав могут быть исполнены и

после подачи его *, и одно другому не мешает. Это соображение заставляет меня просить Вас приехать ко мне не далее воскресенья 3-го февраля для совместной обработки формы заявления. Напишите, когда Вас ждать. В случае же Вашего отказа на сей раз, я буду вынужден действовать самостоятельно и за могущие произойти для Вас неудобства — не отвечаю.

С почтением А. Курсинский» (*ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 109. Л. 3).

Ответ Полякова на это письмо неизвестен.

62. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

(Москва. Февраль 1902 г.)

Друг мой!

Если бы Сергей Александрович пожелал отнестись ко мне хоть с некоторым вниманием и поставить меня в известность относительно своих намерений, как теперь он ставит тебя, конечно, дело не дошло бы до негодующих писем. Да и так-то это письмо совершенно излишне, потому что я не думал задевать его самолюбие, а только (и вполне основательно) побуждал его действовать энергично и указывал некоторый срок, до которого я предполагал сам оставаться в пассивной роли. Все эти его восклицания о «злонамеренности», недобросовестности и все прочее представляется мне не более как «металлом звенящим» [1] и притом совсем некстати. На письмо его отвечать считаю совершенно ненужным. Мои отношения к фирме «Скорпион» тебе хорошо известны. Как поступит фирма со мною — увидим. Уповаю, что, вступив в игру самолюбия, Сергей Александрович выдержит ее до конца. Очень жаль, во всяком случае, что Сергей Александрович не понимает, что моя настойчивость в требованиях, предъявляемых к нему, вытекает из чувства деликатности: я не хотел бы впоследствии, если будет пропущен срок, получать деньги с него, на что имел бы и нравственное да и юридическое право. Я смотрю на выручку денег и реабилитацию книжки, как на дело общее. Вряд ли при этом условии момент благоприятен для развития игры в самолюбие.

В общем — предоставляю Сергею Александровичу действовать, как ему угодно [2]. Он берет ответственность на одного себя, и я ему очень благодарен.

Твой А. Курсинский.

P. S. Если ты полагаешь, что мой инцидент с Поляковым может отозваться на вопросе о моем участии в «Северных цветах», то пожалуйста, заблаговременно изыми мои стихотворения из материала, предназначенного для печати. Если же они будут напечатаны, то прими во внимание и мои условия — гонорар по 30 к. со стиха, что при 28 стр⟨оках⟩ составляет 8 р. 40 к.

А. К.

Датируется по содержанию (см. п. 60 и 61).

[1] Реминисценция первой строки оды Державина «На смерть князя Мещерского» («Глагол времен! Металла звон!..»).

[2] В конце концов из-за болезни Полякова вести тяжбу по поводу «Небожественной комедии» пришлось Курсинскому. 23 февраля 1902 г. Брюсов оповестил Курсинского: «Друг мой! Сергей Александрович продолжает хворать. Он предлагает Тебе, чтобы не оставить цензуру и подлежащие ведомства без возмездия, такую комбинацию: С. А. Поляков официально переуступит Тебе права на получение вознаграждения как издатель. Согласен ли Ты?

Твой Валерий Брюсов» (*ЦГАЛИ*. Ф. 1223. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 13). Курсинский, очевидно, принял это предложение. Поляков писал Брюсову: «Дорогой Валерий Яковлевич, посылаю Вам вместе с письмом засвидетельствованное прошение, хотя и довольно странным образом, но кажется вполне достаточным. Если найдете сколько-нибудь возможным, передайте прошение Курсинскому» (наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым, п. от 23 марта 1902 г.). Тяжба затянулась надолго. 15 июня 1902 г. Курсинский сообщал Полякову из местечка Гапсаль Эстляндской губернии, куда он приезжал на отдых: «У меня крайне скверные материальные обстоятельства,— а еще хуже виды на июль и август. Вы можете поэтому судить, с каким великим нетерпением жду я решения нашей тяжбы из-за "Небожественной комедии" ⟨...⟩ 30 июня я выезжаю в Москву, и если надо или может быть полезным, я мог бы заехать в Петербург, конечно от Вашего имени» (*ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. № 109. Л. 6).

* Наконец,— если Вы все равно ничего не добьетесь? (*прим. Курсинского*).

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Στέφανος

ВѢНОКЪ

СТИХИ 1903—1905 ГОДА.

ВЕЧЕРОВЫЯ ПѢСНИ.—ПРАВДА ВЕЧНАЯ КУМИРОВЪ.

ИЗЪ АДА ИЗВЕДЕННЫЕ.

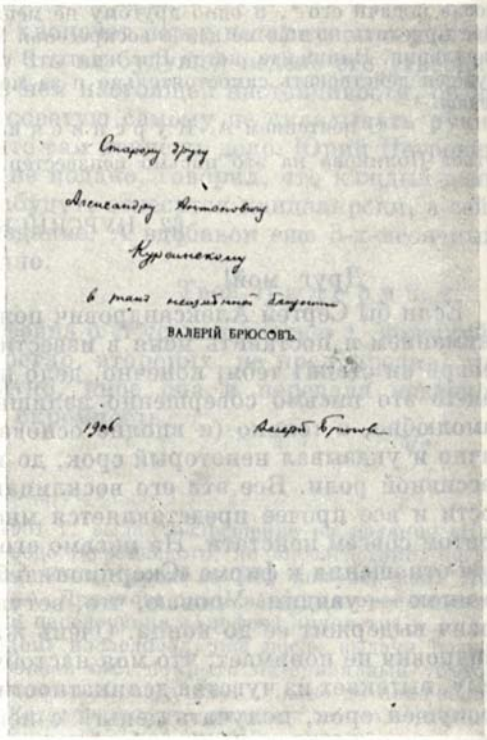
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ.—СОВРЕМЕННОСТЬ.

СЛАВА ТОЛПѢ.

ДУХИ ОГНЯ.—КОНЬ БЛѢДЪ.

МОСКВА. 1906.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СКОРПІОНЪ"


Старому другу

Александру Антоновичу

Курсинскому

в знак неизменной близости

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

1906

В. БРЮСОВ. Στέφανος. ВЕНОК. М., «СКОРПИОН», 1906

Титульный лист и авантитул с дарственной надписью: «Старому другу Александру Антоновичу Курсинскому в знак неизменной близости. 1906. Валерий Брюсов»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

63. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

(Москва. Февраль, до 8-го, 1)902 г.

Друг мой!

Имею Тебе сообщить, что при распределении гонорара за «Северные цветы» [1] Ты не имелся в виду вовсе. Тебе известно, что «Северные цветы» дают *убыток* до 2000 р. При таких условиях я не вижу причин выражать притязание на гонорар. «Северные цветы» платят лишь тем лицам, чье имя может иметь влияние на сбыт альманаха: Мережковскому, Розанову, за исторические матерьялы и т. д. Все, что я могу Тебе предложить, это получить свой гонорар экземплярами «Северных цветов» — т. е. получить в уплату *шесть* книг, или там сколько придется, смотря по их цене (я считаю 2 р.). Если Ты согласен, не откажись уведомить тотчас, ибо я уезжаю в Петербург [2].

Во втором стихотворении не лучше ли: *Роковые* ступени? [3].

Твой Валерий Брюсов.

P. S. А к письму Сергея Александровича Ты отнесся более серьезно, чем следовало [4].

На конверте имеется помета Курсинского: «Середина февраля 1902». На самом деле письмо послано в начале месяца, так как в пятницу, 8 февраля, Брюсов уже уехал в Петербург.

[1] См. п. 62, post scriptum.

[2] О пребывании Брюсова в Петербурге с 9 по 16 февраля 1902 г. см.: *Дневники*. С. 114—118.

[3] См. п. 59, сноску [2]* и прим. 2.

[4] О письме С. А. Полякова к Курсинскому см. п. 61 и 62.

64. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Москва. 13 марта 1902 г.⟩

Друг мой, Александр Антонович!

Бальмонт будет в Москве 15-го, в пятницу. Если хочешь его видеть, поджидаю Тебя в этот день к себе обедать, к 7 вечера. Будут все, кто его любит [1].

Твой Валерий Б.

902.

Датируется по почт. шт.

[1] См. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 54, прим. 1.

65. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

⟨Москва, 19 марта 1902 г.⟩

Дорогой Валерий!

Мне удалось узнать из неофициального и достоверного источника, что катастрофа с поездом, в котором ехал Бальмонт, действительно не могла иметь для него печальных последствий, так как поезд не сваливался с откоса, ибо и откоса в этом месте не существует, а, напротив, выемка. Вагоны, сойдя с рельс и будучи потянуты паровозом, пошатнулись и обрушились на идущую параллельно стену земли, причем, бывшие в лежачем положении пассажиры, соскользнув с диванов, становились на ноги, а затем вылезали в окна [1]. Шестеро наиболее испугавшихся вчера уже вернулись в Москву, не решившись продолжать путешествие. Они и привезли эти вести. Наиболее пострадавшие — получили по синяку или царапине от своих чемоданов. Опасность, конечно, была велика, и я уверен, что все было бы иначе, если бы в поезде не ехал хранимый — для нас — самим адом [2] Бальмонт.

Твой Курсинский.

19 марта 1902.

К письму приложена вырезка из газеты «Русский листок» от 18 марта 1902 г., в которой называется причина катастрофы — лопнувший рельс.

[1] См. наст. кн., Переписка с Бальмонтом п. 56.

[2] Обыграны строки из поэмы Бальмонта «Дон-Жуан»: «Забыл, что Дон-Жуан неуязвим! // Быть может, самым адом я храним, // Чтоб стать для всех примером лютой казни?» *(Тишина)*.

66. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 12 авг⟨уста 1 9⟩03 г.

Друг мой!

Думаю, что десять лет наших близких отношений дают мне право делать тебе строгие замечания, когда ты делаешь шаги, слишком тебе не подходящие. Поэтому посылаю тебе мой фельетон, направленный против тебя со всей искренностью негодования [1], возможной в печати, и при том в органе узко либеральном [2]. Я не верю в твой патриотизм, и тем более, что он выражается как патриотизм мелких консервативных газет [3]. Тебе ли не понимать, что в настоящее время честью России будет остаться крепкой и верной себе, а не играть мелкую роль сильного орудия в руках других держав. Если ты хочешь заниматься политикой, то изучи получше политическое положение момента.

А. Курсинский.

[1] Приложенная к письму вырезка с фельетоном не сохранилась. Однако помета на конверте («найти фельетон, вероятно, в "Курьере"») позволяет предположить, что это были заметки «Начало конца», опубликованные в московской газете «Курьер» (1903. № 165. 12 авг.) под псевдонимом «Досужий обыватель». Заметки явились откликом на стих. Брюсова «Двенадцатый час» (I, 356), появившееся в почти в бульварной газете Н. Л. Казецкого «Русский листок» (1903. № 211. 3 авг.). Сотрудничать в этом издании Брюсов начал в 1900 г., когда его имя стало одиозным, и двери других редакций оказались для него закрытыми. Впоследствии в «Автобиографии» Брюсов признавался: «я устал "публично молчать" в течение более, чем пяти лет, и рад был даже в бульварном листке высказать свои взгляды» (*Венгеров*.

Рус. Лит. XX в. Кн. 1. С. 113). Эпиграфом к стихотворению были взяты слова «Настал последний, двенадцатый час» из передовой статьи газеты «С.-Петербургские ведомости» от 29-го июля 1903 г., посвященной убийству турецким фанатиком русского консула в Македонии. В передовой говорилось: «Слишком давно Святая София тоскует о русском кресте, который оградит святыню и от мерзости Магометовой и от недостойных посягательств продажных греков; а славянские народы стоят на распутье: настал последний, двенадцатый час...».

Вскоре после известий об убийстве консула Брюсов сообщал Перцову: «А какие события на Балканах! Какие темы для политик!! Я же написал пока только стихи в духе Тютчева» (*ЛН*. Т. 27—28. С. 294). Отношение Курсинского к трагическим событиям в Македонии было совершенно иным. В газете «Курьер» 10 августа 1903 г. были помещены заметки того же Досужего обывателя, в которых он пишет: «Македония и Турция... Турция и Македония... А в общем смутная тревога и жуткое, неприятное настроение. То настроение ожидания, которое послужило темой и было прекрасно разработано Метерлинком в его оригинальной "L'intruse". "Втируша" — таков у нас неудачный перевод с французского "L'intruse"...

Лет шесть тому назад мне пришлось испытать и наблюдать это сильное чувство неясной тревоги... Я оканчивал курс военного училища, находившегося в чуждом и незнакомом мне городе... Война Греции с Турцией уже была делом решенным, совершившимся фактом. Это было единственным, что мы знали. Но отношения русского правительства к данному моменту восточного вопроса, роль России в его трактовании в текущий момент, естественно, оставались для нас в области неизвестного... То же самое настроение замечаешь невольно в жизни общества в настоящий момент...— Будет война или нет? — этот вопрос закрадывается вам в мозг и сердце и неустанно сверлит в них, ни на минуту не покидая вас, то и дело прорываясь из хаоса иных мыслей, иных чувствований и волнений. Втируша вошла, и вздрагивает с зловещим звоном ее неумолимая коса при каждом невидимом шаге». Столь полярная оценка событий привела к резкой критике брюсовского стих. «Двенадцатый час»: «Г-н Валерий Брюсов перестал быть собой, перестал быть бесстрастным волхвом. Перестал он и быть одиноким. Он вышел из магического круга, отделявшего его от дум о бледной земле. Он сошел к людям, сблизился с ними в их страстях и кричит вместе с ними за общие интересы. И как подобает всякому новообращенному, кричит громче других. Известная часть нашей прессы кричит: Идем на Константинополь,— пора! Г-н Валерий Брюсов возглашает: Скорей на Константинополь! А то будет поздно:

Часы мировые окликнули нас...
О, если б не поздно.

„Русский листок" рукоплещет г-ну Валерию Брюсову... Мне тоже хочется рукоплескать г-ну Валерию Брюсову. Его стихи, действительно, полны страстного тепла, роскошны по образам, звучны по ритму, цельны по своей законченности. Но... я не могу рукоплескать. Я слишком привык слышать от г-на Валерия Брюсова "Я!", чтобы слышать "Мы!", и теперь, думая об этой перемене, припоминаю желание г-на Валерия Брюсова не быть Валерием Брюсовым. И мне думается, что исполнилось его желание. Он перестал быть Валерием Брюсовым. Кажется, он стал Тютчевым нашего времени...».

После публикации статьи Курсинского отношения старых друзей полностью не прервались, но переписка практически прекратилась, так что название заметок Досужего обывателя «Начало конца» в некотором смысле оказалось пророческим.

[2] О газете «Курьер» см. вступ. ст. к наст. публ.

[3] Политические обзоры Брюсова, опубликованные в 1903 г. в журнале «Новый путь» (№ 1—3, 5, 8), свидетельствуют, что его славянофильское стих. «Двенадцатый час» не было случайностью. В письме к Г. И. Чулкову от 24 августа 1905 г. он признавался: «Вы правы. Патриотизмом, и именно географическим, я страдаю. Это моя болезнь, наравне с разными другими причудами вкуса...» *(Чулков Г.)*. Годы странствий. С. 329.

67. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Москва. 1 февраля 1907 г.⟩

Дорогой Александр Антонович!

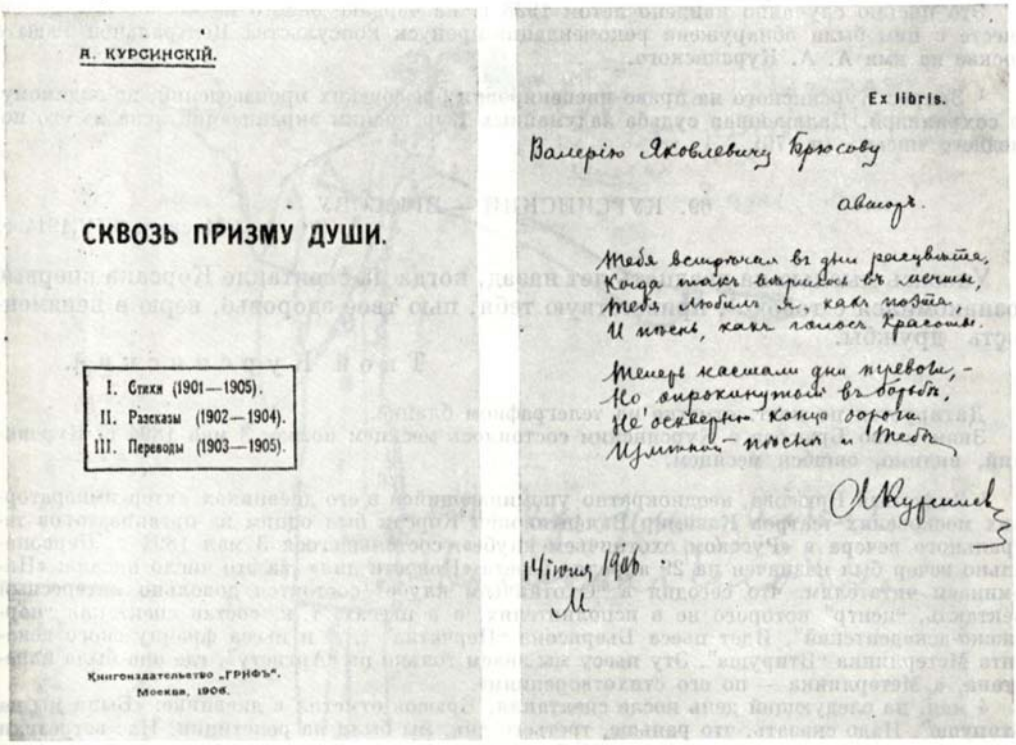
Не откажи принять дружески в «Золотом руне» и представить как желанного гостя Николаю Павловичу[1] — нашего доброго друга — Виктора Эглит⟨с⟩а[2], латышского поэта, переведшего на свой язык многие мои стихи, а также стихи А. Белого и иных общих наших друзей.

Весьма жалею, что самому мне быть в «Руне» не придется[3]. Постараюсь заехать к Тебе днем в субботу. Надеюсь ехать с Тобой в воскресенье[4].

Твой Валерий.

1 февр. 907.

[1] Николай Павлович *Рябушинский* (1877—1951) — московский миллионер, издававший в 1906—1909 гг. журнал «Золотое руно», в котором в это время сотрудничал Курсинский.



А. КУРСИНСКІЙ.

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДУШИ.

I. Стихи (1901—1905).
II. Разсказы (1902—1904).
III. Переводы (1903—1905).

Книгоиздательство „ГРИФЪ".
Москва. 1906.

Ex libris.

Валерію Яковлевичу Брюсову
автор.

Тебя встречал в дни расцвета,
Когда так верилось в мечты,
Тебя любил я, как поэта,
И песнь, как голос Красоты.

Теперь настали дни тревоги,—
Но, опрокинутый в борьбе,
Не оскверню конца дороги
Изменой песне и Тебе.

А. Курсинский

14 июня 1906
М.

А. КУРСИНСКИЙ. СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДУШИ. М., 1906

Титульный лист и шмуцтитул с дарственной надписью: «Валерию Яковлевичу Брюсову автор. Тебя встречал я в дни расцвета, ‖ Когда так верилось в мечты ‖ Тебя любил я, как поэта. ‖ И песнь, как голос Красоты.‖ Теперь настали дни тревоги,— ‖ Но, опрокинутый в борьбе, ‖ Не оскверню конца дороги ‖ Изменой песне и Тебе. А. Курсинский 14 июня 1906 М.»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

[2] Виктор Иванович *Эглитис* (Эглитс, 1877—1945) — латышский поэт декадентского направления, переводивший Брюсова, Бальмонта, Белого, Блока, Ремизова, печатавшийся также в «Весах». Подробнее о нем см. наст. том, кн. 2, Переписка с Тихоновым. Вступ. ст. О. Усковой, прим. 49—53.

[3] 2 февраля — день рождения Иоанны Матвеевны Брюсовой, что не позволило, вероятно, Валерию Яковлевичу самому представить В. Эглитса в «Золотом руне».

[4] 4 февраля Брюсов выехал в Нижний Новгород. На свадьбе своего друга, женившегося второй раз, Брюсов был шафером. «Еду в Нижний — венчать Курсинского»,— писал Брюсов Чуковскому 4 февраля 1907 г. (см.: *Чуковский К.* Из воспоминаний. М., 1958. С. 344). В феврале 1907 г. Брюсов сообщал отцу в Париж: «Сначала был занят очень работой над №1 „Весов", потом ездил в Нижний венчать Курсинского (увы! не лавровым венцом в Капитолии, коего в Нижнем и нет, но мученическим венцом второго брака), наконец, простудившись в поездке, захворал инфлуэнцией с плевритом и болен по сю пору» (*ГБЛ*. Ф. 386, 142.9. Л. 1).

68. БРЮСОВ — КУРСИНСКОМУ

⟨Москва.⟩ 15 октября 1913 г.

Дорогой Александр Антонович!

В ответ на Твой запрос о праве инсценировки моих рассказов для синематографа [1] сообщаю Тебе, что я лично ничего не имею против того, чтобы Ты это дело взял на себя. Итак, я предоставляю Тебе, Александру Антоновичу Курсинскому, право инсценировать для синематографа все мои рассказы, уже появившиеся в печати. Было бы, однако, желательно, чтобы сценарии Ты предварительно представлял мне для просмотра. Выбор фирм, которые будут ставить эти Твои инсценировки моих произведений, я всецело предоставляю Тебе.

Дружески Твой Валерий Брюсов.

15 октября 1913, Москва.

Это письмо случайно найдено летом 1928 г. на чердаке одного из московских домов. Вместе с ним была обнаружена рекомендация-пропуск консульства Центральной Рады в Москве на имя А. А. Курсинского.

[1] Запрос Курсинского на право инсценировки брюсовских произведений, по-видимому, не сохранился. Дальнейшая судьба задуманных Курсинским экранизаций ясна из его последнего письма (п. 70).

69. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

Москва. 3.IV.1914 г.

Уносясь мыслью на двадцать лет назад, когда на спектакле Корсака впервые познакомился с тобою [1], приветствую тебя, пью твое здоровье, верю в неизменность дружбы.

Твой Курсинский.

Датируется по почт. отметке на телеграфном бланке.

Знакомство Брюсова с Курсинским состоялось месяцем позже, 3 мая 1894 г. Курсинский, видимо, ошибся месяцем.

[1] Знакомый Брюсова, неоднократно упоминающийся в его дневниках актер императорских московских театров Казимир Валентинович Корсак был одним из организаторов театрального вечера в «Русском охотничьем клубе», состоявшегося 3 мая 1894 г. Первоначально вечер был назначен на 29 апреля. Газета «Новости дня» за это число писала: «Напоминаем читателям, что сегодня в "Охотничьем клубе" состоится довольно интересный спектакль, "центр" которого не в исполнителях, а в пьесах, т. к. состав спектакля "норвежско-декадентский". Идет пьеса Бьернсона "Перчатка" ⟨...⟩ и пьеса французского декадента Метерлинка "Втируша". Эту пьесу мы знаем только по "Артисту", где она была напечатана, а Метерлинка — по его стихотворениям».

4 мая, на следующий день после спектакля, Брюсов отметил в дневнике: «Были мы на "Втируше". Надо сказать, что раньше, третьего дня, мы были на репетиции. Нас встретили радушно, спрашивали советов etc.» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.13/1. Л. 26об.). К сожалению, факт знакомства с Курсинским не отмечен. Дневниковые записи о встречах с ним появляются только с сентября 1894 г.

«Втируша», впервые поставленная на русской сцене, игралась актерами-любителями и профессиональными артистами. Перевод был выполнен Е. Н. Клетновой (см.: Артист. 1893. № 28). Интересно сравнить впечатление от пьесы Метерлинка, оставшееся у Курсинского (см. п. 66, прим. 1), с рецензией некоего Т.: «... в спектакле 3 мая при представлении "Втируши", несмотря даже на далеко нестройное исполнение, впечатление получилось действительно сильное. Внимание зрителя все более и более приковывалось к сцене, а после того, как был опущен занавес, зрителей охватило прямо какое-то оцепенение ужаса. Несколько минут продолжалось мертвое молчание и только понемногу публика стала приходить в себя после произведения этого действительно "жестокого таланта"» (Артист. 1894. № 37. С. 196—197). В последующие годы «Втируша» несколько раз ставилась на московской сцене, но без особого успеха. На постановку пьесы труппой Леблан-Метерлинк Курсинским была написана рецензия (Курьер. 1903. № 286. 14 дек.).

В архиве Брюсова сохранилось письмо К. В. Корсака, датированное 10 декабря 1923 г.: «Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич! Прежде всего от души спешу поздравить Вас с наступающим днем Вашего славного 50-ти летнего юбилея.

Около 30 лет прошло с того незабвенного вечера, когда мы с Вами впервые познакомились в Охотничьем клубе на спектакле, поставленном мною ("Перчатка" и "Втируша"). Давно уже канула в Лету наша розовая юность, наши золотые мечты, наши студенческие вечеринки, наши горячие споры об искусстве, о литературе — на Цветном бульваре в Вашем гостеприимном доме. И много прожито, и много пережито нами в разных концах нашей беспредельной Родины, в вихрях и бурях Революции» (*ГБЛ*. Ф. 386, 90.26).

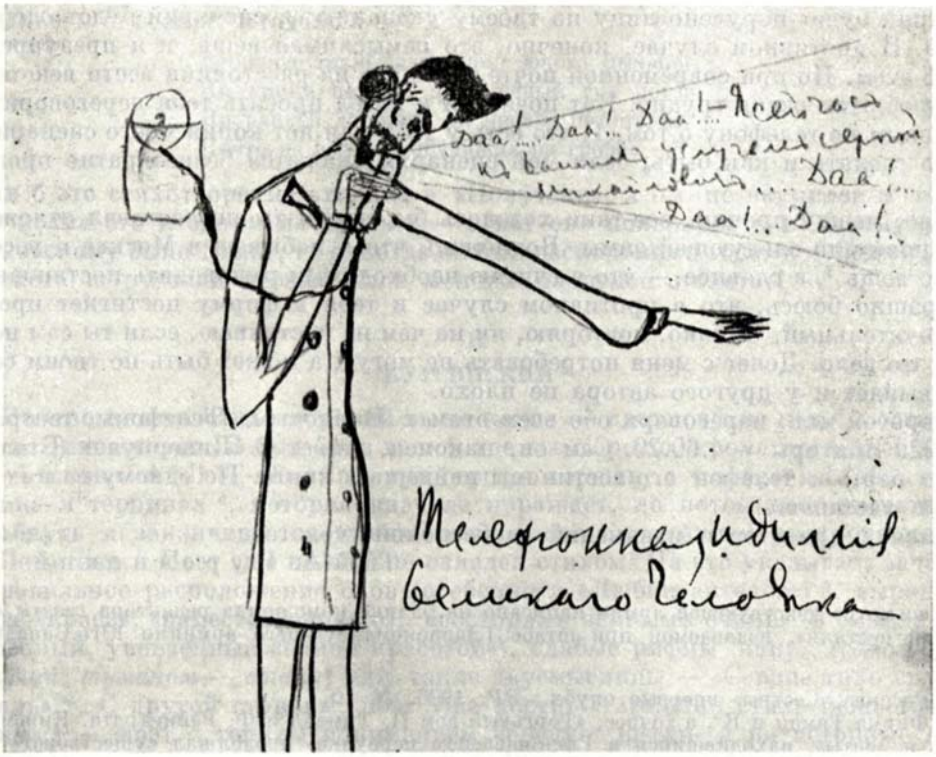
70. КУРСИНСКИЙ — БРЮСОВУ

Действующая армия. ⟨2 января 1916 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Приветствую Иоанну Матвеевну и тебя с Новым годом. Все мои лучшие пожелания с Вами.

Возникает у меня к тебе дело, касающееся в значительной степени и тебя самого. Если помнишь, 2 года назад я сделал с твоего любезного разрешения сценарий для кинематографической постановки твоих «Сестер» [1]. Сценарий был настолько удачен, что не только понравился дирекции фирмы Тиман и К° [2],



КАРИКАТУРА НА БРЮСОВА

Рисунок А. Белого с надписью: «Телефонная идиллия великого человека»

Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

но и в высокой степени удовлетворил автора рассказа, чем несказанно обрадовал меня.

В зиму 1914 года поставить пьесу оказалось невозможным: не было зимы, и самые эффектные сцены переезда Николая в степи на тройке в метель не могли быть воспроизведены с натуры. Затем началась война, создавшая фирме большие затруднения, так как владельцы были германские подданные, затем и меня не было в Москве, и вторая зима 14—15 тоже не была использована. Теперь все эти недоразумения устроились, дело перешло к новым владельцам под фирмой «Эра» [3], сохранив прежнее художественное (по мере возможности) направление и прежних работников, во главе которых стоит Александр Александрович Волков. От последнего я получил сегодня письмо, в котором он извещает, что в настоящее время он хотел бы приступить к постановке пьесы, но... не может найти рукопись. Я в свое время, убедившись, что пьеса пойдет, так как полностью получил за нее гонорар (175 р.), не счел нужным сделать дубликат. Черновика не сохранилось (были жалкие листки) и, таким образом, ничем не могу помочь, кроме как восстановлять по памяти, к сожалению, очень мало мне сохранившей. Да и обстановка и работа — все неблагоприятствует такому начинанию.

В письме своем Волков уверяет, что было снято 3 копии на машинке с рукописи, хотя мне об этом ничего не было известно. Однако, если и тут память мне изменяет, то вот и интересуюсь, не было ли мною таковой копии дано тебе, и не сохранилась ли она случайно у тебя. Если, паче чаяния, да, то препроводи ее Волкову.

В крайнем случае, Волков задумывает предложить кому-нибудь написать новый сценарий. Он не знал, когда писал, что разрешение на это тобою дано исключительно мне. Я, разумеется, не буду протестовать, если вновь написать

сценарий будет поручено лицу по твоему указанию, и сценарий будет одобрен тобою. В противном случае, конечно, это немыслимая вещь, и я предупредил его об этом. Но при современной почте и вообще на расстоянии вести всю переписку об этом очень трудно. Вот почему я и хотел просить тебя переговорить с Волковым по телефону о том, 1) что есть у тебя или нет копии моего сценария и 2) что сделать и как быть, если мой сценарий окажется безвозвратно пропавшим.

Мне, между прочим, все-таки хотелось бы, чтобы ты посоветовал отложить постановку до следующей зимы. Возможно, что я побываю в Москве и восстановлю вещь [4], а главное,— что я считаю необходимым руководить постановкой. Я страшно боюсь, что в противном случае и тебя и фирму постигнет провал исключительный. Однако, повторяю, ни на чем не настаиваю, если ты сам поведешь это дело. Денег с меня потребовать не могут, а может быть по твоим советам, выйдет и у другого автора не плохо.

Дорогой мой, переговори обо всем этом с Волковым. Телефоны театра — 5.10.22. Конторы — 4.60.29. Сам он, наконец, живет в «Ливерпуле» (Столешников пер.) и телефон его гостиницы найдешь в книге. По одному из них его всегда застанешь!

Тысячу приветов и извинений за беспокойство.

Твой А. Курсинский.

Письмо из действующей армии написано на бланке помощника редактора газеты «Армейский вестник», издаваемой при штабе Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта.

[1] Рассказ «Сестры» впервые опубл.: *ЗР*. 1906. № 10.

[2] Фирма Тиман и К°, а точнее, «Торговый дом П. Тимана и Ф. Рейнгардта. Кинематографы и ленты», находившийся в Глинищевском переулке, продолжал существовать и в 1916 г., но в число его владельцев был включен Осипов. «Эра» — отдел проката этой фирмы, выпускавшей ленты так называемой «Русской золотой серии», режиссером которой был А. А. Волков. Среди картин, анонсированных в 1916 г., фильма, снятого по сюжету Брюсова, не значится.

[3] См. прим. 2.

[4] Сценарий был восстановлен Курсинским. В его архиве сохранился текст картины с пометой: «Закончена и по одобрении автора продана г. Тиману. Сценарий был затерян. Реставрирована в 1918 г. непосредственно мною» (*ГБЛ*. Ф. 389, 1.6. Л. 17).

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТАТЬИ В. Я. БРЮСОВА О КУРСИНСКОМ

Публикация и примечания С. И. Гиндина

В архиве Брюсова, в черновых тетрадях (*ГБЛ*, ф. 386), сохранились наброски его незаконченной статьи о творчестве Курсинского, которые существенно расширяют и дополняют критические отзывы, зафиксированные в брюсовских письмах. Приводим здесь текст этих заметок.

I

К ПОЭЗИИ КУРСИНСКОГО [1]

Как мало, однако, он еще оригинален, докажут нам следующие общеизвестные стихи Жуковского

...В туманном сумраке окрестность исчезает,
Повсюду тишина; по⟨всюду мертвый сон;⟩
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон
. . . . . .*

* *Далее зачеркнуты строчки:*
Под кровом черных сосн и вязов наклоненных
Которые окрест, ⟨развесившись, стоят⟩

и дальше описание кладбища

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье,
Ничто не вызовет почивших из гробов —[2]

Если б это стихотворение входило в «Полутени», я бы не изумился и просто причислил его к одним из лучших — а вот оно появилось в 1802 году, когда Жуковскому было 18 лет, т. е. когда он был несколькими годами моложе г. Курсинского, а русская поэзия была моложе на целое столетие!

II
КУРСИНСКИЙ [3]

Начало многих стихотворений выше конца — вдохновение как бы оставляет поэта. Таков сонет «Я был близ вас» [4], где все хорошо, кроме последней терцины — таково «А. Л. Т-ой» [5], где три строфы хороши, а четвертая слаба, такова поэмка в терцинах [6], которая вначале поражает, но потом дает впечатлению ослабнуть и заканчивается каким-то судорожным усилием вдохновения.

Полутени... Поэт еще не вполне овладел стихом. На это указывает зачастую неправильное расположение слов (особенно в «Любви ангелов») [7], выражения вроде «краса», «наместо» (-вместо), «восторжен земными очами» (в смысле «прельщенный, увлеченный земной красотой»), слабые рифмы (напр., *всемогущий* и *летучий*, *туманом — стана*) или такие двусмыслицы — «Сердце тихо сжимает печаль» *. С другой стороны, поэт уже постиг «гармонии стиха божественные тайны» [11] — поэт с тонким пониманием чередует шести- и пятистопные ямбы, например, в стихотворении «Сумерки. I» [12] или в «Сегодня партия идет на Сахалин» [13], где можно обратить ⟨внимание⟩ на четырехстопный стих «Потоки быстрые бегут», живо символизирующий этот быстрый бег уличных ручьев по камням; почти для каждого настроения поэт умеет выбрать подходящий размер — таковы, например, хореи в стих⟨отворении⟩ «Где склонясь задумчиво, уныло...», само по себе стихотворение не выше посредственного и только удачный выбор размера дает ему некоторую жизнь...

...Курсинский главным образом поэт своей мечты, задумчивости, вечера, и название «Полутени» довольно хорошо характеризует его книгу; настроения его большей частью грустные, элегические — душа его как бы чего-то ждет и ищет. Часто кажется ему, что «непонятое — ясно», что «вопрос решается ужасный, вечно новый, новый и предвечный» [14], что он «постиг суть тайны необъятной» [15], что «сердцу вечность ясна и полна» [16] (цитаты взяты из 3 разных стихотворений), но так как жалобы повторяются, то ясно, что это лишь заблуждение. Поставим в параллель с этим отсутствие сильной страсти в его стих⟨ах⟩, скажем больше, отсутствие тем о любви. Поэт как будто вовсе еще не любил, а если и знал это чувство, то когда-то давно, и между настоящим и прошлым.

С мечом в руке стал демон на пороге [17].

Вместе с тем душа поэта жаждет любви:

И напрасно ежечасно
Жаждой ласки и привета
я томим[18].

Даже на такие мимолетные привязанности, которые изображены в «Рассвете» (в общем — лучшем стихотворении всего сборника), он кладет много чувства, много любви.

Есть стихотворения, которые, однако, противоречат общему пафосу поэзии

* Еще: «в берег разбилась волна» (вместо «о берег»)[8]; «В устах укор дрожал» (вместо «на устах»)[9] *(Прим. Брюсова). После знака сноски в тексте зачеркнут еще один пример*: «ея глаз встретил мой взор»[10].

Курсинского, что и не удивительно, потому что он еще «не нашел себя». Таково, например, бледное стихотворение «Мы здесь вдвоем» [19] с невозможными заключительными стихами [2*], таково «Плыла волна» и еще 2—3 стихотворения.

Теперь перейдем к стихотворениям, где Курсинский не столько изображает свою внешнюю жизнь, сколько излагает свое миросозерцание.

Оно, как и надо ожидать, еще не сложилось и зачастую дает противоречивые черты.

Ряд стихотворений посвящен вопросу веры, где он колеблется между чарующим образом Христа и между поисками счастья *здесь*. «Красота богов Эллады» и красота «добровольного страданья» [20], язычество и христианство еще борются в г. Курсинском, и ни одному он еще не отдал себя. Есть стих⟨и⟩, навеянные современ⟨ной⟩ философ⟨ией⟩, толками о fin de siècle [3*], о безнравственности науки.— Невыдержанные в целом, эти стих⟨и⟩ часто прекрасны в частностях. Особенно удачно первое стихотворение сборника [21], изображающее в символах всю современность [4*]. Заключительные ⟨?⟩ стихи великолепны по своей силе и могут соперничать со стих⟨ами⟩ Мережковского на ту же тэму [22].

И будет сон тянуться до утра...
Как тяжкий гнет, как тайное мученье,
И встретить свет в лазури Обновленья
Уже не нам, для нас пришла пора,

Среди теней мы скоро станем тенью
В немом венце ночного серебра
Но л⟨уч⟩ б⟨леснет⟩ и qui vivra verra [23]

С внешней стороны отзвуки меня и Бальмонта.

Перев⟨оды⟩ из Мура. С Муром Курсинский не конгениален. Английский поэт — поэт внешности по преимуществу, по духу еще поэт XVIII в.— Курсинский поэт темных настроений, полутеней, fin de siècle'я. Поэтому переводы иной раз сносны (где более или менее совпадает, например, посвященные Бальмонту) [24], но нигде не вдохновенны!

III

К КУРСИНСКОМУ [25]

Перевод «Любви ангелов» совсем ученический и можно бы наполнить страниц⟨ы⟩ стилистическими ошибками.

Г-н Курсинский не знает изысканных строф и размеров. За редкими исключениями он пишет куплетами в 4 строки — и чаще всего 5-стопным ямбом, это его любимый стих.

Сборник г. Курсинского — центон [26]. У нас в России еще не поняли, что всякая книга, а тем более книга стихов, должна быть объединена единою мыслью, единой идеей: у нас чуть подвернется издатель или появятся деньги у поэта — он и печатает сборник скопившихся стихов, зачастую весьма противоречивых — таковы сборники Федорова, Коринфского и таков сборник Курсинского. Из него можно вынуть несколько стихотворений, можно несколько прибавить — ничего не изменится, точно прежние оды, которые так легко было по надобности укорачивать. Сборн⟨ик⟩ стих⟨ов⟩ должен иметь начало и конец! [27] См. мои «Chefs d'Oeuvre» [28].

2* Курсинский молод и его поражают еще такие резкие контрасты (совсем не полутени!), как ⟨в⟩ «Сегодня партия ⟨идет на Сахалин...⟩» *(прим. В. Брюсова)*.

3* Конец века *(франц.)*.

4* *Далее зачеркнуто:* которое, как кажется, навеяно ближе всего Мережковским и мною.

[1] 2.21 (тетрадь № 20), л. 76об. Самая ранняя из заметок Брюсова о Курсинском. По расположению в тетради вслед за черновым вариантом письма к Курсинскому от 26 июля 1895 г. (л. 73—74) и посреди черновика письма к Перцову (л. 74—78), отправленный вариант которого имеет дату 27 июля 1895 г. (*Письма к Перцову*. С. 31), данная заметка может быть датирована 26—27 июля 1895 г.

[2] Вторая и пятая строфы элегии «Сельское кладбище». Этот перевод из английского поэта Т. Грея стал первой публикацией Жуковского.

[3] 2.22 (тетрадь № 21), л. 4об.—6. Набросок статьи о Курсинском, которая должна была входить, по первоначальному плану (там же, л. 8об.) в начатую Брюсовым книгу «Русская поэзия в 1895 г.» (заглавие книги и набросок ее начала — там же, л. 9об.—10). По расположению в тетради до датированной 19 августа 1895 г. (л. 38 об.) статьи «Владимир Соловьев» данный набросок может быть отнесен к последним числам июля — первой половине августа 1895 г.

[4] В *Полутени* вошло под заглавием «Сонет из письма».

[5] Стихотворение «Гр⟨афине⟩ А. Л. Т⟨олстой⟩».

[6] Стихотворение «Молчанье. Тьма».

[7] Поэма Т. Мура. В *Полутени* не вошла.

[8] Эта строка из стихотворения «Плыла волна» в *Полутени* вошла в исправленной редакции: «О берег скалистый разбилась волна».

[9] Из стихотворения «Сонет из письма».

[10] В печатном варианте *Полутеней* такой строки нет.

[11] Из стихотворения А. Н. Майкова «Октава» (1841).

[12] В печатном варианте *Полутеней* стихотворение с заглавием «Сумерки» одно, и написано оно хореем.

[13] Возможно, именно это стихотворение вызвало цензурные осложнения, о которых идет речь в п. 15. В печатном варианте сборника его нет.

[14] Из стихотворения «Где склонясь задумчиво, уныло...». В печатном тексте *Полутеней* «непонятное — ясно» заменено на «чудесное — возможно», а «вопрос решается ужасный» — на «молчит в груди вопрос тревожный».

[15] Из стихотворения «Как грусть, нежны и бледны небеса...».

[16] Из стихотворения «Музыка». Вместо «полна» в печатном тексте «проста».

[17] Из «Сонета из письма».

[18] Этих строк в печатном тексте *Полутеней* нет.

[19] Стихотворения с таким заглавием или первой строкой в печатном варианте *Полутеней* нет.

[20] Поэтические формулы из стихотворения Бальмонта «Одна есть в мире красота» *(Под северным небом)*.

[21] Произведение, из которого взята следующая далее цитата — лирический цикл из 5 шестистиший — в печатной версии *Полутеней* занимает не первое, а второе место. Открывается же сборник стихотворением «Закат».

[22] Особенность правописания молодого Брюсова. Ср. *Тетради*, п. 26, прим. 13.

[23] «Кто будет жив, увидит» *(франц.)*. Цитируемое стихотворение Курсинского написано шестистишиями. 7-я строка либо восходит к одной из ранних редакций, либо дописана Брюсовым.

[24] Перевод стихотворения Мура «How dear to me the hour when the daylight dies» («В вечерний час слабеет светоч дня...»)

[25] 2.22, л. 9. Добавление, свидетельствующее, что Брюсов не считал предшествующую заметку оконченной и продолжал работу над ней. Датируется аналогично этой заметке.

[26] Здесь — случайное собрание стихотворений. Обычно под «центоном» понимается новое произведение, составленное из специально подобранных строк различных известных сочинений.

[27] Излюбленная идея Брюсова, впервые выдвинутая еще в 1893 г. в монологе героя пьесы «Проза» В. Дарова (об этой пьесе см.: *Тетради*, п. 2, прим. 2): «Многие не поймут и этого нововведения, чтобы сборник стихотворений составлял одно целое, как роман или поэма. Да, каждое стихотворение связано с прежним и готовит следующее, пока все не разрешится последним чарующим аккордом» (*ГБЛ*. Ф. 386, 28.4. Л. 14).

[28] О структуре и «сюжете» этой брюсовской книги см.: *I. Delaney Grossman*. Valery Brusov and the riddle of Russian decadence. Bercley e. a., 1985. ch. 2.